

№ 8

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-ЛЕТИЮ ФИКРЕТА ГОДЖИ

Фикрет ГОДЖА. <i>Стихи</i>	3
Лев ОШАНИН. Мир поэзии Фикрета Годжи	10
Александр ГРИЧ. Афоризмы Фикрета Годжи	12

ПРОЗА

Самид АГАЕВ. Дороги хаджа. Роман (Окончание)	18
Елизавета КАСУМОВА. Ворона на веревочке. Рассказ	98
Вахид ГАЗИ. <i>Документальные рассказы</i>	115

ПОЭЗИЯ

Назир РУСТАМ. <i>Стихи</i>	95
Александр ГЛАДКОВ. <i>Стихи</i>	109
Ирина НАДИРОВА. <i>Стихи</i>	131

ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий САЛАЕВ. Поговорим о литературе	113
--	-----

2015

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Литсотрудники	– Диляра БАБАЗАДЕ, Егана МУСТАФАЕВА
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Эмиль АГАЕВ, Кямаля АГАЕВА, Гюльрух АЛИБЕЙЛИ, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Максуд ИБРАГИМБЕКОВ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz@box.az
Тел: 493-75-81

Подписано в печать 21.07.2015г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФИКРЕТА ГОДЖИ

Хорошо, что...

**Хорошо, что живу, что при деле.
Человеком, как все, наречен,
Проношу я сквозь дни и недели
Жизнь, взвалив, словно груз, на плечо.**

**Не родись я, лежала б округа
Все такой же, мир так же б шумел.
Только дружба лишилась бы друга
И на сердце бы мир обеднел.**

**Не родись я, на место Фикрета
Встала б сотня Фикретов, и пусть...
Только как, не познавшие света,
К вам пришли б моя радость и грусть?**

**Грусть моя, все, чему был бы рад,
Нерожденные, к миру взывая,
Во все б двери стучались подряд,
Вам, родившимся, спать не давая.**

* * *

Преследует меня твой жгучий взор...
Былую боль зову я на подмогу.
Все то, что пережил я до сих пор,
Все, что прошел, и этого мне много...

Но рвешься ты в мой вечный непокой
С решимостью слепой и полупьяной,
Как будто родилась, чтоб быть такой.
Но, понятый тобою, чем я стану?

Отдай я душу, будь тобой любим,
Ведь только больше одиноким буду.
Бродяге-ветру я необходим
И дереву, что шепчет мне о чуде.

Как без меня волнам бездомным быть,
И морем заштормит листва лесная...
Мне надо бы совсем тебя забыть.
Но только как забыть тебя, не знаю.

* * *

И небо смотрит в море, и звезда,
И отражает берега вода.
И, где б ни находился, но о море
И думаю, и помню я всегда.

У моря началась любовь моя,
Ни чувств, ни дум от моря не тая,
Как море, необъятною и чистой
Поэтому была любовь моя.

Быть может, создавала нас волна,
И прямо к солнцу подняла со дна.
И, где б ни потерялись, – нас на берег,
На тот же самый выбросит она.

Скала

Скала обвалилась,
со стоном упала скала.
Низринула вниз ее
ей непонятная власть.

И, падая,
В страхе бедняга понять не могла,
Что ниже земли,
своей матери,
Ей не упасть.

* * *

Я последнюю песню слагаю тебе в тишине,
И последнею данью моей будет песня
простая.

Защемит она душу, печаль отзовется во мне,
Как прощальную песнь пропоет журавлиная
стая.

Я прощальную песню сегодня тебе пропою,
Вечер, ветер последний, последний корабль
у причала.

И потом, словно в бурное море, не песню
мою,
А разбитое сердце я выброшу, чтоб
не мешало.
Все решится — сегодня я в пламени ночи
сгорю.
Но коль выйду живым из нее силой, данною
свыше,
Встанет новое утро, я первую встречу зарю,
И проснется весь мир, мою первую песню
услыша.

* * *

Во мне родник и радостный, и светлый
Звенит.
И рад я зелени листвы,
Окраске солнца,
Рад звучанью ветра,
Прозрачности небесной синевы,
И берегу,
И ласковости моря,
Вершинам горным,
Глубине долин.
Я радуюсь,
Всему земному вторя.
Я столько вижу на земле причин
Для радости.
Все пропиталось светом.
Во всем и всюду радость узнаю.
И я не человек,
Я в мире этом
Как будто остров Радости стою.

Перевод Валентина ПРОТАЛИНА

Деревья

Редеет лес по берегам Куры,
Деревья сохнут,
Падают стволы,
Как будто бы в округе нет воды.
Откуда ждать спасенья от беды?

Но нет, не от грозы,
Не от пилы,
Не от безводья падают стволы.

В лесу побеги юные встают,
И шепчутся над мертвыми стволами.
И жизнь во всем значенье познают,
С ее знакомясь острыми углами.

Стволы, стволы, стволы по берегам –
Деревья пали у речной излучки,
Безжизненные ветви – словно руки.
А каждое при жизни – великан.
Повержены могучие стволы,
Как будто здесь рубился Кёроглу.

Перевод Вячеслава ЗАЙЦЕВА

Песня старой чинары

Я век зеленый прожила,
Теперь я только маюсь.
Не тронь иссохшего ствола,
Я не согнусь – ломаюсь!
Мой стан не гибок и не крут,
И листья больше не растут.

Я черно-золотая жердь
На утреннем пожаре.
Пережила я даже смерть:
Я – памятник Чинаре.

Пора упасть, исчезнуть, сгнить.
Сгореть в кострах веселых!
Но аисты успели свить
Гнездо на ветках голых.

Но аистята на руках
У повитухи старой...
Нельзя мне возвратиться в прах,
Должна стоять чинара.

Перевод Владимира ПОРТНОВА

Поклоняюсь огню

С огнем играю иногда,
Зато и нет такого льда,
Чтоб не растаял без следа
В груди моей.
Наверно, это –
Огнепоклонников примета.

Здесь, где копытом грохнет конь,
Встает из-под земли огонь.
В глухой ночи – костра ладонь,
Протянутая для приветов –
Огнепоклонников примета.

Оградой гор обнесены,
Алеют маки в дни весны,
Земли объятия тесны
Для полыхающего цвета,
Огнепоклонников примета.

Весь арсенал девичьих чар:
Пурпурных губ ответный жар,
В лице – стыдливости пожар,
В глазах блеснувшая комета –
Огнепоклонников примета.

Не канувшая в облака
Улыбка солнца сквозь века,
Границей ставшая река,
Что в сердце знойных гор продета –
Огнепоклонников примета.

Канатоходцы

С утра шумит большой базар
Галдит, ругается, смеется...
А над базаром высоко –
На проволоке –
Канатоходцы.
Они являются сюда,
Где толчея и суета,
Не торговать, не красть,
А с жизнью поиграть!
Их путь пружинист и высок –
Попробуйте, измерьте!
Блестящий тонкий волосок
Их бережет от смерти.
Ни влево и ни вправо –
Опасная забава!

Внизу – базар,
Любой товар:
Есть пахлава
И похвала,
Есть вина
И невинность,
Есть в бочках ложь медвяная
И ложка деревянная,
И соль здесь есть,
И совесть,
И, что ни спросишь, – все есть!
Продал,
Купил –
Вошел в азарт!
С утра кипит большой базар!
Здесь каждому неймется...
А над базаром –
Словно бы
По краешку колодца –
Идут канатоходцы.
Им разве жизнь не дорога? –
Чуть только соскользнет нога...
Никто и не помянет:
Базар – он делом занят.
Упал один –
Встает другой.
Канат пружинит под ногой...
Канат блестит на солнце...
Идут канатоходцы!

Перевод Мансура ВЕКИЛОВА

Море

Солнце в море засыпает
И рождается в море.
Солнце море пробуждает,
И уже в дозоре
Волны ходят, отливая
Серебром и золотом,
Серым жемчугом играя
И голубоватым.
Песня ветреного строя,
Нордовая нота;
Что написано волною,
То волною стерто.
И уже глазами в воду
И мечтами в воду
Ты ныряешь, ты играешь

**В новую свободу.
И, стремительно и нежно,
Чайкой длиннокрылой
В воду падает надежда –
С головой накрыло!
И серебряную рыбу
В мокром клюве держит.
И свою глубиною
И голубизною
Небо море одаряет,
Словно новизною.
И уже удары сердца –
Как удар приборя...**

На звездах

**Я в звезды нырнул...
Разбежались... Спугнул!
Нет, нет, как стекло,
Разлетелись со звоном...
И, словно в разбитом окне, потекло
Лучистое небо, небесное лоно.
Смотри, у меня на ладони луна!
И тает она, и становится тоньше.
Светящейся каплею стала она,
С ладони стекая, становится больше.
Какая прохлада –
Быть с звездами рядом!
И плыть, не касаясь ногами земли...
Соленое небо,
И звездная стая,
И белый кораблик холодной луны.
Об этом ни слова!
Об этом прекрасней
Вы скажете сами
И лучше споете,
Когда только сами
В светящийся Каспий
С ночных берегов,
Разбежавшись,
Нырнете!**

*** * ***

**В расчете на себя лишь
Ошибешься.
На самого себя
Не обопрешься.**

Боюсь, не боюсь

**Не смерти боюсь.
Боюсь, если смерть
Придет, не решусь,
Не смогу умереть.**

* * *

**Мой дом — автобусы, вагоны,
самолеты.
Деревни, города, планеты —
Только курс.**

**Я прожил миллионы километров,
И неизвестно,
Где остановлюсь.**

Перевод Аллы АХУНДОВОЙ

МИР ПОЭЗИИ ФИКРЕТА ГОДЖИ*

В моем домашнем архиве есть рецензия на дипломную работу Фикрета Годжи. Дата рецензии 31 января 1964 года. «В его лице, — написано там, — мы имеем безусловно крупного художника». Конечно, эпитет «крупный», сказанный в отношении выпускника Литературного института СП СССР имени А. М. Горького, был своеобразным авансом молодому поэту (Фикрет Годжа родился в 1935 году), но сейчас, спустя почти два десятилетия, можно уверенно сказать, что Фикрет Годжа оправдал возлагавшиеся на него надежды. Порывистый и неуживчивый, метущийся и нежный, уже тогда он жил в не слишком уютном мире своих раздумий, обостренно чувствовал фальшь и искренность, добро и зло, приближающуюся к людям беду. Мне запомнились такие строки:

*Безумцы раздувают пламя войн,
Стремясь огромной пепельницей сделать
Весь шар земной.*

Эта боль и дума о судьбах людей всей земли красной нитью проходит через все творчество азербайджанского поэта. За годы, отделяющие его от окончания института, он завоевал любовь и признание своего народа, да и не только своего. Его читают на Украине и в Латвии, в Узбекистане и в Татарии, в других республиках нашей страны. Есть у него почитатели и во многих зарубежных странах. Лауреат премии Ленинского комсомола Азербайджана, он и сам исколесил ближние и дальние края нашей родины и половину земного шара.

Недавно мы вместе с Фикретом были на днях литературы в Узбекистане. И в Ташкенте, и в Бухаре, и в Самарканде его встречали теплом и доверьем. На первом же выступлении в Ташкенте, которое транслировалось по республиканскому радио и телевидению, он сказал,

* Статья опубликована в сборнике Фикрета Годжи «Небо смотрит в море». Москва. Издательство «Художественная литература». 1982г.

что очень хотел бы написать об узбекской земле, понять и полюбить этот прекрасный край, его красивых трудолюбивых людей.

– Чтоб вы почувствовали, как я это постараюсь сделать, – обратился Фикрет к переполненному залу, – я вам прочту стихи о моем родном Азербайджане.

Фикрет Годжа владеет всей полнотой палитры, доступной поэту, художнику. Голос его бывает то задушевым и интимным, то набирает высоту и глубину гражданственности, но никогда не становится риторичным или крикливым, потому что мысль его не прямолинейна, а находит самые неожиданные повороты.

*Господи,
Не унизь врага моего,
Чтобы я
Не унизил имя свое
Победой над тем,
Кто унижен.*

Вот еще стихотворная миниатюра:

*Листва, желтея,
Солнцу подражала.
А на земле от той листвы
Лишь тень лежала.*

Уходящая корнями в древние поэтические традиции азербайджанского народа, его великих всемирно прославленных классиков, поэзия Фикрета Годжи в то же время глубоко современна и по духу, и по форме. Прекрасный мастер канонических национальных форм стихосложения, он часто и охотно пишет свободным стихом. Не случайно одним из любимых своих поэтов он считает Назыма Хикмета. Я помню, с каким волнением Ф. Годжа шел осенью 1963 года на его могилу, чтобы положить на нее горсточку турецкой земли, которую мне удалось привезти из Стамбула.

Фикрет Годжа постоянно ищет и находит в нашем времени героическое, утверждает значительность и красоту так называемого «простого» человека. Взять, к примеру, одну из ранних поэм Фикрета «Колеса крутятся назад». В ней возникает пустяковый, казалось бы, конфликт между художником, требующим остановить автобус в горах, чтобы рисовать их красоту, и водителем, который отказывается это сделать и высмеивает надутого восторженного художника. В этом споре побеждает шофер, прежде всего потому, что он прав, – в самом деле, нельзя же задерживать автобус, везущий множество людей, каждый из которых куда-то спешит, по прихоти одного человека. Но главную победу одерживает шофер поступком, сражающим художника. У автобуса высоко в горах над пропастью отказывают тормоза, и в последнюю минуту, когда колеса автобуса почти нависают над обрывом, водитель, чтобы спасти людей, подкладывает под колеса машины свои ноги.

В своих стихах и поэмах Фикрет Годжа непрерывно возвращается к теме героизма, высоты человеческой ответственности:

*Ты – че-ло-век!
К твоим ступням
прижался шар земной.
Ты – жиз-не-люб!
И в полдни, и в ночах
В ответе ты за все на свете,
Ты судьбы мира
Держишь на плечах!*

И вот передо мной новая рукопись поэта на русском языке, подготовленная им для издательства «Художественная литература». Было приятное узнавание юношеского Фикрета и открытие нового – повзрослевшего, возмужавшего. Голос его стал зреее, круг тем расширился, вышел за рамки не только республики, но всего Союза («Уж не село, а вся земля им мать», – как писал когда-то Сергей Есенин), но его творческое кредо – кредо глубокой человечности и утверждения человеческого «я» осталось прежним. Фикрет Годжа исповедует мир добра и красоты, но это не однозначный мир дешевого оптимизма:

*Вытягивались ночи по земле,
В которые не спал я,
Как туннели
Гигантские,
И за окном чернели.
И мчался мир назад в крошечной мгле.*

Поэт болеет болью Вьетнама, который «лег гигантской баррикадой от моря до моря», он болеет болью Че Гевары, который погибает, так и не осуществив своего предназначенья. Ф. Годжа находит неожиданные, яркие строки о Кубе:

*Куба!
Остров великий!..
Ты похожа на «Аврору»,
Причалившую к Америке.*

Хочется поговорить еще о поэзии Фикрета Годжи с точки зрения переводческого искусства. Нельзя сказать, чтобы его мало переводили, что его переводчики малоквалифицированы или что переводы плохи. Но рождение иноязычного поэта на русском или на любом другом языке – всегда чудо. Так, для русского читателя чудом оказались сонеты Шекспира, песни и баллады Роберта Бернса, стихи наших современников Расула Гамзатова и Кайсына Кулиева. С Фикретом Годжой такого чуда пока не произошло. Вслушиваясь в звучанье его стихов на родном языке, вчитываясь в его подстрочники, я понимаю, как трудно передать его поэтическую речь с острыми нестандартными рифмами, яркой, порой сложной образностью. Все же переводы в значительной степени дают представление о поэзии Фикрета Годжи, они сделаны с искренним волнением и любовью к автору.

Лев ОШАНИН

АФОРИЗМЫ ФИКРЕТА ГОДЖИ

Бывает, что переводы так же близки тебе, как собственные стихи. Это случается, конечно, чрезвычайно редко, но все-таки случается.

Я счастлив, что так у меня случилось много лет (много десятилетий!) назад с прекрасным поэтом Фикретом Годжой. Первопричина тут, конечно, в оригинальных стихах: Фикрет Годжа – поэт сильный, своеобразный, парадоксальный. И мне очень повезло, что знаю Фикрета лично, и каждая встреча с ним – радость.

Когда человек талантлив – он во всем талантлив.

Сейчас мне кажется, что еще до того, как я познакомился с Фикретом, я видел его портрет, написанный Тогрулом Нариманбековым: изумрудные глаза на пол-лица и ощущение какой-то детской наивности (ему на портрете – лет 25) и одновременно мудрости старца. Он же не случайно взял псевдоним «Годжа» (Старик).

О Фикрете Годже много сказано и написано. Он из той редкой категории писателей,

которых действительно знает и любит народ. И сорок лет назад, куда с ним в Азербайджане ни зайдешь, его повсюду узнавали, и в прошлом году, когда мне посчастливилось приехать на юбилейный писательский съезд в прекрасный, новый Баку, картина была такая же. И певцы в ресторане, и уборщица, и случайные прохожие на улицах – все хотели подойти, пожать руку, обменяться хоть двумя словами... Как реагировал на это Фикрет? Никак. Он привык. Кажется, он удивился бы, если бы было иначе.

Он – народный поэт, он – заслуженный деятель, он – лауреат, он – первый секретарь Союза писателей. Не могу сказать, что ему это не нужно – наверное, это не так. Но главное для тех, кто его знает – не ранги и не звания, а то, что он – Фикрет Годжа. И этим все сказано.

А потому позволю себе вместо юбилейной статьи предложить читателю выдержки из афоризмов Фикрета Годжи. Что-то я слышал от него сам, что-то – прочитал в интервью, которые он давал в разные годы...

Мне кажется, что эти короткие строки больше расскажут об их авторе, чем иные научные работы. А в конце – совсем свежий наш разговор с Фикретом, который я записал в преддверии его 80-летия. Но пока – АФОРИЗМЫ.

О возрасте

Я уже тот человек, который понимает, что, молясь Богу, все равно, в какую сторону смотреть. Необязательно смотреть в сторону Каабы. Если я молюсь Богу, я стою лицом к нему, куда бы ни смотрел.

О болезнях

Врач говорит – не сиди на сквозняке! Наивный человек – он думает, у меня есть, что застуживать! (Фикрет лишился тогда легкого)

О потерях

...Люди уходят от нас по-разному. Кто-то умирает, кто-то отворачивается. Кто-то предают... Жизнь есть жизнь. Всегда что-то теряешь: молодость, зубы, волосы. Теряешь друзей, энергию...

О глупости

В каждом человеке сидят двое – умный и дурак. Вся жизнь между ними происходит борьба, и к старости один добивается над другим заметного преимущества... Дурак, к сожалению, побеждает чаще...

О Союзе Писателей

... Союз писателей – объединение людей пишущих. Есть ведь разные объединения. Хулиганы, наркоманы – и то кучкуются, объединяются. А здесь объединены писатели. Союз не может состоять только из прекрасных писателей. Если бы золота было много, оно бы не имело ценности.

О популярности

...Громкие имена поднимаются как пыль, а потом оседают, утихают. Вы думаете, что Физули в пятнадцатом веке знали лучше, чем сейчас? Тогда его, наверное, вообще не знали. А сейчас его знает весь мир. Поэзия – марафон, а не стометровка. Тут надо рассчитать дыхание, и это не всем удастся. Может, сейчас мы не знаем имени какого-то поэта, через сто лет о нем будут говорить все и считать классиком.

О неудачах

Они – мои, как и удачи. Я учусь на них.

О возможности другой судьбы

Поэт ниспослан на землю в то время и то место, в котором он нужен. Он должен быть верен своей судьбе. Иначе всё потеряет и погибнет.

О любимых поэтах

Низами, Физули, Саади... Очень любил и люблю Байрона, французского поэта Франсуа Вийона – поэта-хулигана, как его называют. Его дважды приговаривали к казни, и только на третий раз смогли казнить.

Очень люблю Есенина и Маяковского. Я считаю, что они очень близки, несмотря на личностные разногласия, у них очень много общего, в том числе и в их творчестве.

*Я хочу быть понят моей страной.
А не буду понят, что ж.
По родной стране пройду стороной,
Как проходит косой дождь.*

Они влияли друг на друга, может быть, сами того не сознавая.

О состоянии современной литературы

Как после потопа. Прилавки завалены новыми книгами, чуть ли не все много пишут. И это хорошо. Каждого нужно уважать. И не надо ограничивать. Пусть пишут. Пройдет время, муть осядет, но главное останется. Останется картина нашего времени.

О себе

Вы видели у причалов старые суда? Они еще могут вновь выйти в море. Они повидали на своем веку и ураганы, и одичавшие вздыбленные волны... Глядите, и я похож на такое старое судно. Чего только в моей жизни не было! Но эти штормы и девятые валы необходимы. Без них море было бы озером, а не морем. И жизнь наша такова. Красота её в борьбе, в победах и поражениях, радостях и печалях.

О почетных званиях

Я против субординации в литературе... Ум и талант – от Бога. Пушкин не имел литературных регалий, но разве от этого он стал менее народным?

Звания народных поэтов были приняты при советской власти. Это было выгодно государству – иметь при себе отряд «прикормленных творцов». При истинно демократическом строе надобность в народных поэтах, писателях постепенно отпадает... Язык истинной поэзии – язык таланта. А талант может быть и молодым, и старым, и народным, и не народным. Таланты распределяет Бог.

Об отношении к другим этносам

...Азербайджанство не может иметь целью «растворение» других этносов, проживающих в стране. Каждый уникален своим рождением. Всевышний его создал таким. Какое я имею право изменять созданное Богом? Радуюсь сохранению в горном селении Хыналыг (Губа) хыналыгского народа, языка, своеобразности. Мой друг поэт Алхас писал свои стихи на родном хыналыгском языке... Разве могу я называться цивилизованным человеком, если способствую исчезновению языка, традиций?..

О критике

Критика – это совесть. Мирза Джалил – совесть своего времени... И Сабир. Если жить только славословием, жизнь остановится. И вообще – на Кавказе мужчины никогда не восхваляли друг друга.

О современном мире

Если мы такие замечательные, то почему наша цивилизация так жестока?

Известный путешественник Тур Хейердал когда-то задал представителю какого-то дикого племени вопрос о причинах людоедства.

Тот в ответ спросил: «Вы не едите людей? Нет? Тогда зачем же вы их убиваете?».

Сознание голого, первобытного человека учит логике нашу цивилизацию. Этот человек не может понять, почему надо уничтожать людей и целые страны... Почему?

А ВОТ ТЕПЕРЬ – ИНТЕРВЬЮ

(В ПРЕДДВЕРИИ ЮБИЛЕЯ ФИКРЕТ ГОДЖА ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ)

– *Приближается твоё 80-летие. Есть какие-нибудь особые ощущения по этому поводу?*

– Я и сам всё ещё не верю. Напоминают о моём возрасте болезни, а я не верю! Пишут и говорят, что моё 80-летие приближается – иногда кажется, что это тоже специально, чтобы мне напомнить. Своего рода психологическая подготовка.

А в последнее время и внутри слышен голос: «Прислушайся! Подумай, может, правду говорят...» Ну, что тут делать?

Каждый день бреюсь, чтобы избавиться от седой бороды, но не успеваю, готов уже сдать.

И тут ты, мой давний друг, задаешь мне тот же вопрос... Сдаюсь!

Да, я, даст Бог, скоро отмечу 80-летие – вот тебе мои особые ощущения.

– *Ты пишешь стихи уже лет 70. Наверняка потому, что не можешь не писать... Но наверняка ты и задумывался о том, почему люди вообще пишут стихи. Почему же?*

– Я и вправду больше семидесяти лет пишу, и столько же лет думаю о том, почему и зачем люди пишут стихи. И до сих пор не могу понять...

– *Говорят, Сталин очень рассердился на скульптора Вучетича, когда тот спросил его, что такое старость. Чуть не выгнал скульптора.*

А ты бы что ответил, если бы тебя об этом спросили?

– Ну, я не Сталин, а ты не Вучетич. Но я настолько глубоко не верю в старость, что ничего не могу сказать из того, о чём обычно говорят – о ее глубине и ее мудрости. А потому давай считать, что этого твоего вопроса я не слышал – возможно, из-за старости...

– *В Азербайджане только что блистательно прошли Европейские Олимпийские игры. Весь мир за ними наблюдал, в Лос-Анджелесе знаю многих болельщиков. А мы с тобой за долгие годы знакомства о спорте никогда не говорили. Как ты относишься к спорту? Как спорт соотносится с литературой – есть ведь и в искусстве элемент состязания?*

– По поводу Олимпиады – было внутри такое сильное чувство: «Эх, жаль, что уже немолод и болезни достают, а то бы...» Но из-за невозможности участвовать в Олимпиаде физически, поучаствовал морально. Написал стихи.

Они посвящены первой леди страны, председателю оргкомитета Мехрибан Алиевой. Вот отрывок из них:

*Олимп переехал в Баку!
Во имя любви и добра
Прольется сияющий дождь –
Дождь золота и серебра.
К нам – гости из разных широт,
Грохочет оваций прибой.
Над Каспия пеной седой
Рассвет Олимпийский встает...*

Что же по поводу состоятельности в литературе – об этом давно написал один из моих учителей в поэзии Расул Рза. Примерно так:

*Помните: искусство – это не спорт,
Где подпрыгнуть выше других – победа.*

– Вы с Анаром долгие годы успешно руководите Союзом писателей. Помню, СП СССР в Москве руководили обычно такие люди, называвшиеся писателями, от которых в литературе ничего не осталось. В Азербайджане, к счастью, не так. Но поэт и руководитель – это две ипостаси очень разные. Как ты их совмещаешь?

– Видишь ли, мы с Анаром были друзьями задолго до того, как стали работать в Союзе писателей, мы и на этой работе дружим и, даст Бог, будем дружить, не занимая эти должности... Говорю об этом потому, что в Москве руководители Союза не дружили и, насколько знаю, не дружат – ни до, ни после, ни во время... В этом, собственно, основная разница.

Что же до руководящей должности... всю жизнь моим основным делом было писать стихи. Всё остальное – любые должности, любые ситуации были для меня вторичными – даже самому себе в ущерб. Стихи – это не работа. Это – как дыхание. А если ты дышишь, ты живешь. А если ты живешь – ты должен жить, как гражданин своей страны. Как работник. Как человек, приносящий пользу.

Вот этим я и занимаюсь в меру сил.

– Какую роль в твоей жизни играет то, что называют «высшим началом»?

– По моему, каждый человек – крохотная частица вселенского света. И в ней, в этой частице неземного света – суть жизни человеческой, без неё человек невозможен.

Жизнь моя подобна крохотному суденышку в необъятном океане неизведанного. Тот, о ком ты спросил – у руля. Он – капитан.

– Ты веришь в приметы – плохие или хорошие?

– Верю, верю, еще как верю...

– У тебя чудесная семья – жена Рая-ханым, замечательные дочери Гюлай и Гюнай, внуки... Какую роль семья играет в жизни поэта?

– Спасибо, что упомянул о членах моей семьи. Я им благодарен за всё и желаю долгой счастливой жизни. Только одно ты упустил, важное – стихи. Они тоже – моя семья. И им тоже я желаю долгой и счастливой жизни...

– Моя лос-анджелесская внучка Надия с удовольствием слушает чудную песню, которую ты и Азер Дадашев ей посвятили.

Что бы ты хотел пожелать на пороге своего юбилея совсем молодым?

– Наши встречи в Лос-Анджелесе ко мне возвращаются в добрых сновидениях. И маленькая Надия в этих снах появляется как музыка, я вижу и слышу ее снова и снова. И вспоминаю Людмилу, твою жену, которая так тепло заботилась обо мне. Пусть Аллах даст вам еще пятьдесят лет вместе, и пусть небо мне подарит возможность ещё хоть десяток лет с вами видеться... Молодым я желаю оставаться молодыми как можно дольше. Пусть помнят: молодость – это единственный недостаток, который быстро проходит.

– Меня попросили предложить что-то из своих стихов и переводов в крупный российский литературный альманах. Рад сообщить, что переводы твоих стихов там встретили «на ура» и попросили еще – не спрашивая о твоих регалиях и должностях... Потому что стихи говорят сами за себя. Но ты ведь привык к тому, что тебя читают за рубежами Азербайджана?

– Приятно, что мои стихи будут опубликованы в новом альманахе, выходящем в

центре России. Я побывал во многих странах, стихи мои переводились на языки разных народов, а вот в Воронеже побывать не довелось. Так что теперь мои стихи там вместо меня появятся – чему я, конечно, очень рад.

– В Израиле твой юбилей собираются отметить творческим вечером. Ты ведь во многом способствовал созданию там филиала азербайджанской писательской организации?

– Мне очень понравился Израиль. Особенно Иерусалим. Как его ни называй, эта земля – святая, она – под ногами Создателя. Три главные мировые религии имеют там начало – это неслучайно.

И, конечно, для меня будет большим подарком, если там состоится мой вечер.

– У тебя много песен. Читал разные цифры – то ли 300, то ли 500. Песня и стихи – это вроде бы близко, но, мне кажется, совсем разное. А ты что думаешь?

– Ну да, у меня песен немало. Многие и теперь поют, иные позабыты... Вот сейчас вышло моё собрание сочинений в восьми томах. Весь седьмой том – песни. А в томе – около четырехсот страниц, вот и считай. Там, конечно, не все песни, но большинство. По песне на страницу. Я их пишу, как стихи. Но у песен – другая судьба. Их не надо учить наизусть и декламировать. Их – поют. Вот в этом и разница, иногда – огромная...

– Чувство, которое ты чаще всего испытываешь в эти предъюбилейные дни?

– Откровенно скажу: очень хочу, чтобы этот юбилей прошел благополучно – и побыстрее. Ощущение такое, что это – вроде бы мой долг. Не знаю, кому и за что я должен.

Но – должен. И так живу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На этом, пожалуй, можно бы и закончить, тем более что чувство долга, поэтически понятое – это и есть жизнь Фикрета.

Но – ещё об одном.

...Зайдя в кабинет Первого секретаря Союза писателей Азербайджана, я увидел на стене портрет Назыма Хикмета.

Фикрет любит его стихи, он знал поэта при жизни, слушал его выступления...

А я подумал – как всё в мире связано. Я только за день до этого вспоминал в связи с Фикретом стихи Бориса Слуцкого, посвященные Назыму.

*Я немало мотался по белому свету,
Но о турках сужу по Назыму Хикмету...*

И закончить сегодняшние заметки о Фикрете Годже я хочу перефразированным финалом того, любимого мной стихотворения:

*Только так и судите народ – по поэту,
Только так и учите язык – по стихам.
Пожелаем здоровья и счастья Фикрету,
Чтобы голос его никогда не стихал!*

Александр ГРИЧ

САМИД АГАЕВ

ДОРОГИ ХАДЖА

*Роман**

Граф Эд Монбельярский

Конраду, наследнику короля Фридриха, было в это время семь лет, и командор, говоря пленникам: король решит вашу судьбу, имел в виду вовсе не его, а регента – Эда, графа Монбельярского, наместника Фридриха в Палестине, в приемной которого мы оставили Раймонда в ожидании аудиенции. Рыцарю пришлось просидеть там более часа под пристальными взглядами секретаря и других посетителей, знатных сеньоров и баронов. Приемная постепенно пустела, наконец, когда он остался один, из аудиенц-зала выглянул секретарь и, сверившись со списком, сказал:

– Аудиенция закончена, кажется, все.

– Еще один, – возразил дежурный офицер, кивая на рыцаря, и добавил: – Рыцарь Раймонд, из отряда графа Н., того, что погиб при взятии Акры.

Секретарь скрылся на некоторое время, а затем вновь появился.

– Входите, граф примет вас.

Наместник сидел в кресле с высокой спинкой и в свете камина разглядывал какой-то кубок, тускло отсвечивающий медными боками.

– Изложите суть просьбы, – заговорил наместник. – Чего вы хотите? Жениться, развестись, вернуться во Францию? Последнее исключено. Людей не хватает.

– Нет, ваша светлость, я не хочу жениться, развестись и тем более вернуться во Францию.

Рыцарь подробно изложил все обстоятельства своего знакомства с Али и Ладой.

– Какая занимательная история, – сказал наместник. – Что же было дальше?

– Это все, мессир, остальное будет зависеть от вас, – ответил Раймонд.

Наместник вновь взял в руки кубок и долго разглядывал его.

– Не понимаю, – наконец произнес он.

Раймонду стало грустно.

– Позвольте мне пояснить, ваша светлость, – осторожно вступил в разговор секретарь. – Женщина, о которой нам рассказал рыцарь, и ее спутник арестованы госпитальерами по подозрению в шпионаже...

– Вы зря так усердствуете, – оборвал секретаря наместник, – я понял это. Я не понимаю другого. Что я могу для него сделать? Приказать магистру отпустить подозреваемых в шпионаже и тем самым усилить его подозрения? Тогда он сообщит папе о том, что Фридрих продолжает свои предательские сношения с мусульманами. А они только недавно примирились.

После недолгой паузы, во время которой Раймонд уверился в том, что граф вполне адекватен, наместник сказал:

[†] Окончание. Начало см. №№ 6,7, 2015г.

– Мне доложили, что вы воевали в отряде графа Н.

– Да, сир.

– Жаль графа, достойный был человек. У него была очень красивая жена. Что с ней случилось?

– Она вернулась во Францию.

– Вы хорошо осведомлены.

– Некоторое время я состоял в ее свите. Затем перешел в полк графа.

– Странное место для рыцаря.

– Я не воин. Я трубадур, ваша светлость.

– Что стало с вашим полком?

– От него мало что осталось. Выжили человек тридцать после того боя. Все рассеялись, примкнули к разным отрядам.

– А вы?

– А я ушел странствовать, как раз объявили перемирие. Писал стихи, песни.

– Счастливый человек, – завистливо произнес граф. – Хотел бы я оказаться на вашем месте.

– Это легко сделать, ваша светлость. Садитесь на коня и в путь.

– Вы пришли просить за ваших знакомых. Но я не могу забрать пленников у магистра. Во-первых, он их не отдаст. А я не буду воевать с ним из-за этого. Во-вторых, магистр по своей должности – ревнитель веры. Если я вступлю с ним в конфликт из-за мусульман, которых он арестовал по подозрению в шпионаже, это будет выглядеть довольно странно.

– Мессир, речь идет о справедливости, – сказал Раймонд, – ни в чем не повинных путешественников взяли в плен. Огульно обвинили в шпионаже. Я лишь свидетельствую об их невиновности и прошу восстановить справедливость.

– Они мусульмане. Я не могу ссориться с христианами из-за мусульман.

– Но у нас с мусульманами перемирие, – не унимался Раймонд.

Наместник лишь развел руками и посмотрел на секретаря.

– Аудиенция закончена, – сказал тот.

Раймонд поклонился и направился к выходу.

– Подождите, – остановил его граф. – Где вы остановились?

– Я нигде не остановился. Мы прибыли вчера. Ночь я провел в госпитале иоаннитов. А сегодня ушел. Вообще-то я тоже был под арестом.

– Значит, бежали из-под стражи?

– Можно так сказать, сир.

– Не желаете поступить ко мне на службу? – спросил наместник.

– Если это каким-то образом поможет моим друзьям.

– Ваша корысть простительна. Однако не будем загадывать. Я вам ничего не обещаю. Я попробую что-нибудь для вас сделать, в память о графе Н. Это был достойный человек. Хотя, – сделав паузу, наместник добавил, – ради графа вас стоило бы вернуть под арест, ведь вы волочились за его женой. Вы согласны?

– Да, сир. Но что я должен делать?

– Сегодня я устраиваю прием, приходите. Там будет и магистр иоаннитов. Возможно, он что-то расскажет нам о кознях мусульман.

– Благодарю вас, мессир, – сказал Раймонд.

– А сейчас вас отведут в комнату, где вы сможете отдохнуть... и сменить платье. Я распоряжусь об этом. Поль!

- Да, сир, – помощник выглядел изумленным.
- Позаботьтесь о новом платье для этого дворянина.

На приеме

Приемы, которые время от времени устраивал наместник Иерусалимского королевства, были мероприятиями тягостными, особенно первая их часть, но необходимыми.

Нынешний прием проходил в большом зале королевского дворца. Центральной фигурой был жизнерадостный семилетний мальчик по имени Конрад – наследник короля Фридриха. Он был одет в черный бархат по случаю траура по недавно скончавшейся матушке и потому был едва заметен в огромном черном кресле. Тем не менее его все замечали и спешили приветствовать и отдать королевские почести. Рядом с тронном стоял уже известный нам граф Монбельярский и комментировал мальчику происходящее в зале.

– Эд, можно мне уйти уже? – спросил Конрад. – Мне скучно.

– Ваше величество, еще немного, прошу вас. Давайте побеседуем с фра Герэном. Он как раз направляется к вам. Помните вопрос?

– Помню, – буркнул наследник и с хмурым видом стал ожидать приближения магистра иоаннитов.

– Приветствую вас, ваше величество, – сказал, приблизившись, магистр.

– Благодарю тебя, Герэн, какие новости?

– Ничего особенного, – удивленно ответил магистр. – Так, мелкие стычки с мусульманами, сопровождение паломников.

– А что это за невинные люди, которых ты арестовал на нейтральной земле?

– Какие люди? – спросил фра Герэн.

– Мужчину и женщину, – вступил в разговор граф, – вы обвинили их в шпионаже.

– Ваше величество прекрасно осведомлены о моих делах, – любезно ответил фра Герэн. – Я и сам было решил, что они ни в чем не повинны. Правда, при мужчине было письмо, адресованное султану Малику Ашрафу, злейшему нашему врагу.

– Почему же злейшему? – удивился Эд. – Кажется, король Фридрих заключил мир с мусульманами.

– Но дело даже не в письме, – ответил Герэн, – я решил было не обращать на него внимания и хотел отпустить их. Как вдруг на конвой, сопровождавший этого мусульманина, было совершено нападение. Это обстоятельство подтверждает, что наши подозрения имели почву, и он виновен.

– Если человек бежит, значит, он виновен? – спросил Эд. – А если он просто не хочет сидеть?

– Если его арестовали, значит, он виновен, у моих людей были основания для таких действий.

– Допустим, – заметил наместник, – но речь идет не о мужчине, возможно, вы и правы насчет его вины. Но вы стали хватать наших людей. Ко мне явился некий рыцарь, утверждая, что был задержан вашими людьми. Служебное рвение – вещь хорошая, но стоит ли хватать всех без разбора?

– Рыцарь сей странным образом замешан в этой истории, – ответил Герэн.

– Кажется, он виноват лишь в том, что оказался попутчиком этой пары паломников. Ведь они паломники?

– Так они назвались.

– Дорогой магистр, задача госпитальеров состоит в том, чтобы сопровождать христианских паломников, а не мусульманских, к тому же помимо их воли. Тут уж вы перестарались. Давайте разберемся в этой запутанной истории. Пришлите эту женщину, мы хотим ее допросить.

– Вы? – переспросил магистр.

– Кажется, я произношу слова довольно внятно, – заметил наместник. – И должен напомнить, дорогой магистр, что в Иерусалиме я представляю короля. Полагаю, вы уже отправили послание его святейшеству папе. Надо, чтобы его величество король Фридрих был также в курсе происходящего в Иерусалимском королевстве. Кстати, они помирились, слышали об этом? Так что нет никакого резона скрывать информацию от одного из них. Надо сообща выполнять нашу святую миссию.

«Проклятый выскочка», – подумал магистр.

Поклонившись наследнику, он отошел к своей свите. Граф проводил гросс-мейстера внимательным взглядом.

Магистр госпитальеров был несправедлив к графу. Эд Монбельярский не был выскочкой, поскольку сопровождал Фридриха в крестовом походе с того момента, когда тот, возглавляя весьма скромную армию в полторы тысячи рыцарей и десять тысяч пехотинцев, выступил в крестовый поход из Бриндизи 28 июня 1228 года.

– Эд, я хочу уйти, – заявил Конрад, когда утомительный для него разговор закончился. – Тебе больше ничего не нужно от меня?

– Не мне, ваше величество, – возразил граф, – все, что я делаю, делаю во благо вашего трона.

Конрад встал, все замерли, поскольку никто не упускал фигуру мальчика из виду. Глашатай провозгласил:

– Король покидает собрание.

Конрад прошел сквозь толпу кланяющихся вельмож и скрылся в одной из дверей. Наместник пошел по залу, отвечая на приветствия, заговаривая с некоторыми из вельмож. Его вниманием надолго завладел Герман фон Зальца, магистр Тевтонского ордена. Он был приверженцем короля Фридриха и потому пользовался благосклонностью наместника. Переговорив с ним, наместник заметил:

– Что-то Армана де Перагора не видно?

– Наверное, разбирается со своими людьми, – ответил фон Зальца.

– А что случилось? – поинтересовался Эд.

– А вы не слышали? Сегодня днем двое каких-то паломников как следует вздули около десятка храмовников в таверне Джакомо.

– Вы ничего не путаете? – недоверчиво сказал наместник. – Двое паломников одолели десяток рыцарей?

– Именно, ваша светлость, возможно, даже больше десяти.

– Сведения достоверны?

– Абсолютно. Один из моих рыцарей обедал там. Он все видел своими глазами.

– И не пришел на помощь тамплиерам? – укоризненно спросил наместник.

– Нет, не пришел, более того, он приказал своим людям, а их было около десятка, не вмешиваться.

– Вы поступили благоразумно, – заметил граф, – вдруг бы и вашим досталось.

– Ваша светлость! – воскликнул задетый тевонец.

– Шучу, – сказал наместник, – это хорошо, что с них сбили спесь. А интересно

было бы узнать, кто эти люди. Я бы взял их на службу. Такие молодцы на дороге не валяются.

– Тамплиеры с ног сбились, разыскивая их. Но те как сквозь землю провалились. Взяли хозяина таверны. Вы бы вмешались, ваша светлость, он хороший малый. Вы ели его фаршированную рыбу? Это что-то особенное.

– Хорошо, я вмешаюсь, – пообещал наместник и поманил к себе Раймонда, который все это время стоял рядом с помощником графа. – Сэр, – сказал наместник, когда рыцарь приблизился, – я поговорил с Герэном, завтра он привезет вашу даму.

– Благодарю вас, ваша светлость, – воскликнул Раймонд, – отныне моя жизнь принадлежит вам, распоряжайтесь ею.

– Ну, зачем же такие крайности. Скоро прием закончится и будет ужин, я бы хотел, чтобы вы спели на нем свои песни. Мне кажется, весть, которую я сообщил, должна вдохновить вас.

– С превеликим удовольствием.

Вторая часть приема предполагала пиршество. Когда застолье было в самом разгаре, в центр зала вышел герольд и объявил:

– Сейчас нам споет уроженец Прованса, благородный рыцарь, сподвижник графа Н., трубадур Раймонд Видал де Бесалу.

Наступила тишина. Появился Раймонд, он держал в руках гитару. Тронув струны, он запел. Когда отзвучали последние строки, в зале раздались редкие аплодисменты. Дерзость этой песни была очевидна. «Кто его сюда привел?», – спросил чей-то голос. «Тише, – ответили ему, – он, кажется, пришел с наместником». На этом обсуждение прервалось. Присутствующие на пиру сеньоры сочли лучшим сразу же забыть об этом. Эд Монбельярский был наместником короля, известного своим вольнодумством. Человек, открыто называющий Христа обманщиком, и способный, не боясь кары небесной, сомневаться в непорочности девы Марии, вполне мог устроить подобную провокацию, чтобы отметить тех, кто будет выражать недовольство.

Граф сделал знак, и в дело вступили музыканты. Затем он подозвал трубадура.

– Это вы нарочно? – спросил наместник.

– Нет, мессир, как вы могли подумать?

– А что я еще могу подумать?

– Вам не понравилась песня?

– Отчего же, понравилась. Правда, на мой взгляд, один куплет в ней лишний.

Лучше его не петь.

– Из песни слов не выкинешь, ваше сиятельство, тем более, что они не мои.

– Кто же автор?

– Маркабрюн, его уже нет в живых.

– Значит, ему уже все равно, а вы, однако, не пойте ее больше. В Иерусалиме, во всяком случае. Хотя я думаю, что папе все равно донесут о том, какие вольности я позволяю.

– Простите меня, – сказал Раймонд, – я совсем не подумал об этом.,

– Ладно, – сказал граф, – будем надеяться, что винные пары усыпят бдительность папских шпионов. Садитесь к столу, рыцарь, ешьте, пейте, развлекайтесь, а завтра приходите ко мне. К этому времени мы успеем допросить вашу даму. И если она не виновна, то вы сможете уделить ей внимание.

– Благодарю вас, граф.

Рыцарь отошел от наместника, которого тут же окружили бароны и воена-

чальники Иерусалимского королевства. Раймонд сделал несколько шагов, разыскивая свободное место у стола и столкнулся с командором.

– Сударь, – воскликнул командор, – как понять ваше появление на этом пиру? Вы находитесь под арестом.

– Под арестом? По чьему приказу, позвольте узнать? – спросил Раймонд.

– По приказу фра Герэна, магистра.

– Я не вхожу в число иоаннитов, – холодно ответил рыцарь, – и потому он не имеет власти надо мной. В любом случае, некто более могущественный освободил меня из-под ареста.

– Вы намекаете на графа? – едва заметно кивая в сторону наместника, процедил командор.

– Я не намекаю, я говорю прямо. Я гость графа на этом пиру.

– Так, так, – сказал командор, – а это не вы сейчас пели эту кощунственную песню, в которой обвиняли Христа?

– Каждый слышит то, что он хочет услышать, – возразил Раймонд.

– Ну что же, полагаю, у святой инквизиции будет повод побеседовать с вами.

К выдвинутому против вас обвинению добавится еще одно.

– К каким обвинениям? – вежливо спросил рыцарь. От его спокойного тона командор вовсе вышел из себя.

– Человек, которого вы так упорно выгораживали и защищали, вчера бежал из-под стражи, – сказал он, – и тем самым подтвердил свою вину. А сегодня он со своими подручными напал на тамплиеров.

– Вы уверены, что это был он?

– Его узнал один из моих людей. Я думаю, что наместнику будет интересно услышать о вашей связи с преступниками.

– Если у вас все, – попросил Раймонд, – то позвольте мне пройти.

– Будете петь? – не двигаясь с места, спросил командор.

– Может быть, – ответил рыцарь.

– Ну, конечно, – с трудом сдерживая себя, сказал командор, – петь песенки, держась за чью-нибудь юбку, легче, чем воевать с сарацинами. – И, уже не сдерживаясь, бросил: – Трус.

Окружающие оглянулись на звук пощечины.

– Я готов встретиться с вами на поединке в любое время и в любом месте, – заявил трубадур.

– Я пришлю вам секундантов, – ответил командор, держась за пылающую щеку.

По залу сновали слуги, убиравшие со столов. Раймонд спросил одного из них:

– Скажи, любезный, не найдется ли здесь комнаты, где можно было бы переночевать?

– Сожалею, сир, – ответил слуга, – скоро появится охрана и всех выведет, ночевать здесь нельзя. Но неподалеку отсюда, на соседней улице, есть дом, в котором сдаются комнаты для ночлега.

Раймонд направился к выходу. Слуги гасили свечи в канделябрах.

Оказавшись на улице, Раймонд направился по указанному адресу. В этот поздний час улица была пустынна. Он дошел до ближайшего поворота и задумался, вспоминая наставления слуги. В этот момент в темноте переулка показались люди. Они молча стояли, ожидая, когда он поравняется с ними. У Раймонда тревожно кольнуло сердце, но направление движения он не изменил. Раймонд подумал было, что это

секунданты командора. Рыцарь пошел прямо на них и остановился в шаге от незнакомцев. Их было двое.

– Прекрасный вечер, господа, – обратился к ним Раймонд, – не правда ли?

Не ожидавшие этого незнакомцы переглянулись и стали поправлять свои плащи, пряча за спиной шпаги.

– Какой, к дьяволу, вечер? – грубо отозвался наконец один из них. – Ночь на дворе, светать скоро начнет...

– Я люблю это время, – продолжал Раймонд, – звезды светят особенно ярко.

После этого наступила пауза. Для ответа на романтическую посылку у незнакомцев не хватило воображения. После некоторого молчания один из людей сказал:

– Проходите, сударь, вы, кажется, куда-то направлялись.

– Благодарю вас, – сказал Раймонд.

Он сделал несколько шагов, каждую секунду ожидая нападения. Но они дали ему спокойно пройти и последовали за ним. Раймонд шел, прислушиваясь к шагам сзади. Через короткое время он заметил, как впереди от стены отделились еще две тени и двинулись навстречу. Рыцарь понял, что он в ловушке.

Первый выпад он отбил кинжалом, и сам нанес длинный колющий удар, достигший цели. Нападавший грязно выругался и, выронив меч, схватился за бок. Раймонд же скрестил меч со вторым человеком, прислушиваясь к неспешно приближающимся шагам. После короткой и яростной рубки он отскочил в сторону, предупреждая нападение сзади. Они не торопились, уверенные в своем превосходстве. Противник Раймонда, дождавшись подмоги, опустил меч и стал оказывать помощь раненому товарищу. Подошедшие изготовились к нападению.

– Послушайте, – вступил в переговоры Раймонд. – Что вам нужно от меня? Денег? Их у меня нет.

– Не нужны нам твои деньги, – ответили ему. – Нам нужна твоя голова.

– А вы бы не могли подождать денек, другой? На мою голову есть еще один претендент. Завтра у меня с ним предполагается дуэль.

– Вот поэтому-то мы и здесь, – брякнул один из головорезов. Так как второй толкнул его, стало очевидно, что он сказал лишнее.

– Вот оно что, – сказал Раймонд. – А не кажется ли вам, что силы неравны?

– В самый раз, – был ответ.

И вслед за этим последовал сдвоенный выпад. Третий наемник был занят тем, что помогал раненому. Рыцарь отразил атаку, отбив один клинок, одновременно отскочив в сторону так, что второй меч поразил пустоту.

Непреложным правилом неравного поединка со времен гладиаторских боев Древнего Рима было во что бы то ни стало рассредоточить противника. Об этом Раймонд знал со слов покойного графа Н., давшего когда-то ему несколько уроков фехтования. Некоторое время он довольно успешно парировал все удары и сам нападал, стараясь держать в поле зрения третьего, который все еще проявлял трогательную заботу о раненом товарище. Но только он упустил его из виду, как сразу же последовало нападение сбоку. Раймонд не успел закрыться и почувствовал, как сталь вошла в его тело. В тот же миг трубадур ударил кинжалом, не глядя, наотмашь. Сдавленный стон подтвердил, что он тоже попал в цель. Оставив кинжал в теле врага, Раймонд в мгновение ока сбросил плащ и намотал его на руку, зажав рану в боку. Теперь он пользовался этой рукой как щитом, попеременно то отбивая выпад, то оставившая кровь, льющуюся из бока. Два оставшихся в живых противника продолжили

бой с еще большей яростью, в то время как Раймонд, теряя кровь, стал ослабевать. Чувствуя это, он отбежал к ближайшему дому и прислонился к стене, чтобы не дать никому зайти с тыла.

– Жалкий менестрель, – взревел один из нападавших, – мы хотели тебя просто проучить, но теперь тебе конец.

– Конец будет всему, – ответил Раймонд, – разница лишь во времени.

Схватка продолжилась. Трубадур ранил еще одного нападавшего, и тот разразился потоком сквернословия. Однако вскоре рыцарь пропустил еще один выпад. Удар пришелся в уже раненное в схватке с разбойниками Керима плечо, и левая рука безжизненно повисла. Он бросил ставший уже ненужным плащ. Ему вдруг стало холодно, и он почувствовал смертельную тоску. Конец был близок. Усилия, которые он прилагал, чтобы остаться на ногах, лишили его последних сил. В глазах потемнело, и последнее, что он услышал, были топот копыт, ржание лошадей, чьи-то возгласы.

– Где они прятали лошадей? – успел подумать он, прежде чем его приняла мгла.

Храм Гроба Господня

– Как-то здесь душно, – сказал Егорка, – и пахнет чем-то странным.

– Это свечи горят целый день, – пояснил Фома. – Садитесь вон на ту лавку. А я как раз буду свечи тушить.

– Хорошая у тебя работенка, свечи тушить, – заметил Егорка и добавил: – Ты все-таки оставь парочку свечей, не гаси, чтобы чашу с вином не пронести мимо рта.

– Ты, кажется, собираешься пить вино? – уточнил Али.

– Да, мой друг. Твое предположение верное, как всегда. После того, что мы сегодня пережили, не выпить вина? Я уверен, что Фома не даст нам умереть от жажды.

– От жажды я могу предложить холодную воду, – сказал подошедший Фома.

– Вода, – сказал Егорка. – Я пил ее однажды, она не утоляет жажды.

– Ты не только философ, – сказал Али, – но еще и поэт.

Фома обреченно вздохнул и направился к какой-то двери.

– Так что ты говоришь? – спросил Егор.

– Я считаю странным и несправедливым то, что мы с такой легкостью оказались здесь.

– Что-то, брат, ты особенно суров по отношению к нам, – заметил Егор. – Что именно тебе кажется несправедливым?

– Великое множество людей горят желанием оказаться здесь и не могут этого сделать. Пилигримы тратят немалые деньги, наносят урон своему здоровью. А сколько людей погибает по дороге в Иерусалим! И все для того, чтобы помолиться в этом храме. Припасть к истокам, так сказать. А нам – ни мне, ни тебе, это не нужно. Мы не можем это оценить.

Вернулся Фома. Он держал в руках увесистый кувшин и хлеб, обернутый в полотенце.

– Вот оно, истинное русское хлебосольство! – воскликнул Егорка.

– Вам повезло, что настоятеля сегодня нет, – сказал Фома, – но вы должны знать, что я рискую своей должностью, позволяя вам находиться здесь в неурочный час, и, тем более, пить вино.

– Велика ли должность – запирать дверь да свечи гасить?

– Я делаю здесь много другой работы, – сказал Фома. – Но не в этом дело. Не

место красит человека, а наоборот.

– Я не могу в этом с тобой согласиться.

– Между прочим, – вмешался Али, – знаменитый мусульманский богослов и мистик аль-Газали в зените славы удалился от дел и три года подметал мечеть в Сирии.

– Вот именно, – сказал Фома.

– А как насчет придела, – не унимался Егор, – скоро ли он отойдет к православной русской церкви?

– Я приложу к этому все усилия, для этого я здесь, – твердо заявил Фома.

– Вот за это я и предлагаю выпить, – сказал Али.

– Охотно, – согласился Егор, – только вот не из чего.

– Я прошу меня извинить, – сказал Фома, – но я пить не буду, ибо серьезно отношусь к своей миссии. Я не могу отказать вам в помощи, но участвовать здесь в возлияниях не буду. Более того, я вас оставляю. Я ухожу, мне нужно помолиться за себя и за вас. Вы можете лечь на этих скамьях. Рано утром, когда церковь наполнится людьми, вы сможете выйти отсюда под видом паломников.

Егорка хотел что-то возразить, но Али толкнул его локтем и сказал:

– Спасибо, друг, делай, как считаешь необходимым.

Прежде чем уйти, Фома еще сказал, запинаясь, нехотя:

– Я бы на вашем месте лег и постарался заснуть, а то еще всякое привидится.

– Да, я тоже думаю, что привидений здесь хватает, – заметил Егор.

Фома ушел.

– Почему ты решил, что здесь должно быть уйма привидений? – спросил Али.

– Не то, чтобы я боялся их. Но просто из любопытства.

– Это очевидно, – ответил Егор. – Здесь зарезали множество народа, в этом дворе. Твои единоверцы резали христиан, а христиане резали мусульман. Наверное, тебе больно слышать об этом. Говорят, что в мечети Омара, что находится напротив, кровь мусульман доходила до ног крестоносца, сидевшего на коне. Извини, что я напоминаю об этом. Но ты сам спросил. Какое счастье, что я не принадлежу ни к тем, ни к другим.

– Между прочим, твоя сестра – тоже мусульманка, – напомнил Али.

– Может, лучше выпьем, – предложил Егор.

– Да.

– Пей ты первым, – сказал Егор.

Али кивнул, взялся за кувшин и вдруг задумался.

– Я сочинял тост, – сказал Али, – и вот что у меня получилось. Я полагаю, что когда-нибудь на земле будет только одна религия – авраамическая. Ведь это так глупо, что христиане убивают евреев и мусульман, мусульмане убивают христиан. Хотя все три религии имеют общие истоки. Праотец Авраам!!! И когда это время наступит, никто из завоевателей, политиков, убийц, мошенников не сможет прикрывать свои корыстные цели интересами религии. Вот за это и выпьем.

– С удовольствием, – согласился Егор, – хотя ко мне это не имеет никакого отношения.

Али основательно приложился к кувшину и передал его товарищу. Егорка бережно принял кувшин и надолго припал к нему. Али встал и сделал несколько шагов, оглядываясь вокруг. Егорка наконец оторвался от кувшина и тоже встал.

– Так я не понял, – бросил Али, – какая связь между привидениями и убитыми?

– Прямая, – ответил Егорка, – души людей, погибших насильственной смертью,

долго не могут обрести покой, поэтому я бы перенес этот храм, равно как и мечеть Омара, в другое место, туда, где не было пролито столько крови. Святость этих мест представляется мне сомнительной.

– Хорошо, что не слышит Фома, – заметил Али. – Вряд ли он согласится с тобой.

– А я не нуждаюсь в его согласии. Я излагаю свои собственные взгляды.

– И куда, к примеру, ты перенес бы этот храм?

– На какое-нибудь высокое место. На вершину горы, самой высокой горы, чтобы было видно отовсюду. Тогда людям не пришлось бы совершать долгий и опасный путь, паломничество. Чтобы можно было, выйдя из дома, обратить свой взор в сторону храма и совершить молитву.

– Вообще-то мы, мусульмане, так и делаем, – заметил Али, – для молитвы мы поворачиваемся лицом к Кибле, Каабе.

– Если мне не изменяет память, – сказал Егорка, – тебя арестовали на пути в Мекку.

– Ты прав, верный мой товарищ, я совершал хадж.

– Вот об этом я и говорю.

– Пророк сделал хадж обязательным для каждого состоятельного мусульманина.

– Когда Пророк ваш говорил это, он не предполагал, что его учение распространится за пределы Аравии, и хадж станет делом нелегким. Легко ему было путешествовать из Медины в Мекку.

– Есть еще замечания к устоям? – спросил Али.

– Есть, но я бы назвал это не замечаниями, а поправками. Это слово наиболее точно отражает суть моих слов. У мусульман пять обязательных ежедневных молитв.

– Это так, – согласился Али. – Я вижу, общение с богословом не прошло для тебя даром. Ты сведущ, о, Егор.

– Первая молитва должна быть сотворена в 4 часа утра или в 5, я могу ошибаться, но это неважно, а важно то, что в часы наиболее крепкого и сладкого сна человек должен встать и молиться.

– Правильно, – сказал Али, – чтобы жизнь не казалась ему медом. Ибо сказано иудеями – будешь ты в труде, паразит, добывать себе пропитание. Раньше встал, больше сделал. А как же иначе?

– Нет! Я думал, отчего человеколюбивый Пророк Мохаммед установил такие крайности, и понял: дело в климате. В Аравии очень жарко. Там рабочий день начинается затемно, а к полудню они прекращают дела и прячутся в тени, в своих жилищах до наступления вечерней прохлады. Это я опять же веду к тому, что Мохаммед не предполагал, что его религия выйдет за пределы страны. Все его установления – для арабов, для мекканцев и мединцев. Но его последователи слепо переносили его законы по мере продвижения ислама.

– А ты умен, Егорка, можно поспорить, но знаешь, пожалуй, я все-таки лягу спать, – заявил Али.

– Брось, давай лучше выпьем, – принялся уговаривать товарища Егорка. Но Али в самом деле вытянулся на скамье и закрыл глаза. Через короткое время под своды храма вознесся его храп. – Он еще и храпеть будет, – раздосадовано сказал Егорка. – А я, между прочим, не могу заснуть, когда кто-то храпит.

Он подошел к двери, за которой скрылся Фома. Стучать не стал, но прислушался. Оттуда также слышался приглушенный звук, похожий на храп. Егорка пока-

чал головой. Он побродил немного по залу, зажег еще несколько свечей. Вернулся к другу и лег на соседнюю скамью, но сон не пожелал прийти к нему. Он долго лежал, ворочаясь с боку на бок. На короткое время он было задремал, но какой-то звук, похожий не то на треск свечного фитиля, не то на мышинный писк, отогнал напрочь от него сон. Еще через какое-то время Егор почувствовал голод. Он сел, нащупав хлеб, стал жевать его.

– Ну и что ты ешь всухомятку, – услышал он, – много радости. Вином надо запивать хлеб.

Егорка посмотрел на Али, хотя голос явно принадлежал не ему. В этот момент Егорка увидел, как прямо перед ним отделилась от стены чья-то тень, хотя Егорка готов был поклясться, что мгновение назад там никого не было.

– Я не побеспокою твоего друга, – приветливо улыбаясь, сказал незнакомец, который уже сидел рядом с ним.

Его лицо показалось знакомым, Егорка силился вспомнить, где он мог его видеть, но не смог. Егорка почувствовал вдруг такую симпатию к этому человеку, что хотел встать, но собеседник остановил его движением руки.

– Я благодарен тебе, что ты выполнил мою просьбу и помог монаху добраться сюда. Это было очень важно для него. Правда, меня немного огорчает то, что ты не хочешь признавать меня.

Егорка хотел что-то сказать, но человек остановил его словами:

– Но это твое частное дело. Я только хочу сказать, что готов выполнить любую твою просьбу.

– Спасибо, – поблагодарил Егорка. – У меня нет желаний.

– Совсем нет желаний – быть того не может. Подумай как следует, – настаивал человек.

– Послушай, – заговорил Егор. – А ты ведь тот, чье имя не принято произносить всуе?

– Почти, – скромно и уклончиво ответил собеседник.

– Мы с моим другом, – сказал Егорка, – как братья. Его желание – это все равно что мое желание. Воскреси его жену и ребенка. Ну, хотя бы жену, ребенка они еще одного сделают. А? Ну, что ты качаешь головой?

– Начнем с того, что он мусульманин, – возразил ночной гость.

– И ты туда же, – укорил Егорка, – какая разница – мусульманин он или иудей. Он человек прежде всего.

– Закончим тем, что я не воскрешаю умерших. Это противоестественно.

– Тебе ли говорить о естестве? Ты же сам воскрес на третий день.

– Во-первых, не я, во вторых, то была не моя воля.

– А чья?

Незнакомец поднял палец кверху.

– Ладно, допустим. А кто воскресил Лазаря? А? – допытывался Егорка.

– Лазаря похоронили живым, он от переутомления впал в состояние такого сна, что его не могли разбудить и решили, что он умер. Мы слышали биение его сердца и тепло его тела. Вот и все. Я, например, могу воскресить человека, поднять из могилы. Но это будет мертвец, и вести себя он будет, как мертвец. Никакого удовольствия от общения с ним вы не получите. А хорошую память об умершем вы утратите. Воскресший Лазарь, хоть он был не вполне мертвец, стал невозможным человеком. И когда он, наконец, умер, а случилось это через короткое время, все

вздохнули с облегчением.

Егорка вздохнул.

– Хорошо, давай выпьем. Ты же с этого начал разговор со мной.

– Ладно, – покладисто сказал почти тот, чье имя не стоит произносить всуе, – давай выпьем. Но имей в виду, я по-прежнему готов выполнить любое твое желание. Стоит тебе только подумать об этом.

– Я буду держать про запас, – сказал Егорка.

– Хорошо, – сказал собеседник. – На чем мы остановились? Кажется, на выборе вероисповедания. Твой приятель высказал любопытное соображение об авраамической религии.

– Ты, никак, подслушивал, – заметил Егорка.

– Ну что ты, мне это даже как-то не к лицу. Я просто все слышал. Я был здесь. Это мой дом, как ты знаешь.

– Давай разбудим его, – предложил Егорка, – и ты поговоришь с ним на эту тему. Его это как раз интересует. Но вообще-то мы остановились на том, что ты посоветовал мне выпить вина и не есть всухомятку.

– Извини, за тысячу с лишком лет у меня появились провалы в памяти, – весело сказал почти тот, чье имя нельзя произносить всуе. – То есть ты предлагаешь вернуться к началу разговора?

– Вообще-то я предлагаю разбудить Али, потому что один я пить не буду.

– Почему один? – удивился тот. – А я?

– Ты будешь пить со мной? – недоверчиво сказал Егор.

– Ну а что же, я рыжий, по-твоему?

– Да нет, вроде.

– Ну, так давай выпьем, закусим и поговорим.

– Он обидится потом на меня, – неуверенно сказал Егорка. – Не простит, что такие разговоры вел, ведь это по его части. Он, знаешь ли, богослов.

– Не скромничай, то, что он богослов, я знаю, как и то, что он разуверился. Поэтому он мне неинтересен. Не потому, что он мусульманин, как ты мог предположить.

– Я друга в обиду не дам, – заявил Егор.

– Понимаешь ли, разговор людей, принадлежащих к различным конфессиям, лишен смысла. Ни один из них никогда не сможет убедить другого в своей правоте.

– А все же, кто ты такой? – спросил Егорка. – Разве ты тот, о ком я думаю?

– Мне, конечно, лестно, что ты меня принимаешь за него. Но нет. И вообще, надо ли непременно выяснять, кто я такой?

– Обязательно, – твердо сказал Егорка, – я должен знать, с кем пью.

– Меня зовут Назар. Я ангел-хранитель Фомы.

– Понятно. А почему ты со мной беседуешь, а не с ним?

– Таково поручение. Я не могу ему показаться. Общение с тобой я всегда смогу объяснить, как обращение язычника в лоно истинной веры и тому подобное. У нас это всегда приветствуется.

– Ладно, допустим, что ты ангел-хранитель, а почему же в таком случае заботы о своем подопечном ты переложил на мои плечи. Ведь это я сопровождал его, бросив все свои дела. Терпел тяготы пути, невзгоды и лишения. Если на то пошло, зачем мне было сигать за ним в бурное море, рискуя своей жизнью? Где ты прохлаждался все это время? Что-то не сходится.

– Ну, хорошо, – согласился Назар, – дотошен ты и пронизателен. Хвалю. Я не

ангел-хранитель. Моя должность поменьше. Я исполняю особые поручения.

– Чьи? – спросил Егорка. Его начинал утомлять этот разговор, но остановиться он уже не мог.

Порученец поднял палец кверху, затем приложил палец к губам.

– Но на корабле был не ты, хотя и похож, – сказал Егор, – я помню его лицо.

– Не я, но это ничего не меняет.

– Так, и какое же у тебя ко мне поручение? – спросил Егорка.

– А может, мы уже выпьем? – раздраженно сказал Назар.

– Ладно, – сказал Егорка, протягивая кувшин, – пей. Твой подопечный принес кувшин с этой кислятиной.

– Зря ты о нем так. Он к тебе расположен и благодарен. Представь, чем он рискует, оставив вас здесь.

– Тебя он тоже здесь оставил? Что усмехаешься?

– Вообще-то, это я его здесь оставил.

– Не понял.

– Я здесь главный. Я смотритель этого храма.

– Домовой, что ли?

– Домовой – это у вас на Руси. А здесь, на Святой земле, бери выше – попечитель богоугодных заведений. – Назар поднес кувшин к устам и добавил: – И ты пей.

Егор послушался и почувствовал во рту изумительный, терпкий, с оттенками спелых фруктовых ягод вкус вина.

– Ну как? – спросил, лукаво улыбаясь, Назар. – Не кислит?

– Лучше вина я еще не пробовал, – сознался Егор.

– А теперь закусим, чем Бог послал.

– Из твоих уст это звучит особенно...

Егор замялся, не находя подходящего слова, но Назар остановил его, поведя рукой. Егор обернулся и обомлел. За его спиной появился стол, уставленный закусками, простыми, но оттого не менее аппетитными. В небольших по размеру тарелках плавало в маринадах несколько сортов оливок и маслин. В плоских, сверкающих медным блеском посудицах сочились слезой различные сорта сыра. Лежала тонко нарезанная холодная вареная телятина. Что-то дымилось в маленьких медных чашках, источая чудный мясной аромат. Поймав взгляд Егорки, Назар пояснил:

– Это жаркое – говядина, обжаренная с грибами и фасолью, затем тушенная в собственном соку, с добавлением белого вина. Без горячего никак нельзя. Садись, – сказал Назар, и Егорка послушно опустился на высокий деревянный табурет.

– Надо разбудить моего друга, – вновь сказал Егорка. – Без него пить не буду, и он тоже голоден.

– Не надо его будить, – категорично произнес Назар. – Каждому – свое. Я и о нем позаботился.

– Что ты имеешь в виду? – недоверчиво спросил Егор.

– Пусть спит. Ему сейчас снится его жена. Это лучше еды.

Довод подействовал.

– Говорят, что здесь людей резали, как баранов, – сказал Егорка. – Как ты вообще мог допустить это?

Назар тяжело вздохнул.

– Я боялся этого вопроса, – сказал он, – то есть, я его ожидал.

– Значит, тебе есть, что сказать.

– Мне нечего сказать, – отрезал Назар, – кроме того, что я попечитель храма, а не людей. Пей, – приказал он, и Егорка выпил. – Егор, ты, сам того не ведая и без нашего умысла, сделал много пользы для православных, оставаясь при этом убежденным язычником по рождению и безбожником по образу мыслей. Впрочем, как и твой приятель. В этом смысле вы два сапога пара, хотя и разного вероисповедания.

– Не иначе, как ты решил меня обратить в православную веру? – догадался Егор, пытаясь пальцами ухватить оливку, но она не давалась и все время выскользывала из рук. – Странный вкус у этих зеленых ягод, – заметил Егор, – не пойму, и чего с ними так носятся?

– Попробуй сыр и телятину.

Егорка последовал его совету. Назар вновь наполнил кубки пенящимся вином.

– Часто ты с людьми общаешься? – спросил Егорка.

– Последний раз я занимался этим 300 лет назад, – ответил Назар. – Так что не думай, это исключительный случай. Не каждый удостоивается.

– И кого же ты охмурял в прошлый раз? – поинтересовался Егор.

– Мне слышится ехидца в твоем голосе, – сказал Назар, – мне это не нравится, но я все же отвечаю.

– Извини, это невольно получилось.

– Я не обижаюсь. Это была семейная пара. Муж, ступивший на стезю пророчества, и его несчастная брошенная жена. Она оставила детей и пошла разыскивать его. Я оберегал ее. Итак, на чем мы остановились?

– На том, как ты смог допустить резню безвинных людей в храме.

– Нет-нет, не на этом, это просто к слову пришлось. Ах, да, – вспомнил Назар.

– Я должен поговорить с тобой о христианской вере.

– Валяй, – согласился Егорка, – чего ты от меня хочешь, в двух словах.

– Я не могу в двух словах, – расстроился Назар. – Я готовился, у меня целая речь припасена, проникновенная.

Егорка покачал головой:

– Слушать не буду, говори прямо. Что надо?

– Ладно, – в сердцах бросил Назар, – мне надо, чтобы ты принял православную веру.

– Зачем? – коротко спросил Егорка.

– А вот зачем, – почему-то угрожающе произнес Назар, и в следующий миг Егорка почувствовал, как его куда-то несет неведомая сила и от скорости вознесения ему трудно дышать.

– Оставь меня, хватит, – хотел крикнуть он, и в то же мгновение, словно его услышали, движение прекратилось. Егорка глянул себе под ноги и ужаснулся. Внизу была бездна.

– Ну, как тебе вид сверху? – донесся чей-то знакомый голос. Егор повернул голову и увидел Назара. Но это был не тот, давешний, плюгавый мужичонка. Ангел, а это мог быть только ангел, и в этом не было уже никакого сомнения, сидел, удобно расположившись в каком-то невидимом глазу кресле. На нем было летящее серебряное одеяние, и он был красив и величественен.

– Что как? – переспросил Егор, едва выговаривая пересохшим горлом слова.

– Панорама, говорю, как, впечатляет?

– А чему тут впечатлять. Темень, ни зги не видать, – справедливо заметил Егор.

– Так ведь ночь на дворе, – не менее справедливо ответил Назар.

– Чего же спрашивать?

– Не утерпел, – сознался Назар. – Ладно, поднимемся выше.

– Не надо выше, – взмолился Егор. Но его никто не услышал.

Когда свист ветра в ушах прекратился, Егорка увидел кругом сверкающие звезды и луну. Сам он стоял на огромном холодном валуне.

– Где мы? – спросил Егор.

– В космосе, – ответил Назар.

– Зачем?

– Чтобы лучше видеть.

– А где земля? – с ужасом спросил Егорка.

– Там, внизу. Да ты не бойся. Смотри.

Егорка с трудом заставил себя взглянуть вниз и обомлел. Далеко внизу висел огромный шар, окаймленный золотистым светом.

– Ты хочешь сказать, что это...

– Да, мой друг, это матушка сила-земля, – зачем-то переходя на славянский лад, заговорил Назар.

– Если там земля, то на чем я стою?

– На комете.

– Для чего все это?

– Чтобы ты мог оценить мощь, точнее, всемогущество истинной веры. А она двигает не только горами, но и мирами.

– Я убедился, – торопливо сказал Егорка, лязгая зубами, – давай теперь назад, а то у меня все, что я выпил, выйдет обратно. Еще и холод собачий. Ноги мерзнут.

– Полетели дальше, – сказал Назар.

– Я лучше здесь останусь, – сказал Егорка, предчувствуя худое, но его, как и прежде, никто не слушал.

В следующий миг они оказались в степи, где солнце пекло так немилосердно, что Егорка сразу взмок и стал озираться в поисках тени. Но заросли диковинных зеленых колючек не давали её. Тень, похожую на решето, прошитое солнечными лучами, давало единственное дерево, под которым нежилась стая львов. Время от времени кто-то из них издавал ленивый рык, от которого закладывало уши. Егорка почувствовал такой ужас, что обратился к своему спутнику со следующими словами:

– Послушай, приятель, давай вернемся обратно на небеса.

– Я вижу, тебе там понравилось, – улыбнулся Назар.

– Не то, чтобы мне там понравилось, просто мне здесь не нравится.

– Действительно, все познается в сравнении, а человек есть мера вещей, ведь так утверждал один из древних греков, к коим ты питаешь склонность.

– Именно так он говорил, кажется, львы нас заметили, полетели, а?

Но Назар направился в самую гущу львиного семейства, а львов было около десяти, подошел к самому крупному зверю, сел на него и стал трепать его за гриву. Егорка отвернулся, не желая видеть, как Назар будет растерзан, но вожак не обращал на седока ни малейшего внимания. Более того, ему, похоже, это даже доставляло удовольствие. Егорка сообразил, что, скорее всего, ему тоже ничего не угрожает.

– Ну, я жду, – крикнул он Назару. – Чем ты на этот раз будешь прельщать меня?

– Мы и здесь стол накроем. Хочешь, я вот эти камни хлебом сделаю? Только прими мою веру. Как говорил один поэт: перейди в мою веру, учись у меня, пей вино, но не пей эту горечь Вселенной.

– Ты хочешь, чтобы я за кусок хлеба от веры своих отцов отказался? – сказал Егорка. – Это вряд ли. Потому что еда – это еще не все. Как там у вас сказано: не хлебом единым жив человек.

– Прекрасный ответ, – сказал вдруг Назар. – Ты, Егор, с честью выдержал испытание, и я могу с чистой совестью дать тебе рекомендацию. Из тебя выйдет хороший христианин. Ну что заладил: вера отцов, вера отцов. Хоть бы верующий был, в самом деле, а то ведь безбожник, как и твой товарищ.

– Товарища не тронь!

– Не по образу мыслей, но по образу действий своих и поступков – ты христианин и есть.

– Ну что ты будешь делать, – в сердцах сказал Егорка, – Я ему про Фому, а он мне про Ерему.

– Фому не тронь, – в тон Егорке сказал Назар, – ладно. – Он хлопнул в ладоши, и они оказались в храме за накрытым столом. – Выпьем, – предложил Назар.

– Непременно, – ответил Егор.

Назар стал наполнять вином кубки. Егор оглянулся, Али все так же спал на скамье, подложив ладонь под голову.

«Ведь не поверит, когда расскажу, – подумал Егор. – Разбудить, что ли?»

– Оставь его в покое, – сказал Назар, – видишь, человек отдыхает. Пей лучше.

– И то, – проронил Егорка, берясь за прохладный серебряный кубок.

– Хорошо, на чем мы остановились? – спросил Назар.

– Послушай, а может, ты перенесешь нас куда-нибудь из Иерусалима в другое место. У тебя это лихо получается.

– Нам нельзя вмешиваться в дела людей. Я тебе уже говорил об этом.

– Я так и подумал, чем иначе можно этот бардак объяснить.

– Посиди здесь, – сказал Назар, – у меня дельце есть, срочное, я скоро вернусь.

Оставшись один, Егор вдруг почувствовал, как на него наваливается усталость.

Он посмотрел на спящего друга, затем прилег на соседнюю скамью, вздохнул и закрыл глаза.

Храм Гроба Господня (продолжение)

– Мне нужно идти, – ласково произнесла Йасмин. – Отец будет ругаться.

Али силился понять, каким образом Шамс-ад-Дин Туграи, умерший несколько лет назад, может ждать ее, а тем более ругаться. Но сказать о том, что ее отец умер, он не решался, боясь причинить ей боль.

– Ты моя жена, – вместо этого произнес он. – Почему он должен ругаться?

Но Йасмин нежно погладила его по лицу и высвободилась из его объятий. В следующий миг Али открыл глаза и долго лежал, постигая действительность и от этого все больше мрачняя. Спящий на соседней скамье Егорка оглашал своды храма богатырским храпом.

«Это он меня разбудил», – подумал Али. Поняв, что заснуть не удастся, Али сел и, только сейчас осознав, что у него сильно болит голова, невольно застонал.

– В этом случае лучше еще выпить, – посоветовал ему чей-то голос. И этот голос принадлежал не Егорке. Удостоверившись, что Егорка спит, Али повернул голову и увидел очертания человека в арочном проеме, ведущем в большой зал. – Да-да, – сказал незнакомец. – Человечество ничего лучше еще не придумало в борьбе с утренней головной болью. Особенно после вечерних или ночных возлияний.

– Фома? – неуверенно спросил Али.

– Ну что ты, какой же из меня Фома?

Сразу несколько свечей на алтаре вспыхнуло необычайно ярким огнем, и лицо незнакомца осветилось. Орлиный профиль красивого лица, в каждой черте которого сквозило благородство, свидетельствовал о том, что это не Фома.

– Хотя я знаю, о ком ты говоришь. Меня зовут Назар.

– Ты здесь работаешь? – спросил Али.

– В некотором роде, – неопределенно ответил Назар.

Али опустил глаза, из-за яркого света и головной боли ему тяжело было смотреть на незнакомца.

– Я не пью с утра, – нехотя сказал он, – спозаранок, в такую рань. Вчерашнее вино изрядно кислило, а сегодня, верно, превратилось в уксус. Тем более, что они его называют кровью Христовой. Так что говорить не о чем. Извини, друг.

– Это метафора, – заметил Назар.

– Да, да, я понимаю. Но я как-то не расположен к разговору. Не мог бы ты не мучить меня беседой? Я полежу, может, и голова пройдет.

– Ни в коем случае, спать при головной боли – последнее дело. Вот, выпей все-таки. Прошу тебя.

Али понял, что с этим человеком проще согласиться, чем объяснить, почему ты этого не хочешь сделать. Он поднес к губам кувшин, пригубил, делая вид, что пьет. Но губы распознали великолепный вкус вина, и он стал пить глоток за глотком, пока хватило дыхания. Когда он оторвался от кувшина и перевел дух, от боли в голове осталось слегка ноющее, тупое воспоминание. Али взглянул на Назара.

– Ты был прав, – сказал он, – спасибо.

– Пустое, – ответил Назар. – Для чего живем? Чтобы помогать друг другу. У меня благие намерения.

– Помню, как-то я пил арак в горной деревне, – сказал Али. – Появилась ватага одного из мамлюков Узбека, я хотел скрыться, но попался. Наутро у меня трещала голова, их главарь уговаривал меня выпить. А я, глупец, отказался. Да. А что же касается запрета вина, то в этом есть определенное противоречие. Зачем запрещать его при жизни, чтобы обещать в раю? «В садах Эдема, в которые они войдут, украсившись там браслетами из золота и жемчуга, одеяния их там шелк...» Ну, и так далее.

– О да, я вижу, человек ты сведущий, – заметил Назар. – Пойдем, прогуляемся, я хочу показать тебе кое-что. Это не займет много времени.

Али встал и пошел за ним в большой зал, а вступив в него, остановился в замешательстве. Легкое дуновение ветра коснулось его лица, он увидел зеленые деревья, цветы, родник. С веток свисали спелые плоды, заросли ежевики покрывали склон. Али осторожно сорвал фиолетовую ягоду.

– Ежевика без колючек, – заметил Назар, – рви без опаски.

Али взгляделся. В самом деле, шипов не было.

– К чему здесь колючки? Здесь жизнь легка.

– Кажется, я начинаю догадываться, – сказал Али. – Как говорится в Коране... «И обрадуй тех, которые уверовали и творили благое дело, что для них сады, где внизу текут реки. Для них там супруги чистые, и они там будут пребывать вечно». Кстати, где чистые девицы? – спросил Али.

– Здесь, недалеко, – показал рукой Назар.

Али увидел увитую гирляндами цветов беседку с качелями, а в ней нескольких

девушек. Даже на расстоянии было видно, насколько они прекрасны. Некоторые из них держали в руках шитье, другие перебирали струны музыкальных инструментов.

– Можно, все-таки я разбужу друга? А то он мне этого не простит никогда.

– Увы, ему сюда вход заказан.

– Оттого, что он другой веры?

– Так и есть. Вход сюда только для своих.

– А родник струит вино?

– Не всегда, только когда пьешь из него. В остальное время – чистая вода.

Зачем переводить вино?

– Ладно, тогда пойдем, отведаем из божественного источника. Я слышал, что от здешнего вина похмелья не бывает. Как говорится: «От него не страдают головной болью и ослаблением».

– Увы, мне нельзя, – отказался Назар, – я на работе. Я тебя оставлю, а сам отлучусь ненадолго. Есть одно срочное дельце. Глазом не успеешь моргнуть, я вернусь.

– Постой, может, ты меня представишь, неудобно как-то. Что я им скажу?

– Не волнуйся, они тебя примут, как родного.

– Один вопрос, – остановил Назара Али, – ведь мы еще в храме находимся, да?

– Нет, мы уже далеко от храма. И пока меня не будет, за другом своим не ходи, – предупредил Назар и исчез.

Оставшись один, Али, несмотря на предупреждение, оглянулся на придел, намереваясь послушаться и разбудить Егорку, но в проходе, откуда они пришли, клубился туман. И Али понял, что лучше этого не делать. Он вернулся в сад. Девы, насколько он мог их разглядеть, были одна другой краше. Некоторое время Али стоял, раздумывая над своими дальнейшими действиями. Наконец он сделал неуверенный шаг в сторону беседки, обвитой виноградной лозой. И в этот миг взоры дев обратились к нему. Кто-то из них произнес:

– Приветствуем тебя, Али, в садах вечного блаженства.

Али, волнуясь, приблизился и оказался между ними. Почему-то он опасался, что девы будут похожи одна на другую. Но он ошибся. Они все были красивы, но каждая по-своему. Среди них были светловолосые и белокожие северянки; темноволосяные девы со смуглой кожей и светлой кожей, как уроженки стран с теплым климатом, а также темнокожие африканки. От дев, окруживших Али, исходился прекрасный аромат, но это не был запах египетских духов и индийских благовоний. Это был естественный аромат чистых дев.

– Вы даже знаете, как меня зовут?

– Кто же не знает хафиза Али?

– Рад это слышать. А вас? Хотя вряд ли я упомяну ваши имена, буду путаться, могу обидеть.

– Господин, мы не можем на тебя обижаться, что бы ты ни сделал, поэтому обращайся к нам, как пожелаешь.

Одна из дев принесла полную чашу. Али с трепетом отпил из нее и разочарованно сказал:

– Это вода, – и поскольку ему никто не ответил, добавил, – вода не утоляет жажды, я помню, пил ее однажды.

Девушки зааплодировали.

– Спасибо, – сказал Али, – это сказал Омар Хаям. Кстати, не здесь ли он? Я бы потолковал с ним. Насчет питья. – Девы покачали головами. – Нет, ну ладно, – он вы-

плеснул воду на землю. – Назар что-то говорил, будто бы вино не все время течет, набери, красавица, еще раз. А что это за кувшин из некрашеной глины? Кажется, он был у меня в руках, когда я вознесся сюда.

Кувшин стоял, чуть кособочась, и выглядел здесь инородным предметом. «Они кричат, кривы мои бока, – вспомнил Али, – что ж дрогнула горшечника рука». Али не стал просить дев принести его, опасаясь за сохранность. Сам пошел за ним, взял в руки, ощутил его холодную твердую прохладу. С опаской пригубил и распознал тот божественный вкус.

– Оно самое, – улыбнулся он и вернулся в беседку, на ковры и атласные подушки. Затесался в самую гущу женских тел, которые так волновали его. Он уселся удобнее, скрестив ноги, не выпуская кувшина из рук. Но одна из девушек взяла сосуд и сама наполнила серебряную чашу.

– Спасибо, дорогая, – сказал Али.

Под прозрачной тканью ее одеяния ничего больше не было, и Али мог по достоинству оценить формы гибкого стана. На темный треугольник внизу живота он старался не смотреть.

– Как зовут тебя? – спросил он, с трудом извлекая звуки из пересохшего горла.

– Ева, – ответила девушка.

– Ева, а где же твой Адам? – пошутил Али. Шутка вышла плоской, но все засмеялись.

– Ты мой Адам, – сказала Ева, выказывая знакомство с предметом разговора.

– Ответ правильный, – заметил Али. Он сделал несколько глотков и отдал подержать чашу девушке по имени Саида. – Смотри, не расплескай, – предупредил он ее. – Ну, так спойте. Кто поет? Ева, ты?

– Нет, господин. Хорошо поет София.

Одна из девушек тут же, не дожидаясь музыкального сопровождения, запела. Али взял у Саиды чашу с вином. Голос Софии зазвучал и заставил Али забыть обо всем. Ничего не существовало, кроме ее пения. Ласковая волна затопила его и наполнила сознание какими-то далекими, давно забытыми воспоминаниями байлаканского утра – материнский смех, запах свежее испеченного хлеба.

Наконец музыка кончилась.

Али потрогал лоб, он был мокрый. Сорвав с себя одежду, нагой прыгнул в источник, оказавшись поистине в сердцевине райского сада. От изобилия девических персей рябило в глазах.

– А все же нет худа без добра, – заметил Али, не зная, куда девать руки. Какое бы движение он ни делал, сразу натыкался на чью-то грудь, бедро, живот или лоно. – А что было бы, если бы в этом источнике было вино?

– Ты прав, о, многомудрый, – хором сказали девушки. – Зачем нам вино, когда мы и так пьяны от твоего присутствия.

– А чего ты еще желаешь? – спросила Сара.

– Ничего, – ответил Али, – желать чего-то более, находясь среди вас, только Бога гневить. Значит, вот каков рай Мохаммеда. Супруги чистые и реки чистые внизу. Да, желания все исполняются. Судя по тому, что благословленное вино из этого небольшого сосуда и не думает заканчиваться, Пророк не обманывал нас. А пожелать чего-либо еще мне как-то и в голову не приходит. Я теперь скупее стал в желаньях. Кстати, а дерево то сохранилось, может, оно еще плодоносит?

– Какое дерево?

– То самое, райское, из-за которого наши проблемы и начались. Говоря «наши», я имею в виду, общечеловеческие. Ибо я един со всем человечеством.

– Оно здесь, – ответила Ева, – в дальнем углу сада. Все еще плодоносит.

– А я бы не отказался отведать яблочка. Мне кажется, это единственная возможность низринуться отсюда на землю и начать все сначала. Тогда бы я не стал вторично селиться в Байлакане.

– Ты себе противоречишь, – неожиданно сказала Ева, – говоришь, проблемы человечества с яблока начались, а сам его отведать хочешь и на землю вернуться.

– Молодец, – с удовольствием заметил Али, – когда девушка умна, она вдвойне желанна. Ай, кто меня ущипнул? Сара, это что, ревность?

– Нет, принц, – ответила Сара, – это массаж точечный, щипковый.

– Находчивых я тоже люблю, – сказал Али, – однако слово – не воробей. Массаж так массаж.

Он выбрался из источника и пошел в беседку. Девы бежали за ним, вытирая его полотенцами. Али лег на возвышении, и сразу несколько рук принялись умащивать его маслами, растирать, разминать, пощипывать, похлопывать, производить треск в суставах. Он неудержимо погружался в сон, но массаж закончился. Подремав несколько минут в забытии, Али открыл глаза, сонливость прошла. Он чувствовал себя бодрым, а главное, абсолютно трезвым, словно последние сутки он пил не вино, а розовую воду со льдом. Он лежал, укрытый легким покрывалом, и чувствовал необыкновенную легкость во всем теле. Али повернулся и сел. В беседке была одна Сара. Наступали сумерки. В небесах одна за другой загорались звезды.

– Это что, ночь близится? – спросил Али.

– Ночь, – ответила Сара. – Чему ты удивляешься? Ночь сменяет день. Обычное дело.

– Я не этому удивляюсь. Порядок мне известен, только днем солнца не было, а звезды есть. Нелогично как-то.

– Солнце одно, – сказала Сара, – его не видно отсюда, а звезд великое множество. Они всюду. Логично?

– Пожалуй, – согласился Али. – А почему ты одна? Где остальные?

– Так ведь ночь. Мы будем спать с тобой.

– Вдвоем? А я думал, что мы все...

– Нет, дорогой, здесь рай, а не бордель.

«Кажется, они начинают мне дерзить», – подумал Али.

– У каждой девушки свой день, поочередно. Сегодня ты мой, а я – твоя.

– Вопросов не имею, – сказал Али и процитировал: – «Разве они не видели, что мы сделали ночь, чтобы они отдыхали во время нее, а день освещающим...».

Сара понимающе кивнула, она стелила постель. Шелковые простыни парусом взлетали и опадали на обширное ложе.

– Здесь всегда такая благодать? – спросил Али. – Я имею в виду погоду. Смены времен года не предусмотрено?

– Ты хочешь, чтобы на нас лил дождь?

– А почему ты собственноручно стелешь постель? Верно, это тоже часть замысла, приятно мужскому взгляду.

– Да, господин.

Между тем звезды затянуло облаками, и мелкий дождь зашуршал по листьям деревьев.

– Вот это другое дело. Сразу в сон потянуло.

Сара взяла его за руку и увлекла за собой на ложе.

– А почему ты, собственно? – спросил Али. – Только без обиды. Я из любопытства спрашиваю. Вы что, жребий бросали?

Ответа он не услышал, ибо Сара закрыла ему рот поцелуем.

Проснулся он от крошечных ожогов, покрывавших его лицо. Али открыл глаза и увидел снег. Рой снежинок опускался с небес, покрывая все кругом. Вся постель была запорошена им. Али приподнялся и сел, дрожа от холода. Он основательно продрог. Рядом никого не было. На всякий случай Али пошарил рукой. Никого. Кусты роз были облеплены снегом. Слипшиеся снежинки тянули книзу розовые бутоны, которые раскачивались, сиюсь сбросить тяжесть.

– Что, брат, замерз? – прозвучал вопрос.

Али повернул голову и увидел Назара. Давешний спутник и вожатый сидел, грея руки над небольшой жаровней.

– Как собака, – не выказав удивления, ответил Али. – И какой дьявол крышу унес. Всего снегом завалило.

– Полегче, парень. Все-таки не на земле находишься.

– А почему снег вдруг? Вот уж никогда бы не подумал, что в раю снег идет.

– Сам виноват. Сам непогоду просил.

– А почему Сара, а не Ева?

– Тебе больше Ева понравилась?

– Да нет. Я просто спросил.

– Оттого, что ты спал с Сарой, а не с Евой, ничего не меняется. Грехопадение свершилось, посему ты изгоняешься из рая.

– То есть, я свободен.

– Время вышло, – сурово сказал Назар. – Допивай свое вино и отправляйся.

Али отпил вина и поморщился.

– Это церковное, что Фома принес. И холодное. Я погрею его, не возражаешь?

Али утвердил кувшин среди углей. Через несколько минут вытащил кувшин и поднес ко рту. Сделав несколько глотков, положил его рядом с жаровней.

– Спасибо за гостеприимство.

– Приятно было познакомиться, – ответил Назар. – А кувшин заberi, это казенное имущество. Можно сказать, церковная утварь. Фома хватится, шуметь начнет. Ни к чему.

– Прощай, – сказал Али.

Назар кивнул.

– Что-то грустно стало, – с сожалением произнес Али.

– Не грусти, еще увидимся, – приободрил Назар.

– Надеюсь, это произойдет нескоро, – заметил Али.

Назар засмеялся и махнул рукой. Али взял кувшин и побрел по снегу в указанную сторону. Когда он, сделав десяток-другой шагов, обернулся, ничего уже не было – ни собеседника, ни жаровни. Али провел рукой по лицу, потер глаза и увидел церковный свод над головой. Гулко раздавались чьи-то шаги, а рядом на соседней скамье слышался храп Егорки. Появился Фома и заторопил, говоря:

– Вставайте, вставайте.

Он стал трясти Егорку.

– Расул уже открыл двери. Становитесь возле икон, вон в том углу, там темней,

и молитесь. Паломники войдут, смешаетесь с ними и уйдете.

– Что значит – молитесь? – проворчал Егорка. – Ты за кого нас принимаешь?

– Ну, делайте вид, что молитесь, нехристи.

Зевая и вздыхая, друзья поднялись со своих твердых лож, поплелись в указанный угол и опустились на колени перед иконой какого-то святого. Пилигримы все прибывали в большой зал. Голгофа, пространство у алтаря и престола, приделы наполнялись людьми. Смешавшись с толпой, наши герои подались к выходу. У врат стоял Фома, осеняя верующих крестным знамением. Досталось и нашим друзьям.

– Спасибо, друг, – бросил ему Али, – прости, если что не так.

– Бог простит, – ответил Фома.

Егор кивнул монаху и, ни слова не говоря, вышел.

– Холодно ты с ним простился, – заметил Али, когда они быстрым шагом покидали двор храма Гроба Господня.

– За что же мне его обнимать на прощание? За то, что без завтрака выпроваживает? Еще и на колени заставил встать, крыса церковная. Никогда ему не прощу этого. И не уговаривай меня. Куда идем?

– Сейчас увидишь, – бросил Али.

Они шли узкими крытыми улочками, пересекли площадь, обогнули рынок и вышли к дому, показавшемуся Егорке знакомым.

– Ты с ума сошел? – сказал он. – Я туда не пойду.

– Вы с ума сошли! – воскликнул хозяин таверны. – У вас-таки хватило совести показаться мне на глаза после тех убытков, которые мне причинили?

– Во-первых, мы вернулись возместить вам убытки, – объявил Али.

– Этого не может быть! – воскликнул Енох, хватаясь за сердце. – Вы поразили меня в самую душу своим благородством. Я никогда не видел таких совестливых людей. Тут должен быть какой-то подвох. Говорите, прошу вас, не томите.

– Наша комната еще свободна? – спросил Али.

– Вы знаете, я почему-то так и подумал, – воскликнул Енох. – Еще этот скандал не замяли. Меня таскают в комендатуру каждый день давать показания. С меня взяли подписку о невыезде. Между прочим, я был арестован, и отпустили меня лишь благодаря заступничеству наместника.

– У тебя хорошие связи, – заметил Али.

– Не без этого, – довольно сказал еврей, хотя заступничество графа было для него загадкой и неожиданностью. – Короче, не будем мучить друг друга неизвестностью. Сколько вы мне заплатите?

– Десять золотых динаров, – предложил Али.

– Молодой человек, вы сорите деньгами, как какой-нибудь Гарун аль Рашид. Это даже неприлично – быть таким богатым. Комната в вашем распоряжении. Только я вас умоляю, не выходите оттуда без предупреждения. Позвоните в колокольчик, чтобы я мог вначале доложить вам обстановку.

– Они же не подумают нас здесь искать, – запоздало пояснил Али.

– Да, да. Я уже все понял, прошу вас.

Оказавшись в комнате, Али рухнул на свою постель. А Егорка долго стоял у окна, глядя на площадь, затем спросил:

– Тебе как спалось этой ночью?

После долгой паузы Али ответил:

– Мне снился какой-то странный, безумно интересный сон. Но, как я ни ста-

раюсь, ничего не могу вспомнить.

– Представь себе, со мной то же самое.

Странноприемный дом иоаннитов

«Фра Герэн, видимо, еще не решил, как со мной поступить, поэтому меня держат взаперти», – думала Лада, сидя у окошка в комнате на втором этаже и глядя во двор. Она ничего не знала о судьбе Али и Раймонда. Во дворе она заметила смуглую девочку, часто пробегавшую под окнами. В чертах ее лица чувствовалось что-то родное. Лада не удержалась и окликнула ее. Девочка удивленно оглянулась, но, не увидела никого. Лада позвала ее снова. Догадавшись, что голос доносится сверху, девочка подняла голову и, услышав тюркское приветствие, улыбнулась.

– Как тебя зовут? – спросила Лада.

– Мариам, – ответила девочка. Она изумленно разглядывала красивую светловолосую женщину, говорившую с ней на ее родном языке.

– Откуда ты? – спросила Лада.

– Из Салмаса, – ответила Мариам.

– Так ты азербайджанка? – спросила Лада.

Мариам утвердительно кивнула.

– А вы кто? Азербайджанка? – в свою очередь спросила Мариам.

– Почти, – ответила Лада, – вообще-то я русская. Но у меня дом в Нахчыване.

– А вы что здесь делаете?

– Я пленница, – коротко ответила Лада.

Мариам округлила глаза:

– Как, и вы тоже?

– Увы. Если у тебя будет свободное время, приходи ко мне, поболтаем.

– Хорошо, я обязательно приду.

Девочка убежала. А Лада проводила ее задумчивым взглядом. Она обдумывала появившуюся мысль. Лада подошла к двери, постучала, а когда ей открыли, заявила охранявшему ее капеллану, что она хочет ухаживать за больными. Ее достойная уважения просьба нашла отклик у фра Герэна и ей позволили проявить милосердие.

Ладу отвели в больничный покой, где пожилой лекарь спросил ее:

– Что вы умеете делать?

– Ничего, – честно ответила Лада.

– В таком случае будете сиделкой. Побудьте возле этого раненого, он еще не пришел в себя. Как только очнется, позовите меня. Я сделаю ему перевязку.

Ладу отвели к кровати, на которой лежал человек, накрытый простыней.

– А он точно очнется? – опасливо спросила Лада. – А то я боюсь мертвецов.

– Очнется, он не тяжелый.

– А почему он с головой накрыт?

– Чтобы мухи не докучали.

Лекарь откинул простыню с раненого, поправил повязку, вновь закрыл и ушел.

Лада присела рядом и стала ждать. По залу сновали лекари и их помощники, разнося лекарства, повязки, еду и питье. Лада была единственной женщиной в помещении, поэтому все поминутно оглядывались на нее. Однако через некоторое время к ее неподвижной фигуре привыкли и уже не обращали внимания. Лада сидела, погруженная в раздумья, что было нехарактерно для нее. Ее одолевало беспо-

койство за Али. Вдруг она увидела Мариам, свою недавнюю знакомую. Та радостно улыбалась и кивала ей. Лада пошла к ней. В дверях ее остановил капеллан.

– Подышу свежим воздухом, – сказала ему укоризненно Лада. – Нехорошо мне.

Поколебавшись, капеллан уступил и позволил Ладе выйти во двор. Недалеко от дверей, у стены, была скамейка. Мариам усадила на нее Ладу и стала ей рассказывать о себе. Мариам несколько лет была служанкой во дворце Малики-Хатун. До тех пор, пока Шараф-ал-Мулк не разграбил ее имущество, захватив и всех ее слуганок. Впоследствии он продал их какому-то еврею-работоторговцу, который привез живой товар на крупнейший невольничий рынок в Константинополе, где ее купил богатый христианский паломник в подарок своей жене. Но не довез до дома. В Иерусалиме в припадке религиозного рвения он пожертвовал ее ордену госпитальеров. Теперь Мариам жила при госпитале и ухаживала за ранеными.

– Мой друг недавно с ней виделся, – заметила Лада.

– С кем?

– С твоей бывшей госпожой.

– С Маликой? – удивилась девочка.

– Дело в том, что у нас с твоей госпожой был один и тот же муж.

– Как это? – сказала Мариам. – Этого не может быть. Атабек боялся Малики-Хатун и не брал других жен помимо нее. Ведь она была из рода сельджуков.

– После того, как атабек Узбек узнал, что Малика вышла замуж за хорезм-шаха, он женился на мне. А через несколько дней умер.

Мариам изумленно смотрела на Ладу, пытаясь постичь сказанное.

– Но ведь атабек был властителем Азербайджана, – потрясенно сказала она, – а если ты была его женой...

– Какое это имеет теперь значение, – сказала Лада. – Собственно, я и раньше не придавала этому особого значения. А теперь-то...

– Все равно, – заявила Мариам.

Во дворе появился монах и закричал:

– Мария, где тебя носит?

– Меня зовут, – сказала девочка, – я еще приду.

Девочка убежала. Лада проводила ее взглядом и вернулась в палату, где вспомнила о своем намерении взглянуть на своего подопечного. Она стянула простыню с его лица и, не удержавшись, произнесла одно из тех русских просторечных выражений, которые не подобает вставлять в словесный узор рыцарского романа. И Раймонд, а это был он, открыл глаза, словно для пробуждения трубадура из беспмятства не доставало именно этого словосочетания. Но Ладе краснеть не пришлось, ибо рыцарь не знал русского языка.

– Верно, я в раю, – слабым голосом предположил трубадур.

– Увы, нет, вынуждена вас разочаровать, – безжалостно ответила Лада.

– Если я, открыв глаза, вижу ваше лицо, значит, я в раю, – настаивал рыцарь.

До Лады не дошла суть комплимента, будучи реалисткой, она строго сказала:

– Рыцарь, вы живы, я – тоже. Значит, мы не в раю.

Лада вытерла ему лицо своим платком.

– Лежите, не двигайтесь, – холодно сказала она, – нечего улыбаться. Лучше скажите, что с вами случилось? Я сердита на вас. Почему вы в таком виде?

– А где я? – вопросом на вопрос ответил юноша.

– Вы не знаете, где вы? Вы в госпитале.

– Как? Опять?

– Что значит – опять? Вы... – Лада не договорила. Ее внимание привлекли движение и шум в дверях. – Смотри-ка, кто пожаловал, – заметила Лада, – сам магистр делает обход больных.

Фра Герэн в самом деле обходил больных, он останавливался возле каждого, находя слова утешения, приободряя. Когда он поравнялся с Ладой, женщина встала и ответила на его приветствие.

– Дитя мое, – ответил ей магистр, – должен вам сказать, что вы мне нравитесь все больше и больше. И это неожиданное милосердие, явленное вами. Кстати, кто этот человек, удостоившийся вашей заботы?

– Это... – начала Лада, бросив взгляд на Раймонда, и осеклась. Лицо рыцаря было закрыто простыней. Она хотела назвать его имя, но, сообразив, что здесь что-то неладно, нашлась. – А разве это имеет значение? Кто бы он ни был, я буду ухаживать за ним.

– Прекрасный ответ, – сказал магистр и прошествовал далее.

– Ну и что все это значит? – спросила Лада, дождавшись, когда фра Герэн уйдет. – Почему вы от него прячетесь?

– Неужели меня привезли к госпитальерам? Мне вчера удалось уйти отсюда, попасть к наместнику и просить за вас. Затем я был на приеме. Там присутствовал магистр. Речь зашла о вас. Король изъявил желание увидеть вас. Но отчего-то Герэн не спешит выполнять приказ короля.

– А кто вас ранил?

– Ночью, когда я ушел с приема, меня поджидала засада.

– Герэн видел вас на приеме?

– Герэн – нет. Но я столкнулся с командором и вызвал его на дуэль. Вскоре на меня напали.

– Молчите, сюда идут.

Лада быстро закрыла рыцарю лицо. Капеллан, подойдя к ней, сказал:

– Магистр сказал, что на сегодня милосердия достаточно. Вас ждет король. Прошу следовать за мной.

– Меня? Король? Как приятно это слышать. – Поднимаясь, Лада незаметно дотронулась до руки Раймонда. Проходя мимо лекаря, сидевшего за столом, произнесла: – Этот рыцарь, кажется, пришел в себя.

– Благодарю вас, сударыня, мы о нем позаботимся. – ответил лекарь.

Наследник Конрад

Наместник Иерусалима, Эд Монбельярский, в задумчивости расхаживал в аудиенц-зале королевского дворца, когда доложили о прибытии магистра иоаннитов.

– Он один? – спросил наместник.

– Нет, ваша светлость, – ответил камергер, – его сопровождает молодая и очень красивая дама.

Лада в сопровождении фра Герэна вошла в зал. После взаимных приветствий магистр спросил:

– А где же его величество?

– Будут, – ответил граф, – его величество велели начинать без него. Представьте же вашу очаровательную пленницу.

Граф намеренно употребил это слово, чтобы создать неловкость. Подтвердив

статус женщины, магистр должен будет привести причины и доказательства вины. Если же учтивость не позволит назвать даму пленницей, тем самым он свяжет себе руки в дальнейшей ее судьбе. Но старый лис не позволил загнать себя в ловушку.

– Назовите свое имя, – обратился он к спутнице, не подтвердив и не опровергнув заявление графа.

– Я Лада Нахчыванская, вдова последнего правителя Азербайджана, атабека Узбека.

– Звучит неплохо, – заметил граф. – А я Эд Монбельярский, наместник короля в Иерусалиме. К вашим услугам.

– Спасибо. А я подумала, что вы король.

– Нет, вы ошиблись. Скажите, сударыня, каким образом особа вашего положения оказалась здесь?

– Даже не знаю, с чего начать. Столько всего....

– Можно по порядку, – приободрил граф.

– Родилась я на Руси.

– Пожалуй, не стоит начинать с самого начала, – заметил граф.

– Тогда я сразу возьму быка за рога. Мы совершали паломничество. И Али.....

– Паломничество в Иерусалим? – уточнил граф.

– Нет, в Мекку.

– В Мекку, вместе с Али.

– Да.

– А как вы, вдова атабека Азербайджана, оказались в компании какого-то Али? Вам что, не с кем было совершать паломничество? И почему в Мекку?

– Потому что я мусульманка. Али – друг моего брата. Почему это вас удивляет? Кем, по-вашему, должна быть жена мусульманина?

– Просто вы совершенно не похожи на мусульманку. Ваша внешность...

Лада вдруг проявила неожиданную осведомленность, заявив:

– Чернокожие абиссинцы все поголовно христиане.

– Откуда такие познания? – удивился Эд.

– Мне рассказывал Али.

– Ваш друг.

– Правильно.

– А где сейчас находится ваш друг?

– Почему вы спрашиваете у меня об этом? Лучше адресовать этот вопрос магистру, чьими пленниками мы являемся.

Граф посмотрел на Герэна.

– Я вам уже говорил, – заметил магистр.

– Значит, она еще ничего не знает, – сказал граф.

– Чего я не знаю? – встревожилась Лада. – С ним что-то случилось?

Магистр смотрел на графа тяжелым взглядом, поджав тонкие губы.

– А сколько времени вы собирались скрывать это от нее? – спросил граф. – Обстоятельство, отягчающее положение вдовы атабека – надо, чтобы она знала о нем. Ну, дорогой магистр, не надо смотреть на меня волком. У нас общие интересы. – И, обращаясь, к Ладе, продолжил: – Видите ли, в чем дело. Мы не ставим под сомнение заявленный вами статус. Хотя вы ничем не можете его подтвердить. Можно принять на веру факт вашего паломничества и даже допустить, что вас задержали ошибочно. К тому же за вас ходатайствовал один из крестоносцев, которому я вполне доверяю.

Он из свиты одного знатного сеньора, погибшего за веру. И я пообещал ему разобраться в вашем деле. Но человек, то есть ваш друг, по имени Али, у которого было обнаружено письмо, вдруг бежит из-под стражи с помощью единомышленников. И мне теперь трудно убедить главу иоаннитов, что он всего-навсего почтальон.

– В этом нет ничего предосудительного, – ответила Лада. – Если человеку грозит смерть или неволя, он вправе добыть свободу. Вы же допускаете, что нас задержали по ошибке, переусердствовали. Вот и он переусердствовал. Где у него основания полагать, что вы во всем разберетесь и отпустите его? А Али, значит, на свободе? – спросила Лада

– Да, но сообщники! Откуда у невинного человека в чужом, незнакомом городе сообщники?

– Это очень просто, – сказала Лада, – его освободил Раймонд. Он испытывал угрызения совести, потому что мы поехали на тот постоянный двор по его совету. И он освободил его.

– Исключено, – сказал магистр.– Когда отбили Али, рыцарь был под арестом. К тому же своими словами вы бросаете тень на его имя. Он и так под подозрением.

– Ну, так позовите его и спросите, – предложила Лада.

– Дело в том, что он тоже исчез, – сказал магистр.– Кстати, не знаете, где он? Лада едва не проговорила.

– Понятия не имею. Он мне совсем неинтересен.

– А вы ему очень даже интересны, – заметил наместник.

Лада пожала плечами. В этот момент в зал через неприметную дверь вошел мальчик в окружении свиты. По обилию шелка и золота в его одежде Лада поняла, что это особенный мальчик. Он уверенно прошествовал в центр зала и сел на трон. Лада оглянулась. Все застыли в поклоне. Мальчик внимательно смотрел на нее, и Лада неожиданно для самой себя улыбнулась ему, открыто и доброжелательно. Не привыкший к подобному искреннему выражению чувств, Конрад минуту, другую смотрел на нее, пытаясь понять, что за этим кроется. Но затем сам, не выдержав, расплылся в улыбке. Семилетний ребенок не нуждался в вопросах и ответах, чтобы понять, что за человек стоит перед ним. Эта красивая женщина была другом. Более не важничая, он встал с трона и, подойдя к ней, спросил:

– Как тебя зовут?

Лада ответила.

– А я, знаешь, кто?

– Ваше величество, король?

– Ответ правильный, – довольно сказал Конрад, – но не совсем. Король – мой отец, а я его наследник. Когда он умрет, я буду королем. Но когда его нет, я все равно, что он – король Иерусалимский. А его сейчас нет.

– А где же ваш батюшка?

Мальчик засмеялся:

– Какое смешное слово, батюшка. Ты что, из деревни?

– Вообще-то да.

– Ну, это ничего, – успокоил девушку Конрад. – Хочешь поиграть со мной?

– Очень, – ответила Лада.

Конрад взглянул на графа. Наместник мягко сказал:

– Ваше величество, мы как раз беседовали с этой дамой до вашего появления и не закончили разговор.

– Так заканчивайте, – сказал Конрад. Но когда граф попытался обратиться к Ладе с вопросом, наследник перебил: – Я сказал, заканчивайте, а не продолжайте.

Наместник улыбнулся и, не желая вызвать недовольство мальчика, повернулся к магистру, всем своим видом приглашая вступить в полемику. Герэну не оставалось ничего другого, как вмешаться, рискуя вызвать гнев вспыльчивого наследника.

– Ваше величество, у меня есть основания полагать, что эта дама замешана в заговоре против христиан, так как у ее спутника были обнаружены письма к султану Малику Ашрафу.

Не зная, как на это реагировать, Конрад вопросительно посмотрел на наместника, но тут заговорила Лада:

– Ваше величество, я много раз объясняла господину магистру, что это было обычное письмо. Даже враги вашего государства пишут такие письма друг другу. Бывшая жена моего бывшего мужа написала султану письмо с просьбой освободить из тюрьмы одного человека. Вот и все, почему же надо из этого делать проблему?

– Вы слышали? – сказал мальчик. – Теперь я хочу с ней поиграть.

– Конечно, ваше величество, – поклонился магистр, – я подожду, пока вы закончите, чтобы забрать ее.

– Она останется здесь, – сказал мальчик, – потому что... – здесь он запнулся, поскольку его словарный запас не содержал нужного слова, и посмотрел на Эда.

– Вопрос исчерпан, – подсказал граф.

– Потому что вопрос исчерпан, – заключил Конрад и взял Ладу за руку.

Фра Герэн молчал, лицо его было непроницаемо. Но Лада неожиданно сказала:

– Ваше величество, позвольте мне сегодня вернуться в госпиталь. Я ухаживаю за больными и ранеными рыцарями. И они ждут моей помощи. Я должна хотя бы проститься с ними. А завтра я с радостью приду опять, чтобы поиграть с вами.

– Это похвально, – сказал граф и кивнул мальчику, советуя согласиться.

– Ладно, – нехотя сказал Конрад. – Но только после игры.

Магистр с любопытством взглянул на Ладу.

– Принесите моих солдат, – приказал свите Конрад. – А все остальные уходите.

– Ваше величество, позвольте нам понаблюдать за баталией, – попросил Герэн.

– Нет, – твердо сказал малыш, – вы будете мешать, уходите.

– Мы можем продолжить беседу в соседней комнате, – предложил наместник.

Магистру не оставалось ничего другого, как согласиться.

Оставшись наедине с Герэном, граф спросил его:

– А что с этим, с ее спутником, нашли его?

– Ищем, – коротко ответил магистр.

Он был зол на себя за то, что поддался требованиям Эда и привез сюда Ладу. Она была козырем в его руках, а своенравный мальчишка Конрад мог не отпустить ее. Магистр всерьез опасался этого, поскольку игра против Фридриха была уже начата. Донесение, в котором содержалось обвинение императора в его тайных сношениях с врагами христиан, было уже направлено папе в Рим. Если девушка ускользнет из его рук, ему нечем будет подкрепить обвинение.

– Неужели до сих пор не схватили? – удивился наместник. – Наверное, их уже и след простыл.

– Нет, ваша светлость, на выездах из города стоят усиленные наряды. Мои люди проверяют каждую повозку, выезжающую из Иерусалима. Он еще здесь, и мы его найдем.

Шевалье

Рыцарь Раймонд проснулся на следующий день вполне здоровым человеком. Таково счастливое свойство молодого организма. Во всяком случае, он себя чувствовал таковым до тех пор, пока не шевельнулся. Огнем полыхнули засохшие корки его ран. К счастью, ни одна из них не была серьезной, жизненно важные органы не были задеты, и благодаря своевременному медицинскому вмешательству ни одна из них не воспалилась. Он с нетерпением ждал появления Лады. Только это обстоятельство удерживало его в постели. Нелепый случай вернул его туда, откуда он бежал. Раймонд поднял взгляд и увидел в окне девочку, которая делала ему знаки. Рыцарь недоуменно приставил палец к груди, чтобы убедиться, что обращаются к нему. Девочка утвердительно кивнула. Рыцарь огляделся и подозвал санитара. Когда тот подошел, обратился к нему с просьбой:

– Любезный друг, мне нужно во двор, помоги мне встать.

Санитар не стал спорить, выждав минуту, чтобы убедиться, что раненый может передвигаться без посторонней помощи, он вернулся в помещение. Увидев рыцаря, Мариам, а это была она, подбежала к нему и помогла дойти до ближайшей скамейки. Во дворе госпиталя было многолюдно. На скамейку рыцарь не стал садиться, поскольку любое лишнее движение причиняло ему боль.

– Простите меня, сеньор, за то, что я причинила вам страдания. Но я видела, как Лада сидела и разговаривала с вами вчера. Ее увезли сегодня рано утром. Я подметала двор, она меня увидела и успела шепнуть, чтобы я вам это передала.

– Куда ее увезли, она не сказала? – холодея от мрачного предчувствия, спросил рыцарь.

– Не сказала.

– А больше ты ничего не слышала? Может быть, люди, сопровождавшие ее, говорили между собой?

– Один из них произнес слово – *шевалье*.

– Это было обращение?

– Не знаю.

– Это были рыцари или капелланы?

– Простые капелланы.

– Спасибо, ты мне очень помогла. – Потом спросил: – Как твое имя?

– Мариам.

– Мария, значит!

– Госпожа Лада сказала, чтобы я вам помогала. Зовите меня, если вам что-то понадобится.

Девочка улыбнулась и убежала. Рыцарь в задумчивости оставался на месте. На крыльцо больничной палаты вышел давешний санитар, увидев его, махнул рукой.

– Сейчас начнется обход лекаря, – крикнул он.

С этим же призывом он обратился к еще нескольким выздоравливающим либо легкораненым крестоносцам.

Надо было идти к наместнику. Но прежде Раймонд решил вернуться в палату, сменить повязки, под которыми, сейчас он чувствовал, раны начали кровоточить. Он сделал несколько шагов и лицом к лицу столкнулся с командором.

– Как! Это вы? – вырвалось у госпиталяера.

– Представьте себе, – ответил Раймонд. – Полагаю, для вас это неожиданность.

Дело в том, что я попал в небольшую переделку. Несколько негодяев напали на меня ночью. Подлечусь немного и буду готов к вашим услугам. Кстати, надеюсь, что вы к этому нападению не имеете отношения.

Изменившийся в лице командор справился с замешательством и хлестко ответил в тон ему:

– А я надеюсь, что вы не сами себе нанесли эти раны, чтобы избежать поединка со мной.

Раймонд поднял было руку, чтобы отвесить наглецу еще одну пощечину, но тут же застонал и опустил ее.

– Хотите, сударь, я вместо вас ему врежу, – предложил Раймонду один из свидетелей разговора.

Симпатии окружающих были на стороне раненого. Командор не стал искушать судьбу. Повернувшись, он скрылся в здании, откуда вышел некоторое время назад.

– Если что, сударь, я буду неподалеку, – сказал вступивший за Раймонда крепостносец. – Не люблю этих монахов. Воля ваша, но что это за мужчина, если он добровольно дает обет воздержания?

– Благодарю вас, – ответил Раймонд.

Ему нельзя было оставаться здесь ни минуты. Судя по всему, командор побежал к магистру, а значит, разоблачение и арест неминуемы. Санитара у крыльца не было, за ним никто не следил. Раймонд огляделся и увидел Мариам. Она была неподалеку и, видимо, была свидетельницей всей сцены. Рыцарь поманил ее, а когда она подбежала, сказал:

– Мне нужно бежать отсюда. Кроме ворот, есть еще выход?

– Есть, пойдете, я покажу.

Мария привела его к массивной двери в стене.

– Это для персонала.

– А ключи?

– Снаружи колокольчик, а здесь только засов.

Раймонд отодвинул тяжелый засов. От усилия огнем полыхнуло все тело, испарина выступила на лбу. От слабости он вынужден был схватиться за плечо девочки и привалиться к двери.

– Вам плохо? – участливо спросила девочка.

– Ничего, сейчас пройдет. Спасибо тебе, я этого не забуду.

– Может быть, я вас провожу. Вы такой бледный.

– Не надо, иди. А то хватятся, попадет тебе.

Рыцарь потянул дверь на себя и оказался на улице. Дверь за ним тут же хлопнулась. Дворец наместника находился недалеко от госпиталя. Но рыцарь решил, что лучшее, что он может сейчас сделать, – это уйти от госпиталя подальше. Ибо если командор уже доложил о нем магистру, то его уже ищут и смогут перехватить на пути к наместнику. Через некоторое время, когда Раймонд решил, что он достаточно отдалился от госпиталя, он остановился перевести дух, поскольку изнемогал от усталости. На первом этаже углового дома была таверна. Недолго думая, Раймонд направился туда. Вошел и опустился на первое попавшееся свободное место, не спрашивая разрешения у сидящих за этим столом людей. Но видно на его лице отражалась такая степень страдания, что никто и не подумал сделать ему замечание.

К рыцарю подошел подавальщик.

– Что будете заказывать? – спросил он.

– Ничего, я просто посижу.

– Просто сидеть не полагается, – сказал подавальщик, затем поправился. – Простите, сударь, здесь не принято просто сидеть.

В этот момент подавальщика отстранил возникший за его спиной хозяин.

– Простите, сударь, моего неразумного слугу. Заказанный вами столик находится дальше. Ваши друзья уже пришли и ожидают вас.

Раймонд хотел возразить, но соседи прислушивались к их разговору, и он решил не привлекать излишнего внимания. Морщась, он поднялся и пошел за хозяином. И лишь в глубине зала обратился к нему со словами:

– Любезный, вы меня с кем-то спутали. Меня здесь никто не ждет.

– Вас зовут Раймонд? – спросил трактирщик.

– Верно, – согласился озадаченный рыцарь.

– Следуйте за мной, это на втором этаже. Здесь осторожней, потолок низкий.

Раймонд понял, что в его судьбу вмешались высшие силы, и молча последовал за трактирщиком.

В комнате за небольшим низким столиком, на соломенной циновке, скрестив ноги, сидели двое мужчин и пили вино. Один из них, Али, радушно улыбнулся рыцарю. Второй, светловолосый человек с кудрявой бородкой, не был знаком Раймонду.

Али встал, приветствуя гостя. Его примеру последовал его товарищ.

– Рад вас видеть, – сказал Али. – Это мой друг – Егор. Садитесь, будьте гостем.

– Вот так встреча! Как вы узнали, что я приду сюда? – спросил Раймонд.

– Я увидел вас в окно, – сказал Али. – А мы здесь живем.

Али попросил хозяина принести еще вина и чашу. Бросив на рыцаря особенный взгляд, хозяин удалился. Рыцарь сел, не удержавшись от гримасы. Это не укрылось от внимательного взора Али.

– Вы здоровы, друг мой? – осведомился он.

– Не совсем, – ответил рыцарь и рассказал все, что с ним произошло. Закончил он словами: – В их руках осталась Лада.

– Я вижу, вам здорово досталось. – сказал Али, когда рыцарь закончил рассказ. – Но раны заживут, главное, что вы на свободе. Кстати, Егор – ее родной брат. Изумленный Раймонд попытался встать, но Али удержал его.

– Я счастлив познакомиться с вами, – сказал рыцарь. – Ваша сестра для меня...

– Да, да, – прервал его Али, – я ему уже все рассказал. Не надо сейчас об этом.

Подумаем лучше о том, как освободить ее.

Вошел хозяин, неся поднос с закусками, вином и кубком.

– Нам нужен врач, – сказал ему Али. – Только очень хороший. Этого раненого рыцаря необходимо поставить на ноги.

– Врач будет, – ответил еврей, – самый лучший. Лукман и Авиценна в одном лице. Еще и Гиппократ. Стоит он, правда, недешево. Но он не чета костоправам из госпиталя иоаннитов.

– Веди его, мы заплатим, сколько скажет. И еще одну комнату займем. Найдешь? Или все заняты?

– Вообще-то все заняты, но ради вас я кого-нибудь выселю.

Енох ушел. Али наполнил кубок рыцаря и предложил выпить за знакомство. Раймонд взял в руку свой кубок, ощутив пальцами его прохладу, но пить медлил.

Друзья выпили и вопросительно посмотрели на рыцаря.

– Боюсь навредить, – нерешительно произнес Раймонд, – как бы хуже не стало.

– Хуже не будет, – успокоил его Егорка, – а вот боль притупится.

Раймонд послушался. Кубок вина в самом деле оказал болеутоляющее действие. Спустя несколько минут он почувствовал теплоту во всем теле и смог наконец расслабиться и сесть поудобнее.

– Закусывайте, чем бог послал. Думаю, что вас в больнице не очень баловали.

– Сейчас не подходящее время для трапезы. Меня беспокоит участь Лады, – сказал Раймонд. – Я должен немедленно направиться к наместнику просить помощи.

– Как вы думаете, почему я до сих пор еще в Иерусалиме? – ответил вопросом Али. – Что меня здесь держит? Ведь я совершал паломничество совсем к другим святыням. Я сижу здесь из-за Лады. А о нем и говорить нечего. Она приходится ему родной сестрой. Кроме ее спасения, у нас нет других дел. Но спешить не надо, будем действовать наверняка. Надо все продумать. У вас есть какие-нибудь догадки или соображения по поводу того, куда увезли Ладу?

– Есть, – ответил рыцарь, – но если я ошибаюсь, то мы потеряем много времени напрасно. Один из людей, увозивших Ладу, произнес слово – *шевалье*. Возможно, это было обращение. Но возможно, что ее увезли в Крак де Шевалье. Это замок госпитальеров. Он неприступен. Если они спрячут там Ладу, то вытащить ее будет невозможно. Единственный выход – догнать их и отбить девушку. Но если я ошибаюсь, повторяю, мы потеряем время.

– А что вам подсказывает интуиция?

– Я ей не доверяю.

– Ну так давайте вместе поразмыслим, – предложил Али. – Каковы исходные данные? Госпитальеры задержали нас, точнее, меня, полагая, что я шпион. Мне удалось бежать с помощью моего друга Егорки, лучшего друга на свете.

Егорка благодарно кивнул.

– Поэтому я предлагаю выпить за него.

Егорка наполнил кубки.

– Так вот, – удовлетворенно сказал Али. – Раз магистр, упустив меня, вцепился в Ладу, значит, дело вовсе не в том, шпион я или не шпион. Вы говорите, что Ладу возили к королю по приказу наместника. Граф к вам благоволит, вы просили за Ладу. Кстати, за меня вы не замолвили словечко?

– Я все объяснил графу.

– Итак, если Лада после визита была увезена в неизвестном направлении, это говорит о том, что после аудиенции он понял, что Лада может обрести свободу. Значит, она нужна ему как козырь в какой-то игре. Вы просили наместника, и если он ходатайствовал перед королем, ее должны были отпустить. Чтобы этого не произошло, магистр решил ее спрятать.

– Но зачем? – воскликнул рыцарь.

Али пожал плечами.

– Возможно, чтобы досадить королю. Или еще по какой-то причине. Я не знаю.

– Инициатором крестовых походов была церковь, – сказал Раймонд. – Из-за этой бредовой идеи погибли сотни тысяч людей, в то время как до начала походов мусульмане не препятствовали паломникам посещать святые места. Король Фридрих – единственный из монархов – взял Иерусалим не силой, не ценой жизни своих солдат, но переговорами с мусульманами. И он же был отлучен от церкви. Это очень странно. Я много думал об этом и не мог понять причины. Теперь она мне ясна. Иерусалим – не цель, но повод к войне. Мирный договор не нужен папе и его рыцарским

орденам, госпитальерам и тамплиерам. Поэтому вы, а теперь и Лада, нужны как доказательство злонамеренности мусульман. А король, желающий освободить лазутчиков сирийского правителя, будет выглядеть как предатель интересов христианства.

Раймонд замолчал и взял кубок в руки. Егор тут же наполнил его.

– Bravo, – сказал Али, – в ваших словах чувствуется железная логика. И еще приятно иметь дело с крестоносцем, не ослепленным религиозным фанатизмом. Теперь, когда мы знаем мотивы похищения Лады, нам не хватает одной малости – доказательства расположения Конрада к Ладе. Значит, вам, рыцарь, следует нанести визит к наместнику, после этого мы решим, как действовать.

– Вообще-то я с самого начала думал идти к наместнику.

– Вот видите, всегда надо доверять своей интуиции, – заметил Али. – Только ответьте мне на один вопрос: почему вы пришли сюда, а не во дворец?

– Я боялся преследования со стороны командора. Чтобы запутать его людей, пошел в другую сторону. Точнее, куда глаза глядят. Попал сюда.

– Вопросов больше не имею, – сказал Али.

В дверь постучали. Затем вошел хозяин, а за ним коренастый человек.

– Кто из вас ранен? – спросил врач. – Вы все пьете вино?

– Я, – сказал Раймонд, с укором глядя на друзей. – А что, нельзя было?

– Напротив, – ответил врач, – у меня нет болеутоляющего. Караван жду уже третью неделю. Лекарства почти все закончились.

– Крепитесь, сударь, – сказал Али, – после продолжим.

Раймонд поднялся и пошел за евреем и лекарем.

Дверь закрылась за ними, и Егорка спросил:

– А чего этот рыцарь так суетится из-за Лады?

– Сам-то как думаешь?

– Хочешь сказать, что он в нее влюблен?

– Так оно и есть, – подтвердил Али. – Вот что, друг мой. Настала пора действовать. Не будем терять времени. Я отправлюсь к Расулу. Поговорю с ним. И вообще нам пора уносить ноги отсюда.

– А я что буду делать? – спросил Егор.

– А ты остаешься на хозяйстве.

– Это называется – пора действовать?

– Да, друг мой. Допей вино. А когда вернется рыцарь, скажи ему, чтобы он шел к наместнику. Ты иди с ним. Если его ждут у дворца люди командора, затеешь с ними драку, чтобы он смог войти к нему.

– Это похоже на действие, – заметил Егорка.

Али надел монашеское одеяние, натянул на голову клобук, превратившись в христианского паломника, повесил на кисть длинные четки, увенчанные деревянным распятием, и ушел. Оставшись один, Егорка, вопреки совету, не стал допивать вино. А напротив, убрал кувшин со стола, а остатки еды накрыл белым полотенцем.

– Что я, пьяница, что ли, в одиночку пить? – вполголоса сказал Егорка.

К дому Расула Али подошел в сумерках. Расул открыл не сразу. С удивлением воззрился на гостя.

– Святой отец, вероятно, ошибся дверью, – сказал он. – Управление по делам паломников на соседней улице, через два дома отсюда.

– Мир вам, уважаемый Расул, – негромко произнес Али и, откинув капюшон, по-

казал лицо. – Мне нужен ваш совет.

– Это ты, хафиз? – не сразу узнал его старик, впустил и закрыл за ним дверь. Он провел гостя в дом, предложил сесть.

Али осведомился о здоровье и делах хозяина дома, его семье, как полагается.

– Спасибо, хвала Аллаху, все хорошо, – ответил Расул. – А вы как?

– Благодаря вам мы живы и свободны. У нас нет времени, – сообщил Али. – Сестра моего друга в руках госпитальеров.

Али рассказал об исчезновении Лады и о предположении Раймонда.

– Это похоже на правду, – заметил старик, – я хорошо отношусь к Фридриху, а госпитальеры с тамплиерами – не очень. После того, как король смог заключить мир с нашими братьями, они возненавидели его пуще прежнего. Любую возможность используют, чтобы посеять вражду между христианами и мусульманами.

– Отчего так, я не понимаю, – сказал Али. – Им был нужен Иерусалим, они его получили. Чем они недовольны? Чего им еще нужно? Гроб Христа у них.

– Ты ошибаешься, – возразил старик, – им не нужен Иерусалим. Им не нужен гроб. За погосты никто не воюет. Им не нужен мир – вот в чем дело. Им нужна война. Она – смысл их существования. Грабежи, разбой, убийства, освященные сенью Христа. Кому они нужны у себя дома? А здесь они **некто**, военно-монашеский орден. Воинствующие христиане. Их Пророк учил: бьют тебя по одной щеке, подставь другую. Эти же не только не подставляют щек, сами норовят хряснуть. Если не будет войны, то надобность в них отпадет. Рано или поздно кто-то позарится на их имущество. А они немало награбили за сто с лишним лет. Так что ход мыслей твоего друга правильный. Я не готов так сразу предложить тебе помощь, но я подумаю над этим и дам тебе знать.

– Благодарю, – Али поднялся, – с вашего позволения я вернусь в гостиницу.

– Оставайся, я сейчас буду ужинать, – предложил Расул.

– Нет, спасибо, я пойду. Скажите, этот Крак де Шевалье, через какие ворота лучше выйти к нему?

– Сирийские, – ответил Назар. Он объяснил, как туда лучше пройти.

– Вы сможете нанять для нас повозку с парой лошадей, лучше крытую?

– Сынок, все стоит денег. Вернее, у всего есть своя цена.

– Я вас понял, – Али полез в кошелек.

– Не сейчас, – остановил его старик, – успеется. Все в руках Аллаха.

Наместник

Следуя указаниям доктора, Егорка через час разбудил рыцаря.

– Поднимайтесь, сударь, – сказал он. – Нас ждут великие дела!

Раймонд несколько времени смотрел на него, явно не узнавая, но затем взгляд его прояснился. Он все вспомнил и удивился.

– Почему я сплю? – недоуменно спросил он.

Егорка объяснил.

– А где Али? – спросил рыцарь.

– Ушел по делам.

– Мне тоже нужно идти, – заявил Раймонд.

– Я вас провожу, – сказал Егорка.

– Я пойду к наместнику, это может быть опасным для вас, считаю своим долгом предупредить вас.

– Знаете, – заметил Егорка, – между прочим, из нашей троицы я единственный, кого не разыскивают.

– В самом деле, – согласился рыцарь. – Но стоит ли рисковать из-за чужих дел?

– Позволю вам напомнить, сударь, что речь идет о моей родной сестре.

– Да, да, – сконфуженно произнес рыцарь. – Я еще не свыкся с этой новостью.

– Пустое. Скажите лучше, как вы себя чувствуете?

– Знаете, мне гораздо легче. С тем, что было утром, никакого сравнения.

– Вот что значат вино и дружеское участие, – дружелюбно сказал Егорка, рыцарь был ему симпатичен, – ну, и правильное лечение, разумеется. Вот лекарь оставил для вас бальзам, пусть у вас будет. Положите себе в карман.

Дождавшись наступления темноты, они вышли из таверны и направились к дому наместника.

Площадь перед резиденцией была многолюдна. Наши герои пересекли ее и подошли к воротам, где стоял караул. Раймонд попросил вызвать дежурного офицера, а когда тот явился, попросил передать наместнику, что имярек просит аудиенции.

– Сударь, вы знаете, сколько человек в Иерусалиме желают получить аудиенцию у наместника? – язвительно сказал офицер.

– Я был у наместника пару дней назад. И сейчас он заинтересован в нашей встрече. Речь идет об интересах короля. Когда выяснится, что вы им препятствовали, последствия предугадать нетрудно.

– Только не надо мне угрожать, – нервно сказал офицер. – Как ваше имя?

– Я вам его уже назвал.

– Назовите еще раз.

– Раймонд Видал де Бесалу.

– Ждите, я доложу.

– Сэр, – обратился к Раймонду один из стражников. – Отойдите в сторону, здесь нельзя стоять.

– Что он говорит? – поинтересовался Егорка.

– Давайте переместимся в сторону. Прошу вас, не говорите так громко, мы привлекаем внимание. Здесь не очень жалуют тюркскую речь. Нам повезло, что рядом нет госпитальеров. А ведь я был уверен, что они будут поджидать меня здесь.

Следующие слова его были:

– Черт возьми. Кажется, я накликал беду.

Раймонд увидел командора с двумя капелланами, которые быстро шагали к нему через площадь. В отчаянии он бросил взгляд на ворота и увидел за ними дежурного офицера. Он, не торопясь, шел, делая рыцарю призывные знаки.

– Сударь, вам повезло, – крикнул он, – наместник вас примет.

Заподозрив неладное, командор махнул рукой, и капелланы бегом перерезали путь рыцарю.

– Кажется, мы слишком далеко отошли от решетки, – в сердцах сказал Раймонд. – Их трое, а я не в состоянии драться. К тому же мы безоружны. Что делать?

– Ничего, – подбодрил его Егорка, – я отвлеку их, а вы успеете добежать до ограды. Сделайте пару шагов ему навстречу.

– Рыцарь Раймонд, вы арестованы, – сказал командор, приблизившись.

Видя, что трубадур не пытается бежать, он сделал знак своим людям, и те направились к ним.

– Тяните время, пусть подойдут поближе, – сказал Егорка.
– Это ваши секунданты? – спросил Раймонд.
– Нет, это конвоиры, – ответил командор.
– У вас своеобразное представление о дуэли, господин иоаннит, – сказал Раймонд. – Сударь, уверяю вас, вопросы чести не решаются с помощью наемных убийц или конвоиров.

– Всеу свое время, господин менестрель, – язвительно ответил командор. – У меня приказ сеньора магистра задержать и доставить вас к нему.

– В чем же меня обвиняют? – спросил Раймонд.

– В измене, сударь, – заявил командор. – А этот человек с вами?

– Нет, я его впервые вижу.

К этому времени капелланы подошли и стали рядом. Егорка дружелюбно улыбнулся командору и ударом кулака по голове свалил его с ног. Следующий удар достался капеллану. Тот, охнув, схватился за нос и нагнулся. Егорка вырвал у него копьё и скрестил его с копьём другого капеллана.

– Бегите, – крикнул он рыцарю.

Раймонд в несколько прыжков оказался у ограды.

– Что там происходит? – недоуменно спросил дежурный офицер.

– Пустяки, – тяжело дыша, сказал Раймонд, – уличная драка. Не стоит внимания.

Поминутно оглядываясь на дерущегося Егорку, он пошел за офицером. Егорка же, увидев, что рыцарь скрылся за оградой, бросился бежать. Капеллан в одиночку не рискнул его преследовать. Помог разогнуться товарищу, чье лицо было залито кровью из разбитого носа. Вдвоем они принялись приводить в чувство командора, который уже открыл глаза, но был бледен и часто хватал воздух ртом.

Наместник встретил Раймонда с холодной вежливостью и поинтересовался причиной его исчезновения.

– Сударь, вы должны были явиться ко мне на следующий день после приема. Вы злоупотребляете моим расположением к вам.

– Позвольте мне оправдаться, ваша светлость.

– Извольте.

– После приема на меня было совершено нападение, несколько человек пытались убить меня.

– Вот как, и чем же это кончилось?

– Я убил одного, ранил одного или двоих, на мое счастье, поблизости оказался патруль. Иначе бы я не стоял перед вами. Наемные убийцы разбежались, а меня, истекающего кровью, отвезли в госпиталь. Сегодня я ушел оттуда и явился к вам.

По мере того, как Раймонд рассказывал, суровое выражение лица наместника смягчалось.

– У кого в Иерусалиме есть причины желать вашей смерти? – спросил он.

– Ваша светлость, на приеме один из людей фра Герэна оскорбил меня, и я вызвал его на дуэль.

– Кто это?

– Командор Огюст.

– Я подозревал это, хотя и отказываюсь в это верить.

– Вы спросили, у кого были причины, я ответил. Сейчас он пытался арестовать меня, чтобы помешать моей встрече с вами. Ваша светлость, я полагаю, что это все

звенья одной цепи.

– Мой юный друг, не говорите загадками. Какой еще цепи?

– В госпитале за мной ухаживала Лада, та самая молодая женщина, за которую я просил. Затем я слышал, что она поехала на аудиенцию к королю...

– Так вот, значит, к какому больному она хотела вернуться?

– Вы видели ее?

– Да, ваша дама произвела впечатление на маленького Конрада. Он изъявил желание поиграть с ней, даже хотел оставить ее. Но она сказала, что ее ждут больные в госпитале. Поздравляю вас, сударь, ее сердце склонилось к вам. Однако я не вижу радости на вашем лице.

– Лучше бы она осталась здесь. Сегодня утром люди Герэна увезли ее в неизвестном направлении.

– Черт возьми, – с досадой произнес граф. – Что же я скажу Конраду?

– Если бы она осталась здесь, то была бы недосыгаема для магистра, поэтому он поспешил ее спрятать.

– Вы знаете, почему он так поступил?

– Основной подозреваемый бежал, поэтому он держится за Ладу. Она – необходимое звено в его интриге против короля Фридриха.

– М-да, – задумчиво сказал наместник, – все это чрезвычайно похоже на правду. У вас есть какие-нибудь догадки? Куда они могли ее отвезти? Хотя, если мы поймаем основного подозреваемого, то он отпустит Ладу.

– Возможно, но он будет плести заговор и дальше. Они хотят опорочить Фридриха, обвинить его в связях с мусульманами.

– Пожалуй, вы правы, – согласился граф, – надо освободить женщину. Куда они ее увезли?

– Один из конвоиров произнес слово – *шевалье*.

– Крак де Шевалье, да, это надежное место. Далековато будет. На пути к замку есть еще пара монастырей, принадлежащих госпитальерам.

– Простите меня, ваша светлость, – сказал Раймонд, – мы теряем время, надо действовать.

– Действовать, – недовольно сказал наместник, – я понимаю, что надо действовать, но как?

– Надо снарядить за ними погоню.

– Я не могу этого сделать, – сказал граф, – я не хочу из-за этой женщины вступать в открытую конфронтацию с госпитальерами.

– Но, сэр, речь не только о женщине, это заговор против короля, вы сами признали это.

– Да, я признал, но у меня мало людей. Их едва хватает, чтобы поддерживать порядок в этом городе. А госпитальеры – это государство в государстве, и я вынужден с этим считаться. И первый, кто осудит меня за необдуманные и опрометчивые решения, будет король Фридрих. Я вынужден считаться с иоаннитами, тамплиерами, тевтонцами, лавировать. Вы не представляете, как это унижительно для меня, а ведь я наместник императора. Есть еще предложения?

– Выдайте мне приказ, чтобы я мог поехать и от имени короля привезти ее, – попросил Раймонд.

Наместник взглянул на него:

– Сомневаюсь я, что это поможет вам.

Однако написал на бумаге несколько слов и поставил печать.

– Прошу, – сказал он, протягивая документ, – и мой вам совет: если случится чудо, и вы вернете возлюбленную, не возвращайтесь сюда. Скачите в Акру, садитесь на корабль и плывите во Францию. Здесь вы всегда будете в опасности. И я не смогу вас защитить. Вот вам еще одна бумага, – граф написал еще несколько строк и поставил печать, – это охранная грамота во владениях императора Фридриха.

– Ваша светлость, я не знаю, как благодарить вас, – сказал Раймонд.

– Когда вы думаете отправиться в путь? – спросил наместник.

– Сейчас же, но, – Раймонд замялся, – возникло одно препятствие. На площади у резиденции меня поджидают госпитальеры, они не хотели пускать меня к вам.

– Я дам вам сопровождение. До городских ворот они вас проводят.

Наместник вызвал камергера и отдал необходимые распоряжения.

– Желаю вам удачи, рыцарь. И на будущее – не пойте в других местах ваши песни, особенно в кругу госпитальеров. Идите.

Раймонд поклонился и вышел.

Через некоторое время ворота резиденции открылись, и из них выехали три всадника. Один из них был Раймонд.

– Куда, на ночь глядя? – проворчал, разглядывая подъехавших людей, часовой у городских ворот.

– Именем императора, – крикнул один из офицеров, наезжая на стража ворот, – открыть ворота.

– Сударь, – обратился Раймонд к одному из сопровождавших его офицеров, – могу я вас попросить об одном одолжении?

– Извольте, – откликнулся тот.

– Я остался должен хозяину таверны, той, которая недалеко от храма, на перекрестке. Не могли бы вы на обратном пути отдать хозяину вот это, – и Раймонд вложил в ладонь офицера серебряный динар: – Скажите, что я уехал.

– Я знаю эту таверну, – ответил офицер. – Но стоит ли? Должны, так должны. Вернетесь, сами отдадите.

– Я не знаю, вернусь ли я скоро. Для меня это долг чести.

– Ну, если вы считаете это долгом чести, то я выполню вашу просьбу, – согласился офицер.

– Прощайте, господа, благодарю вас за помощь.

Раймонд тронул коня и выехал из города.

Метаморфоза

Когда Али вернулся в таверну, Егорка был уже в комнате. Он выцеживал из порожнего кувшина остатки вина. Али сел напротив и стал следить за тоненькой прерывистой стружкой.

– Что с рукой? – спросил он.

– Подрался, – ответил Егорка, взглянув на свой ободранный кулак.

– Поаккуратнее надо, – упрекнул Али.

– Он скалил зубы, когда я ему двинул.

– Вообще-то насчет драки я пошутил.

– А ты не шути так. Редко шутишь, я твои слова всерьез принимаю, буквально. Черт, полкубка не наберется.

– Ну и кому ты двинул? – поинтересовался Али.
– Не знаю, я имени у него не спрашивал.
– Ладно, а за что?
– Зятя моего пускать не хотел.
– Какого еще зятя? – не понял Али.
– Раймонда, ты же сам сказал, что он к Ладе неравнодушен. Я так думаю, что у него серьезные намерения.
– Ах, вот оно что. Ну, а где же зять в таком случае? – улыбаясь, спросил Али.
– Там остался, во дворце, а я двоих положил и убег от греха. А ты как сходил? Сообразили что-нибудь?
– Увы, я сходил безрезультатно, так что как мы будем выбираться отсюда, я не знаю. Но выбираться надо. У меня есть еще обязательства перед одним человеком. Он сидит в тюрьме, ждет помощи от меня. А я застрял здесь, надо же было нам встретить этого рыцаря.
– Не скажи, может, это судьба так старалась для Лады.
– Но старик обещал подумать, он даст знать. Что будем делать? Может, пойдем, поищем рыцаря? Мало ли что, он человек болезненный, упадет еще по дороге сюда. Или госпитальеры схватят.
– Вот поэтому нам лучше не высовываться. Там после меня переполох поднялся. Тот, кого я унял, был не простой воин. И шел он, главное, целенаправленно к нам, выжидал словно. Если у Раймонда смекалка есть, то он на улицу не сунется и сюда не придет.
– Ну что ж, тогда давай ужинать.
Али позвонил в колокольчик. Егорка тем временем нацеженное вино вылил на пострадавший кулак и зашипел от боли.
– Пить не будем, – сказал Егорка. – В любой момент можем в дорогу собраться.
– За ужином выпьем и больше не будем, – согласился Али.
Вскоре пришел подавальщик с огромным подносом, на котором были отварная холодная телятина, сыр, зелень, оливки и хлеб. Кувшин висел у него на плече.
– Горячее будет позже, – сказал он.
Егорка сломал печать, наполнил кубки. Едва они успели выпить, как появился взволнованный хозяин.
– Сейчас был один офицер, он дал мне этот динар, утверждая, что это покроет долг рыцаря, но комната стоит дороже.
– Подождите, – сказал Али, – я не понял, можно по порядку? Какой офицер, какой динар?
– Так я же по порядку рассказываю. Подъехал придворный офицер, дал мне динар серебряный и сказал, что это передал рыцарь Раймонд за номер.
– А где же сам Раймонд, вы не спросили, где рыцарь?
– Я спросил, где рыцарь. Как же я мог не спросить, где рыцарь. Он сказал, что рыцарь уехал, а куда, не сказал.
– Так надо было с этого и начинать.
– Ну, знаете, каждый начинает с того, что ему важно. Мне важно не терпеть убытки. Разве я говорил, что комната стоит серебряный динар?
– Мы оплатим вам комнату, – теряя терпение, сказал Али.
– Так я помню, но зачем тогда этот динар? Я испугался, что вы ему отказали в финансовой помощи. Вот он и сбежал, оставив свой динар. Но теперь я спокоен.

Оставлю вас.

– Ну вот, – сказал Егорка, дождавшись, когда за хозяином закрылась дверь, – говорил я, что лучше не пить.

– Полагаешь, что он отправился в Крак де Шевалье? – спросил Али.

– Других вариантов мы не обсуждали.

– Почему он не пришел сюда и не сказал нам об этом?

– Я убежал после драки, а госпитальеры остались ждать. Выходит, гвардейцы наместника проводили его до ворот, раз он передал с ними монету, и он уехал. То есть, если офицер передал сюда монету, на которую не снимешь номер, значит, таким образом он дал знать о себе. Сюда он не пришел, чтобы не выдать нас.

– Ну что ж, разумно, – согласился Али. – Значит, нас здесь больше ничего не держит. Надо бы выехать прямо сейчас, но городские ворота уже заперты, а гвардейцы нас провожать не будут.

– Он ранен и вряд ли сможет ехать всю ночь. Где-нибудь затаится. Давай выпьем и ляжем спать, утро вечера мудренее. Кстати, где это – Крак де Шевалье?

– По дороге в Сирию, в ливанских горах, два дня пути. Вообще-то мог бы записку написать, гадай теперь, где он.

Появился подавальщик и водрузил на стол сковороду, на которой шипело мясо, обжаренное с овощами. Следом вошел хозяин, держа в руках торбу.

– Это прислал Расул, – сказал он. – Он просил вас рассчитаться со мной и быть готовыми к путешествию. За вами заедут рано, до восхода солнца. Я вас разбуду, не беспокойтесь.

– Счет готов? – спросил Али, достал кошелек и отсчитал требуемую сумму. Лицо хозяина осветила довольная улыбка.

– Все в порядке, – сказал еврей, – приезжайте еще, я всегда рад вас видеть.

Когда он ушел, Али вывалил содержимое торбы, в ней оказались женские платья, юбки, накидки и головные уборы.

– Любопытно, – произнес Али, разглядев все как следует. – А где сами девицы? Что бы это значило, а, друг?

Егорка хмыкнул и принялся за еду.

– Ладно, – вздохнул Али, – только имей в виду, если ты кому-нибудь скажешь о том, что я надевал женское платье, нашей дружбе конец.

Стражник поглядел на пропуск, сиюсья разобрать буквы в утренних сумерках, зрение его подводило. Перевел взгляд на работника, затем на женщину, лицо которой было закрыто до самых глаз.

– Чего она лицо прячет? Ровно мусульманка какая-нибудь, – недовольно спросил он.

– Стесняется, – отрезал грек, – скромность присуща не только мусульманкам.

– Ладно, езжай, – бросил стражник и пошел открывать ворота.

Когда Иерусалим остался позади и контуры городских стен размыло в пыльном облаке, Егорка сказал:

– А ты ничего.

– Попридержи язык, – сказал Али.

– В крайнем случае, можно было бы оглушить его и открыть ворота.

– Ну да. И уносить ноги от погони, – возразил Али, стаскивая с себя платье.

– Друг, ты кто, грек? – спросил он у возчика.

– Нет.

- Армянин?
- Нет, цыган я.
- Спасибо тебе. Вот, возьми деньги.
- Не надо, мне Расул заплатил.
- Возьми мои деньги, а его деньги вернешь. Договорились?
- Ладно, дело ваше.

Крак де Шевалье (два дня спустя)

Пресловутую крепость когда-то занимал курдский гарнизон эмира Алеппо, и называлась она Хасн аль-Акрад, то есть «Замок курдов». В 1099 году во время первого крестового похода она была захвачена Раймундом IV, графом Тулузским, однако вскоре крестоносцы оставили крепость, чтобы продолжить поход к Иерусалиму.

В 1110 году крепость была повторно занята Танкредом, князем Галилеи, а в 1142 году Раймунд II, граф Триполи, передал Крак де Шевалье ордену госпитальеров, чтобы они охраняли рубежи от возможных набегов тюрок.

Добравшись до крепости, Раймонд назвал стражам ворот свое имя, беспрепятственно въехал в крепость и направился на поиски коменданта. Им оказался высокий человек с тяжелым взглядом, по имени Лаваж. Раймонд представился. Комендант мрачно выслушал, записал имя и спросил о причине прибытия. Рыцарь сказал:

– В вашей крепости находится некая особа по имени Лада, я должен забрать ее и отвезти в Иерусалим. Вот приказ императора.

Лаваж долго рассматривал приказ, затем вернул его.

– Я не совсем понимаю, о чем идет речь, – сказал он. – Дело в том, что здесь нет никакой особы по имени Лада.

«Проклятье, – мелькнуло в голове рыцаря, – неужели я ошибся?». Вслух же он произнес:

– Вы так долго изучали приказ, я было подумал, что вас интересует моя правомочность.

– Обыкновенное любопытство, – ответил Лаваж, – не так часто я получаю приказы лично от императора, который к тому же сейчас находится в Сицилии. Это же не его подпись.

– Подпись Эда Монбельярского, наместника. Впрочем, стоит ли обсуждать подпись, если особы здесь нет. Ее ведь здесь нет?

– Ее здесь нет, – повторил комендант.

– Благодарю вас, – сказал Раймонд, – вы позволите мне немного отдохнуть, прежде чем пуститься в обратный путь.

– Конечно, вы найдете у нас и отдых, и пищу. Для этого мы и существуем.

– Мне нужен доктор. Есть ли здесь доктор?

– Вы нездоровы? – обеспокоено спросил Лаваж. – Что с вами? Это не заразно?

– Нет, нет, я был ранен несколько дней назад, мне нужно сменить повязки.

Комендант позвал вестового:

– Проводите господина рыцаря в лазарет.

Оставшись один, комендант набросал на бумаге несколько слов, вызвал к себе капеллана:

– Это письмо немедленно отправьте в Иерусалим сеньору магистру.

– Слушаюсь, – коротко ответил капеллан.

Раймонд вышел от коменданта со смешанным чувством разочарования и слабой надежды. Какие-то нотки в голосе и реакция коменданта вызвали у рыцаря подозрения в том, что он говорит не всю правду, но полной уверенности не было. Как можно было игнорировать приказ императора? И он не знал, что в данном случае для него предпочтительнее, какое обстоятельство. Размышляя об этом, он шел по крытой галерее вслед за своим провожатым. Навстречу им все время попадались госпитальеры, рыцари и простые солдаты. Они миновали ров, наполненный водой, часовню, небольшую мельницу. Увидев ее, Раймонд не сдержал своего удивления.

– Чего здесь только нет! – сказал он провожатому.

– Это верно, – осклабился тот. – Мы тут сами себе государство. Нас никакая осада не возьмет, никаким измором. У нас и хлеб свой, и вода. А вот и больница. – Вестовой вошел первый в помещение, подозвал одного из находящихся там людей. – Кастилян велел помочь этому рыцарю, – сказал он.

– Что с вами случилось? – спросил лекарь.

– Мне нужно сменить повязки, я был ранен, – ответил Раймонд.

– Раздевайтесь!

Раймонд стал снимать одежду. Вестовой кивнул и ушел.

– Недурно, – обронил доктор, осмотрев раны. – Где это вас так?

– В Иерусалиме, – коротко ответил Раймонд.

– Разве там идут военные действия?

– Нет, на меня напали ночью.

– Скажите, пожалуйста, сочувствую, а у нас здесь тихо. Хотя, казалось бы, форпост перед тюрками. Ну, что я могу сказать, раны затянулись, заживают. Чем лечили?

– Не знаю. Мне в Иерусалиме доктор дал мазь, вот она.

Доктор взял склянку, понюхал, произнес несколько неразборчивых слов по-латыни и одобрительно кивнул.

– Где бы мне постирать одежду? – спросил рыцарь у санитаря.

– В соседнем помещении прачечная.

Раймонд оделся и проследовал в соседнее помещение. Здесь было сумрачно, под сводчатым потолком клубился пар. К нему подошла женщина-прачка со словами:

– Негоже вам самому стирать, сударь, дайте я.

Она вспенила воду, взяла рубаху и, критически оглядев кровавые пятна, энергичными движениями стала терзать ее в мыльной воде.

– Снаружи, где висят бельевые веревки, есть скамейка, идите туда, я принесу.

Рыцарь вышел на свежий воздух, облегченно вздохнул, сел на скамейку, размышляя о том, что ему дальше делать. Возвращаться в Иерусалим? Но его новые друзья, если они правильно поняли его послание, должны быть на пути к Крак де Шевалье. Необходимо дождаться их. В любом случае надо побыть здесь некоторое время, попытаться узнать, не здесь ли находится Лада. Если в течение следующего дня Али не даст о себе знать, значит, помощи ему ждать не следует. Либо офицер не передал монету хозяину, либо хозяин не догадался сообщить друзьям о его отъезде, как он рассчитывал, либо они не поняли суть послания. Все было чрезвычайно зыбко.

Сердобольная прачка принесла выстиранную рубаху, повесила на веревку.

– Высохнет быстро, – сказала она, – здесь такое солнце.

– Благодарю вас. Не слышали о молодой женщине в крепости? – спросил рыцарь. – На днях должна была приехать?

– А вы, сударь, кого разыскиваете? – делая ударение на последнем слове, ска-

зала прачка. – Вы уж к начальству идите, с нас-то какой спрос.

– Извините, я просто спросил, конечно, я пойду к кастеляну.

Прачка, не избалованная извинениями со стороны господ-рыцарей, участливо и доброжелательно добавила:

– Насчет женщины не скажу. А вот девочка тут одна появилась, да. Только перед вами заходила, спрашивала, можно ли здесь вещички постирать? А я говорю, отчего же нельзя. Приноси. Она и ушла, за вещами, видать. Кстати, вон она идет. Легка на помине. Бывайте здоровы, сеньор рыцарь.

Прачка пошла к дому, встречая в дверях девочку, несущую ворох белья. Последняя с любопытством взглянула на рыцаря и вошла в прачечную. Раймонд откинулся на спинку скамейки и закрыл глаза. Он очень устал за два дня непрерывной скачки. Сон наваливался на него с неумолимостью морской волны, но рыцарь совладал с ним и открыл глаза. Встал, потрогал влажную рубашку и подошел поближе к выходу. Когда девочка появилась, он спросил у нее:

– Как ты здесь оказалась?

– Нас вчера привезли, госпожа Лада потребовала служанку себе, один из ее провожатых с дороги вернулся за мной.

– Случайно вышло?

– Нет, госпожа Лада сказала им, что я уже за ней ухаживала, мол, старательная, понравилась. А вы как себя чувствуете?

– Спасибо. Сносно. Скажи, где они ее держат? Мне сказали, что ее здесь нет.

– Она находится в угловой башне, говорят, что в ней живет сам магистр. Но его сейчас нет. Вы сможете ее спасти?

– Я для этого и приехал, – ответил Раймонд. Девочка просияла. – Передай ей, что я здесь. Но так, чтобы никто не слышал. Она может выйти?

– Нет, ее куда-то не выпускают. Все, что ей надо, приношу я. Мне надо идти. Я вернусь сюда вечером за бельем, простыни были такие грязные. Лада отказалась спать на них, – гордо произнесла Мариам. – А вы будете здесь?

– Если я буду тебя здесь ждать, это вызовет подозрение, лучше я подойду сюда. А где находится эта башня?

Мариам объяснила и торопливо ушла

Раймонд обошел всю крепость, изучая и запоминая, при этом стараясь не вызывать подозрений. Поднялся на крепостную стену и оттуда долго разглядывал башню, в которой находилась Лада. Затем отправился к воротам крепости, прежде разыскав своего коня, которого он по приезде доверил заботам одного из конюхов. Он подошел, ведя скакуна на поводу, и спросил, когда закрываются ворота.

– Ворота всегда заперты, – ответил стражник. – Какую надобность вы имеете?

– Я хочу прогуляться немного, – ответил рыцарь, – осмотреть окрестности.

– Поднялись бы на стену, да и смотрели бы. Со стены далеко видать.

– Хочу прогуляться перед сном.

– Так до ночи еще далеко.

– Как раз к ночи и вернусь.

– Только имейте в виду, сударь, надо дотемна вернуться, ночью ворота не открывают никому. Хоть папа Римский приедет.

С крепостной стены Раймонд видел несколько поселений, но он направился к тому, которое находилось на пути следования. Это были несколько построек, возникших вокруг постоянного двора, таверна, баня, кузница, скотный двор и т.д. Через

час он был на месте. Здесь он остановился, но колебался недолго, сразу поняв, где следует искать. В таверне, куда он направился, было всего двое посетителей. Один из них приветственно поднял руку.

– Эфенди, – сказал он. – Как вы догадались, что мы здесь?

– Не знаю, почему-то мне показалось, что я могу найти вас именно здесь, – улыбаясь, ответил рыцарь.

Он давно так не радовался встрече с людьми. Увидев эту пару, он понял, что неведомые силы вновь пришли ему на помощь.

– Давно вы здесь? – спросил он, усаживаясь за стол.

– Только успели умыться с дороги, – ответил Егорка.

– Но заказ успели сделать, – заметил Раймонд, кивая на кувшин на столе. – Быстро же вы меня догнали, я сам здесь всего несколько часов. Ее держат взаперти в одной из башен. Я предъявил коменданту приказ короля, мне дал его наместник. Согласно приказу, я должен забрать Ладу и доставить в Иерусалим. Но комендант, не моргнув глазом, сказал, что ее нет. Это говорит о том, что императорская власть – здесь пустая формальность.

– И что же мы будем делать? – спросил Егорка. – Брать крепость штурмом? Для штурма наших сил будет маловато.

– Крепость практически неприступна, – сказал Раймонд. – Сельджуки много раз пытались взять ее штурмом, но терпели неудачу. Я и раньше слышал об этом, но сегодня, погуляв внутри крепости, убедился в этом воочию. У них там есть все, что нужно человеку – часовни, больницы, мельницы, многочисленный гарнизон, большой ров с водой для бытовых нужд и колодец для питьевой воды.

– Крепость неприступна?

– Это так, – повторил рыцарь, – они утверждают, что могут выдержать осаду в течение пяти лет.

– Это мы поняли, – вмешался Егор. – Что нам делать? У вас есть предложения?

– Поначалу я хотел вернуться в Иерусалим, к наместнику, с жалобой на магистра. Но затем решил, что это пустая трата времени, ибо, как и вы, пришел к выводу, что власть короля не простирается далее Иерусалима.

– Вывод? – нетерпеливо спросил Егорка.

– Если крепость неприступна, это не означает, что из нее нельзя бежать, – сказал Али.

– Лада находится в башне магистра. Крепость опоясывают две стены. Башня магистра находится внутри второй стены, в этом вся трудность, – Раймонд помрачнел и стукнул кулаком по столу.

– Налить? – спросил Али.

– Нет, впрочем, налейте, все равно ничего в голову не приходит, – сокрушенно сказал рыцарь.

Али наполнил глиняные кубки, крикнул хозяина и попросил принести закуску.

– Кебаб уже готов, – заметил хозяин.

– Все равно, принесите чего-нибудь.

Хозяин крикнул подавальщику, и тот, словно ждал этого заказа, принес поднос с закусками.

– Ну, как вам вино? – спросил Егорка, когда Раймонд осушил первый кубок.

– Спасибо, хорошее вино, – поблагодарил рыцарь и сказал: – У башни магистра есть терраса, выйдя на нее, Лада сможет спуститься по веревке вниз. – Раймонд по-

смотрел на Али, затем на Егорку.

– Кажется, это решение, – предположил Али.

– Но часовой же внизу, – заметил Егорка.

– Это так, но терраса выходит на внешнюю сторону стены, часовой ее не увидит. Ей останется дойти до второй стены. В этом месте она недалеко, там откос, но стена близко. И есть ступени, по которым можно подняться на стену. А затем опять спуститься на веревке.

– Крак де Шевалье находится на вершине горы Джебель аль Ансар, – сказал Али, – дорога только с одной стороны, наверное, со стороны ворот.

– Это так, – подтвердил Раймонд, – спускаться в этой части неразумно.

– Можете нарисовать план крепости? – спросил Али.

Раймонд вытащил бумагу, разгладил и стал набрасывать схему.

– А что это за бумага? Там что-то написано.

– Это приказ, касающийся Лады, я думаю, что в нем уже нет нужды. Но я все равно рисую на обратной стороне. Это большой колокол, здесь часовня, это конюшня, склады, сторожевые помещения, башня магистра. Внизу ров, наполненный водой. К счастью, башня не полностью выходит на ров.

Хозяин принес блюдо с кебабом, густо усыпанным луком, зеленью и зернами граната.

– Угощайтесь, сударь, – сказал Егорка. – Наверное, вы голодны, впрочем, как и мы.

– Это так, – признался рыцарь и принялся за еду.

Друзья последовали его примеру.

– А куда она привяжет веревку на стене? Зубцы на башне ей не обхватить.

– Я думаю, что мы найдем что-нибудь.

– Все очень сложно, меня это беспокоит, – сказал Али, – надо придумать еще какой-нибудь вариант, запасной.

– Можно сидеть здесь и следить за дорогой, – предложил Егорка. – Рано или поздно они повезут Ладу в Иерусалим или еще куда-нибудь. Тогда мы нападём на них и отобьем ее.

– Неизвестно, когда это произойдет, – сказал Али. – Кастилян, думаю, уже сообщил в Иерусалим, что за Ладой приехали с королевским приказом. Когда вы были у кастиляна?

– Утром.

– Утром. Значит, у нас в запасе два дня, раньше курьер не вернется. Выхода нет. Надо принять план Раймонда. Надо продумать детали спуска, упасть с такой высоты равносильно смерти. Между прочим, Лада – девушка своенравная. Она может испугаться и отказаться спуститься на веревке.

– Ну что вы, – возразил Раймонд – я не встречал девушки более отважной, чем Лада. Вспомнить хотя бы чудеса храбрости, которые она проявила, пытаясь отбить вас у госпитальеров. О нет, она не испугается.

Али и Егорка переглянулись.

– Кажется, здесь где-то есть кузница, – сказал Егорка. – Я слышал, как били по наковальне.

Он поднялся и, не дожидаясь ответа, ушел.

Али прислушался и поманил мальчишку подавальщика, который стоял поодаль, готовый услужить.

- Что это шуршит? – спросил Али.
- Дождь, господин, – ответил мальчик.
- Дождь? – удивился Али. – С чего вдруг?
- Дождь? – поразился Раймонд. – Это знак. Непогода нам на руку, под проливным дождем охрана не будет столь бдительна. Сейчас нет войны.
- Итак, решено, – сказал Али. – Что нужно?
- Мне нужна тонкая и прочная веревка. Кажется, Егор вернулся.
- Егорка вошел, отряхиваясь от капель.
- Вы знаете, что там идет дождь? – спросил он.
- Это все новости? – в ответ спросил Али.
- Через час будет готово, – сказал Егор.
- Что будет готово?
- Приспособление для спуска с высоты.
- Интересно, а куда ты ходил?
- В кузницу.
- Там продаются приспособления?
- Там их можно изготовить.
- А веревка входит в комплект? – поинтересовался Али.
- Нет, но я думаю, что веревку раздобыть будет несложно.
- Это мы сейчас проверим, – сказал Али и подозвал подавальщика. – Оглан, – сказал он ему, – ты такой умный, скажи, где нам купить веревку?
- Много ли вам надо? – спросил мальчик.
- Много. Локтей двести.
- Дайте мне 10 дирхамов, я вам принесу, – сказал мальчик, – освобожусь через некоторое время и сбегаю.
- Веревка должна быть легкой и тонкой, и самое главное, прочной. Чтобы она выдержала человека.
- Не слишком ли много вы хотите за 10 дирхамов? – спросил мальчик.
- Нет, это все-таки очень дерзкий мальчик, – заметил Али. – Разве я не говорил вам? Сколько ты хочешь?
- Дайте еще десять, и я принесу вам самую тонкую и прочную веревку.
- Тонкая веревка неудобна для спуска, – сказал Егорка.
- Зато она удобна для того, чтобы тайно пронести ее, – ответил Али.

Рыцарь въехал в крепость без формальностей, пропуска и разрешения. Караул еще не сменился, и стражник, говоривший с ним днем, узнал его.

– С благополучным возвращением, сударь, – крикнул он, перекрывая шум дождя. – Вы, я вижу, вымокли до нитки. Смотрите, не заболейте.

Раймонд кивнул ему и, привязав лошадь к стойлу, направился в прачечную. Прячась от дождя, он шел по крытым галереям, вновь и вновь запоминая расположение ходов и поворотов.

– А, это вы, – улыбнулась ему прачка.

Рыцарь счел это еще одним добрым предзнаменованием – то, что два человека обрадовались его появлению.

– Что на этот раз, господин рыцарь? Рубаху вашу я уже выстирала.

– На этот раз обсушиться, – улыбнулся Раймонд. Он вдруг пришел в легкое и веселое расположение духа. – Если это, конечно, возможно.

Он снял с себя верхнюю одежду и повесил на крюк, торчащий в стене. А сам,

оставшись в нательной рубашке, сел на скамью, задвинув под нее кожаную сумку, в которой лежали большой моток веревки и приспособление для побега, изготовленное по заказу Егорки. Теперь все зависело от того, придет Мариам в прачечную или нет. Не успел Раймонд подумать об этом, как она появилась, держа в руках таз с одеждой. Подойдя к прачке, Мариам вежливо поздоровалась с рыцарем, но так, словно видела его впервые. Остальным она пожелала доброго вечера.

– Какая воспитанная девочка, – вслух произнес Раймонд, обращаясь к прачке. Та улыбнулась и кивнула в знак согласия. Она забрала у девочки одежду и отдала ей уже выстиранное белье. Уловив момент, рыцарь подал ей знак, означающий – подожди меня. Мариам кивнула, взяла таз, собираясь уйти, но Раймонд, не уверенный, что она правильно его поняла, поднялся и сказал:

– Давай помогу.

Мариам послушно отдала ему таз и пошла к выходу, поблагодарив прачку. Раймонд шел за ней.

– Вы друг друга стоите, – сказала вслед прачка, – одна воспитанная, другой добрый.

– Как дела? – спросил Раймонд, когда они вышли во двор.

– Спасибо, хорошо, – ответила Мариам. – Госпожа очень обрадовалась, когда я сказала, что вы здесь. Даже заплакала.

У Раймонда сладко заныло сердце.

– Ты можешь провести меня к ней?

– Нет, сударь, у входа в башню стоит стражник и еще на третьем этаже, и у дверей в комнату.

– Она ничего не передавала мне?

– Она спросила, как ваше здоровье.

Рыцарь почувствовал, что еще немного, и он сам прослезится. Он кашлянул.

– Скажи, что мое здоровье, благодаря ей, в полном порядке. Передай ей это письмо и вот это.

Раймонд положил в таз под белье веревку и звякнувшие блоки.

– Что это? – удивилась Мариам.

– В письме все сказано. Скажи ей, что Али и Егор тоже здесь, и все нужно сделать непременно этой ночью, в полночь.

Раймонд оставил девочку и вернулся в прачечную. Женщина улыбнулась ему.

– Я уж думала, что вы не вернетесь, сударь, – сказала она.

– Почему, я же просто помог ей.

– Но вы взяли с собой сумку, вот я и подумала, зачем, если возвращаться.

– Привычка, – ответил Раймонд, – еще и документы там важные лежат. – Бдительность женщины ему не понравилась. – Как тебя зовут? – спросил он.

– Эльза, – ответила она.

– Спасибо, Эльза, я пойду.

– Куда же вы пойдете, плащ еще не просох.

– Спасибо, – повторил Раймонд и направился к выходу.

На выходе Раймонд нос к носу столкнулся с офицером, который обратился к нему со словами:

– Рыцарь Раймонд Видал де Бесалу?

– Это я, – согласился Раймонд.

– Прошу следовать за мной.

Мариам старалась идти ровно, но от вмиг потяжелевшей корзины ее все время перекашивало. Она подошла к двери в башню магистра. Стражник, стоявший на посту, не упуская случая пофлиртовать с ней, спросил с нарочитой серьезностью:

– Чего несешь?

– Выстиранное белье, не видишь, что ли?

– Покажи, – потребовал стражник.

– Еще чего! – возмутилась Мариам. – Как ты смеешь копаться в женском белье?

Я пожалуюсь магистру, он тебе покажет, как рыться в женских трусиках. Ты что, не давал обет безбрачия?

– Ладно, ладно, – отступил не ожидавший такого отпора стражник. – Иди себе, только не визжи так.

Мариам вошла в башню и стала подниматься по каменным ступеням. На первой же площадке она остановилась, чтобы унять бешеное биение сердца. Отдышавшись, она продолжила подъем и преодолела оставшиеся пролеты без приключений. Стоявший у дверей магистерских покоев часовой без лишних слов открыл замок. Мариам вошла и с облегчением поставила корзину на каменный пол. Лада, стоявшая у узкого стрельчатого окна, бросилась ей навстречу со словами:

– Ну что, ты видела его?

Мариам приложила палец к губам, кивая головой на дверь. Она молча приподняла белье и показала моток веревки. Лада недоуменно свела брови. Мариам протянула ей записку. Лада развернула ее, подошла к горящей свече и, шевеля губами, внимательно все прочитала.

– Да они с ума сошли! – воскликнула она. – Как я спущусь с такой высоты, там же еще дождь разошелся не на шутку. Я вся вымокну. А это что за железяки?

– Рыцарь сказал, что там подробная инструкция.

– Где инструкция? Вот это? Так, и что здесь? «Забить острый конец в расщелину и продеть веревку: один конец отравить вниз, другой укрепить на поясе и начать нисхождение». Кого я должна отравить, да еще вниз? А-а, это буква «с», значит, стравить, а что значить «стравить»? Нет, они точно сошли с ума, наверное, были пьяные. Трезвый человек не предложит женщине спускаться ночью с башни. Да еще и в дождь. Нет, это исключено. Я лучше подожду, пока все прояснится. Наследник Конрад ждет меня. Я уверена, что меня уже ищут.

– Рыцарь сказал, что он принес приказ о вашем освобождении. Но кастелян сообщил ему, что вас здесь нет. Значит, они не собираются вас выпускать. И король не в силах будет вам помочь. Еще рыцарь сказал, что другого случая для побега больше не будет. Кастелян наверняка сообщил гроссмейстеру о приказе короля. Значит, в ближайшее время вас могут отправить в еще более отдаленное место, где уже никто не сможет помочь вам.

– О, Аллах! – взмолилась Лада. – За что же мне такие испытания? Я боюсь. – Мариам обняла ее и погладила по спине. – Ладно, – Лада взяла себя в руки, – делать нечего, надо изучать инструкцию. Это Али писал, сразу видно, мог бы попроще слова употребить. Вот зачем писать – укрепить веревку на поясе и совершить нисхождение. Разве нельзя было написать – обвязаться и спускаться. Если есть слово восхождение, совсем не значит, что должно быть нисхождение. Вот эту железяку надо острым концом вбить между камнями. Чем я буду ее вбивать?

– Канделябром, – подсказала Мариам.

- Хорошо, допустим. Почему их две?
- Вторая, наверное, еще где-то понадобится, – предположила Мариам.
- Ты, Маша, слишком сообразительная для своего возраста, – сказала Лада. – Если ты такая умная, скажи, как я вылезу, если окно не открывается.
- Вы спуститесь сверху, с террасы, – ответила Мариам.
- Я вижу, ты вся предусмотрела, – недовольно заметила Лада. – Может быть, ты первой спустишься, а я посмотрю, как у тебя это получится. Кстати, ты ведь не была замужем?
- Мне только 12 лет.
- Это ничего, я выдам тебя замуж. Хочешь?
- Да? А за кого?
- За своего брата.

Кастелян Лаваж

- Наконец-то я вас разыскал, рыцарь. Где вы были весь день? Вы же собирались отдохнуть здесь. – Кастелян поднялся ему навстречу с улыбкой на лице.
- Я был у лекаря, и он посоветовал мне прогулку на свежем воздухе. Я гулял по окрестностям.
- Но все равно вернулись, хотя дело, по которому вы сюда приехали, уже решенное. То есть, дел у вас здесь нет.
- Сударь, мне приходила в голову мысль пуститься в обратный путь, но я очень устал. Я еще недостаточно окреп после ранения. К тому же, я не простился с вами. То есть с моей стороны было бы невежливо уехать, не простившись с вами.
- Мне приятно это слышать, – любезно сказал кастелян. – Представьте себе, сегодня вечером прибыл посланец от гроссмейстера Герэна. Оказалось, что он хорошо знаком с вами.
- Вот как? – сказал Раймонд.
- Ему пришлось сделать усилие над собой, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица, ибо неприятный холодок уже вползал в его сердце.
- Позовите командора, – сказал комендант дежурному капеллану.
- Проклятье, – сказал про себя Раймонд.
- Он лихорадочно соображал, как поступить. Когда вошел командор, Раймонд встретил его с холодным спокойствием.
- Господин трубадур, – произнес Огюст, – кто мог ожидать от вас такой прыти?
- Командор, – в тон ему ответил Раймонд, – кто бы мог ожидать от вас такой подлости?
- Командор схватился за рукоятку меча. Рыцарь сделал то же самое.
- Господа, прошу вас, – вмешался кастелян.
- Поскольку противники продолжали испепелять друг друга глазами, он пригрозил вызвать охрану и разоружить обоих. Это подействовало.
- Этот господин вызвал меня на дуэль, – сказал командор.
- А вы вместо себя прислали четырех бретеров, – ответил Раймонд.
- Это ложь. Какие у вас доказательства?
- Достаточно того, что я это знаю. Сударь, мы можем сразиться прямо сейчас.
- А где ваш спутник? Он с вами? – спросил командор.
- Вы имеете в виду человека, который сбил вас с ног?
- Того мужлана, ведь это был ваш слуга, судя по его манерам.

– Прекратите немедленно, – заявил кастелян. – В крепости дуэли запрещены, за стенами – пожалуйста.

– Мы можем выйти, – принял вызов командор.

– Это исключено, ворота заперты и таковыми останутся до самого утра, – возразил кастелян.

– В таком случае, – заявил командор, – я должен арестовать вас.

– Основания? – осведомился Раймонд.

– Приказ гроссмейстера.

– Вы не можете арестовать человека, находящегося на службе императора и при исполнении им служебных обязанностей.

– Каких еще обязанностей? – раздраженно спросил командор.

– Я нахожусь здесь по приказу короля, – сказал Раймонд.

Командор взглянул на кастеляна, тот подтвердил кивком головы.

– У вас что-то еще ко мне? – спросил Раймонд у кастеляна.

– Нет, сударь, вы можете располагать собой. Рыцари ужинают в девять часов в гостиной зале. Приходите. Впрочем, уже девять, прямо отсюда и отправляйтесь. А ночевать вы можете в казарме, вам отведут место. Я распорядюсь.

– Я уеду завтра утром, – сказал Раймонд. – Если мне не удастся увидеть вас завтра утром, я заранее прощаюсь с вами.

– Мы поедем вместе, – злобно улыбаясь, сказал командор, – нам по пути.

Раймонд не ответил, лишь кивнул кастеляну и вышел.

– Как вы думаете, – спросил командор, едва они остались одни, – он догадывается, что женщина здесь?

– Не похоже, но гарантировать я не могу.

– Он приехал один?

– Да, – ответил кастелян.

– Его слуга предательски ударил меня по голове. После этого у меня появились головные боли. В любом случае, я его прикончу по дороге в Иерусалим, – пообещал командор.

– Стоит ли устраивать поединок в пути? – сказал кастелян. – Видно, что этот молодой человек не робкого десятка. А если он ранит вас? В дороге такие вещи чреваты осложнениями.

– Я буду не один, – возразил командор и улыбнулся.

Кастелян понял, что означает эта улыбка, и ему вдруг стало неприятно. Старый рыцарь и честный воин, ветеран пятого крестового похода внутренне протестовал против убийства. А здесь речь шла именно об убийстве.

– Позаботьтесь о том, чтобы с него не спускали глаз, – сказал командор.

– В этом нет нужды, – сказал кастелян, – до утра ворота заперты, они открываются лишь по моему распоряжению. К тому же, если он собрался уехать, зачем ему было возвращаться сюда.

– Вот это меня и настораживает, – ответил командор.

Башня магистра

– Ну, что? – тихо спросила Лада. – Пора уже?

Мариам пожала плечами.

– Сколько сейчас времени? – голос Лады дрожал.

– Полночь давно минула.

Мариам боялась не меньше Лады, но почему-то явный испуг госпожи придавал ей смелости.

– Пора действовать, – сказала она.

Лада стала на колени и произнесла молитвы всем богам, каких только знала. Затем подошла к двери и прислушалась, ей казалось, что она слышит похрапывание стражника. Дверь запиралась снаружи, но открывалась вовнутрь, поэтому они на всякий случай перенесли низенький, но тяжелый столик и заблокировали им дверь. Потом поднялись на заливаемую дождем верхнюю террасу. Здесь, следуя инструкции, Лада разыскала подходящую щель между камнями и, орудуя тяжелым бронзовым канделябром, вбила туда острым концом блок. Затем один конец веревки она сбросила вниз и стала стравливать его. Веревка оставалась неподвижной некоторое время, в течение которого Лада уже было решила, что внизу никого нет и почувствовала одновременно обреченность – от того, что все пропало, и облегчение – от того, что не надо лезть вниз и рисковать жизнью. Но вдруг веревка пришла в движение и напряглась. Затем невидимый помощник, торопя их, подергал веревку. Лада испустила душераздирающий вздох и взглянула на Мариам.

Рыцарь Раймонд де Видал де Бесалу

Для Раймонда время тянулось невыносимо медленно. Он едва высидел совместную трапезу. К слову сказать, он с неодобрением отметил, что братья-рыцари не особенно следуют собственным заповедям и воззваниям, как то: бедность и воздержание. Братья-иоанниты ни в чем себе не отказывали. На столах еды было хоть отбавляй. И мясо, и рыба, и вино. От последнего Раймонд отказался, несмотря на уговоры соседей по столу. Он ушел, когда застолье было в самом разгаре. В казарме лег на отведенное ему свободное место и смежил веки, вновь и вновь прокручивая в голове все возможные варианты своих действий. Казарма постепенно заполнялась рыцарями. Входили шумные, пьяные. Долго возились, укладываясь спать, и в миг засыпали. К первой страже уже все храпели. Тогда Раймонд поднялся и направился к выходу. У дверей за стойкой дремал дежурный. Она поднял голову и сонно спросил:

– Куда?

– Во двор, по надобности, – ответил рыцарь.

Оказавшись на улице, огляделся и осторожно, избегая крытых галерей, где горели факелы, укрытые от дождя, направился к башне гроссмейстера. Здесь, прижавшись к стене, он затаился. Прошла вечность, прежде чем веревка коснулась его руки. Он схватил ее и коротко подергал, давая знак о готовности. В ответ почувствовал слабые толчки. Тогда он закрутил конец веревки вокруг кисти руки и на всякий случай еще обернул ее вокруг пояса. Когда веревка напряглась, он для пущей надежности лег на землю, уперев ноги в каменное основание стены, дождался тяжести в руках, стал постепенно медленно отпускать веревку, намотанную на левую руку. Вскоре он различил силуэт на другом конце веревки, спускавшийся к нему. Он подхватил ее в последний момент и удивился. Лада казалось ему выше и тяжелее, но, услышав голос, он сразу же узнал Мариам.

– Ты? – испугался он. – Почему? Что случилось?

– Она велела мне первой спуститься, – шепотом произнесла Мариам, – чтобы проверить, выдержит ли веревка. Отвязывайте скорее.

Раймонд развязал веревку, прицепил к ней свой плащ, дал натяжку и пополз вверх. Это было изменение плана, и промедление могло дорого им обойтись. Между

первой стеной и цитаделью караул делал обход каждый час. Раймонд быстро наматал остаток веревки на руку. Дождался сигнала, вновь лег на землю. Как только веревка натянулась, он сразу понял, что это спускается Лада. Она была в два раза тяжелее Мариам. Бесконечный спуск благополучно завершился, и Раймонд подхватил женщину на руки и поставил на землю.

– Спасибо, рыцарь, – услышал Раймонд обожаемый голос, услышал ее запах и почувствовал сладостное прикосновение губ на щеке.

– К вашим услугам, сударыня, – ответил он.

И вдруг с ужасом осознал, что отдал Мариам оба блока, хотя надо было только дать один.

– Простите, вы взяли с собой второе кольцо?

– Это? – показала Мариам.

– Слава Христу, – обрадовался Раймонд. – Иначе мне пришлось бы лезть обратно за ним. Пошли.

Они обошли краем ров, наполненный водой, и подошли к ступеням, ведущим на вторую стену. Первой поднялась Мариам, за ней – Лада.

– Не ждите меня, поднимайтесь на стену, – сказал Раймонд.

Он медлил из-за того, что второпях собрал веревку и теперь быстро наматывал ее на левый локоть. Зажав в руке оба конца, он ступил на лестницу, и в этот момент услышал ненавистный голос:

– Вам помочь, господин трубадур? Кажется, вы собрались в далекий путь.

Раймонд повернулся к командору, моля Бога, чтобы тот не заметил Ладу.

– На вас столбняк напал, господин трубадур? – спросил командор. – Извольте объяснить, что вы здесь делаете?

– Доктор порекомендовал мне прогулки на свежем воздухе, – наконец ответил Раймонд.

– Под дождем? – усомнился командор.

Казалось, что он не успел заметить девушек.

– В том числе и под дождем, – подтвердил Раймонд. – А вы, кажется, явились сюда для поединка со мной?

– Поединок меж нами состоится в любом случае, но не сейчас. Если я убью вас сейчас, без свидетелей, никто не поверит, что это был поединок, дуэль.

– У вас такая сомнительная репутация?

– Я вспомню вам эти слова.

– А это ваши секунданты? – спросил Раймонд.

В тот момент, когда командор невольно оглянулся, рыцарь что есть силы ударил его по голове. Иоаннит рухнул, как подкошенный.

– Простите мне мое неджентльменское поведение, но у меня нет другого выхода, – пробормотал Раймонд.

Драться с командором означало погубить весь план и провалить побег. На шум, на звон мечей сбежались бы караульные. Раймонд отрезал от веревки кусок и связал госпиталяера, затем поднялся на стену.

– Мы здесь, – услышал он сдавленный шепот.

Девуцы стояли, втиснувшись в стенную нишу.

– Оставайтесь пока здесь, – сказал Раймонд.

Он залез на самый верх, выглянул меж зубцов, пытаясь в темноте разглядеть друзей. Ничего не было видно. Но небо благоволило им в эту ночь. Сверкнула мол-

ния, на доли секунды осветив основание стены, и он увидел их, сидящих на корточках. Раймонд вытащил второй блок и рукояткой кинжала забил его в щель. Первой вновь спустилась Мариам. Подхватив ее, Егорка сказал:

– Что-то исхудала ты, сестрица. Не кормили, что ль?

– Лада еще там, наверху, – ответила незнакомым голосом сестрица.

– Почему? – спросил Егорка.

– Она решила испытать на мне приспособление. Если выдержит, тогда и она спустится, – объяснила девочка. – Я уже второй раз испытываю, – гордо заявила она.

– Узнаю свою сестру, – хмыкнул Егор.

Лада, оказавшись в его руках, мечтательно произнесла:

– О, Али, наконец-то ты обнял меня.

И услышала в ответ:

– Когда же ты уймешься, дура!

– Егорушка, ты! – обрадовалась Лада. – Как ты здесь?

Она стала целовать брата.

– Ладно, ладно, – буркнул Егор, – давай без этого.

Последним спустился Раймонд.

В эти минуты дождь полил, как из ведра.

– Вот это называется – разверзлись хляби небесные, – сказал Раймонд весело, он был счастлив. – Это он прикрывает наше отступление.

– Кто – он? – поинтересовался Егорка.

– Господь наш, – ответил рыцарь.

– Ну, ну, – скептически бросил Егор, – на него вся надежда. Бежим.

Однако в словах рыцаря все же был резон, ибо удача сопутствовала им. Они благополучно добрались до рожицы и нашли там своих привязанных коней.

– Один человек лишней, – сказал Егор, – или, скажем так, одной кобылы не хватает. Зачем ты взяла с собой девочку? – спросил он у Лады.

– А как ты думаешь, дорогой братец, что с ней сделают, когда поймут, что я совершила побег, и обнаружат эти железяки. Ведь никто, кроме нее, не мог передать мне их?

– Ненавижу эту женскую манеру отвечать вопросом на вопрос, – сказал Егор, не ожидавший подобного ответа. – И вовсе это не железяки, а вершина инженерной мысли. Я горжусь своим изобретением.

– Вообще-то блок был изобретен очень давно, – заметил Раймонд, – но это несколько не умаляет вашей заслуги. Одни и те же догадки приходят в разные головы независимо друг от друга.

– Я думаю, что сейчас не самое лучшее время для диспута, – сказал Али. – Кто возьмет девочку?

– Она поедет со мной, – ответила Лада. – Наш совместный вес будет равен весу одного мужчины. Надо торопиться, тот крестоносец, наверное, уже пришел в себя и поднял шум.

– Вообще-то я об этом позаботился, – сказал Раймонд, – связал его и заткнул рот. Но вы правы, надо спешить.

Помолвка

Они скакали всю ночь, вышли из дождя и к восходу солнца остановились передохнуть на гористой возвышенности, у подножия небольшой скалы. Степь оста-

лась позади. Отсюда она хорошо просматривалась на случай погони. Егорка развел костер, подкатил к нему несколько валунов, на которых они развесили сушиться одежду. Хурджины, притороченные к седлам, оказались набитыми запасами еды.

– Странно, что нет вина, – заметила Лада, когда содержимое сумок переключало на скатерть. – На вас это не похоже.

– Вообще-то вино у нас было, – ответил Али, – но ты так долго собиралась в путь, что ночь для нас оказалась слишком длинной. Чтобы скоротать томительные часы ожидания, мы пили вино. Это во-первых.

– Всего лишь во-первых? – удивилась Лада. – Ты дал вполне исчерпывающий ответ.

– Во-вторых, не время сейчас пить.

В это время Мариам положила на ломоть хлеба тонкий пласт мяса, сыра и, украсив его листочком салата, подала Егорке. Тот удивился, но угощение принял.

– А чего сама есть не стала? – засмеялся он.

Мариам молча улыбнулась, взяла флягу и пошла вниз по склону.

– Маша, ты куда? – крикнула ей Лада.

– Там внизу родник, – ответила Мариам.

Егорка с насмешливой улыбкой провожал ее взглядом, пока она не скрылась. Вопрос Лады застал его врасплох.

– А что, Егорушка, нравится тебе эта девочка?

Егор удивился, даже перестал жевать, он внимательно посмотрел на сестру, ожидая какого-то подвоха.

– А что? – наконец произнес он.

– И этот человек ненавидит, когда отвечают вопросом на вопрос, – заметила Лада. – Просто скажи: да или нет.

– Допустим, да, а что?

– Я пообещала ей, что выдам ее за тебя замуж. Она очень хорошая девочка. Из нее получится хорошая жена.

Егор посмотрел на Али. Тот пожал плечами. Раймонд, поднявшись на ближайший холм, осматривал окрестности.

– Я пообещала, что ты женишься на ней, – повторила Лада.

– Смысл твоих слов мне ясен, – сказал Егор. – Мне непонятно, как ты могла обещать это ей.

– Объясняю, – невозмутимо ответила Лада. – Ночью на башне, под проливным дождем, собираясь спускаться черт знает откуда, рискуя жизнью, я подумала, что надо что-то пообещать трудновыполнимое и тогда Аллах сохранит мне жизнь.

Лада замолчала. Вернулась Мариам с водой и принялась хлопотать у костра. Подвесила котелок на металлическую треногу. Разговор смолк, и все невольно наблюдали за ее ловкими, не лишенными определенного изящества и грации движениями, словно оценивая, хороша ли невеста на выданье. Вода быстро закипела, тогда девочка бросила в котелок щепотку сухой смеси, потом, помешав, разлила по бронзовым чашкам.

Посуда продолжала появляться из переметных сумок, как из рога изобилия.

– Я вижу, дорогие мои, что вы основательно подготовились к путешествию, – заметила Лада.

– Это так, – согласился Али, – мы же любим путешествовать с комфортом. Мой походный набор крестonosцы не вернули, пришлось купить новый по дороге.

Разлив напиток по чашкам, Мариам первому подала его Егорке со словами:

– Это травяной чай, он восстанавливает силы, снимает усталость.

Али вдруг засмеялся, глядя на растерянного Егорку, но, увидев его сердитый взгляд, отвернулся, взял чашку, стал пить, обжигаясь. С холма спустился Раймонд.

– Сударь, – обратился он к Егорке. – Я могу поговорить с вами?

– А почему со мной? – в сердцах сказал Егорка. – Поговорите вот с Али, разве вы не можете с ним поговорить?

– Простите, сэ,р, но дело касается только нас.

– А это не может подождать?

– Нет, сэ,р, – категорически сказал Раймонд.

– Почему?

– За нами гонятся госпитальеры. Видите – там, вдали, облако пыли. Это большой отряд.

Егорка и Али вскочили на ноги. На горизонте в самом деле клубилась пыль.

– Мы уже находимся в прибрежной полосе, – сказал рыцарь, – сверху видно море. Здесь все контролируется крестоносцами. Расскажите мне о своих планах.

– История наших злоключений вам известна, – ответил Али, – посему планы наши очевидны. Вернуться в исходную точку и продолжить паломничество, так что с нами все более или менее ясно. Лучше скажите, что будете делать вы?

– Вот об этом я и хотел поговорить с господином Егоркой.

– А до этого мы что, лясы точили? – поинтересовался Егорка.

– Простите, не понимаю вас.

– Переходите к делу, – пояснил Али.

– Сударь, – твердо сказал Раймонд, – я намерен просить руки вашей сестры. Могу ли я заручиться вашим согласием?

– Час от часу не легче, – вздохнул Егорка, – вы что, сговорились, что ли?

– Я вот сейчас не поняла, – недоуменно произнесла Лада. – Чьей руки он собрался просить?

– Твоей, – отмахнулся Али, – не мешай.

– То есть как это не мешай, если обо мне речь.

– По-моему, не самое лучшее время для сватовства, – сказал Егорка, – надо ноги уносить.

– Вы правы, сударь. Вопрос – куда уносить. Эта дилемма и объясняет несвоевременность этого разговора. Здесь наши пути расходятся. Я не могу ехать с вами к мусульманам, а вы не поедете к христианам. Более того, я нажил себе могущественного врага в Иерусалимском королевстве. По совету графа Монбельярского я возвращаюсь во Францию. Поэтому, сударыня, – уже обращаясь к Ладе, сказал Раймонд, – я прошу вашей руки. А сердце я постараюсь завоевать. Я понимаю ваше положение. Вы меня совсем не знаете, у нас было мало времени для общения.

– Вы меня тоже не знаете, – растерянно сказала Лада.

– Но я люблю вас, – сказал Раймонд.

После этих слов наступила долгая тишина. Эти привычные для бумаги слова, произнесенные во всеуслышание, обладают совсем другим воздействием. Молчание нарушила Лада.

– А где мы с вами будем жить? Кажется, у вас во Франции ничего нет. Вы называли это словом – майорат.

– Какая у вас прекрасная память, сударыня, – улыбнулся Раймонд. – Ситуация

изменилась. Дело в том, что я на днях получил сообщение о том, что мой старший брат умер, и теперь я владелец замка и поместья.

– Это несколько меняет дело. Но я должна прямо сейчас ответить?

– У нас, к сожалению, нет времени.

После этого вновь наступило молчание, в конце которого Егорка сказал Ладе:

– Сестрица, можно тебя на минутку.

Отведя ее в сторону, он сказал:

– Послушай, мне он кажется достойным человеком. Я советую тебе принять его предложение. До каких пор ты собираешься испытывать судьбу? Ну что ты пожимаешь плечами? Разве ты не хотела выйти замуж?

– Ну, во-первых, он христианин, а я – мусульманка.

– Перестань, какая ты мусульманка. Ты стала ею, чтобы выйти замуж. А сейчас перейдешь в христианство, чтобы опять же выйти замуж. Невелика разница. Али сказал, что это родственные религии, авраамические.

– Во-вторых, я не хочу расставаться с вами.

– Не испытывай судьбу, – повторил Егорка, – он любит тебя и доказал это, пойдя против своих. Это дорогого стоит. Что ты улыбаешься?

– Только что я уговаривала тебя жениться. А теперь ты за меня взялся. Ладно, позови Али, пожалуйста.

Егорка кивнул и отошел в сторону. Раймонд выжидающе смотрел на Егорку, но тот неопределенно вывернул ладонь. У Али Лада спросила:

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

Али понял, что бы он ни ответил ей, все будет звучать глупо, и он сказал:

– В отличие от этого человека, я ничего не могу обещать тебе. Я живу одним днем. Ты должна сделать свой выбор.

– Это нелегкий выбор. Я понимаю, ты хочешь избавиться от меня, – с горечью в голосе сказала Лада. – Но все равно я должна подумать над этим.

– За нами гонятся госпитальеры, – напомнил Али.

– Вот пока они будут гнаться, я буду думать. Что мне делать в этой Франции?

– То же, что делают все женщины – жить с мужем, рожать детей, – сказал Али.

– Я должна подумать, – крикнула Лада Раймонду.

Рыцарь, прижимая руку к груди, поклонился, безропотно принимая ее решение. Вернее, его отсутствие.

– Никогда не думал, что я буду делать предложение в такой спешке, – вполголоса сказал Раймонд, садясь на коня. Его слова слышал лишь находящийся рядом Али. Он одобрительно улыбнулся рыцарю.

– Дело в том, что с нами она в относительной безопасности. Вы говорите о том, что нажили себе могущественного врага. Поехав с вами, Лада будет подвергаться большей опасности.

– У меня есть охранная грамота. Впереди развилка. И одна дорога пойдет вниз, к морю. Как только я доберусь до порта, фра Герэн будет бессилён. Там есть королевская власть.

Отсрочка, взятая Ладой, оказалась недолгой. Лишь только беглецы выехали на открытую местность, как тут же обнаружили за собой погоню. Отряд из двух или трех десятков всадников, завидев их, тут же перешел на рысь.

– Это они, – крикнул Раймонд, узнав флаг иоаннитов.

Они пришпорили коней и попытались уйти от преследования. Но расстояние

между ними неумолимо сокращалось. Невдалеке, в стороне от дороги, виднелись стены какой-то обители.

– Что там? – спросил Али у Раймонда.

– Это монастырь, – ответил рыцарь и, отвечая на невысказанный вопрос, добавил, – там не скроемся, там христиане, выдадут. Послушайте, вместе нам не уйти от них. Спрячьтесь за стенами монастыря, а потом скачите к тем горам, там Сирия. Я отвлеку их, Они поскачут за мной, и вы выиграете время. Прощайте, господа, я рад нашему знакомству. Простите, что причинил вам неудобства, неприятности. Прощайте, сударыня. Я счастлив, что встретил вас. Я всегда буду любить вас.

– Стойте, – остановила его Лада. – Провести их не удастся, они сразу увидят, что вы один, а вы им не нужны, им нужна я. Я еду с вами. Егор, возьми девочку, – чуть не плача, обратилась она к брату, и в эту минуту Егорка не посмел ей отказать.

Он подъехал вплотную и пересадил Мариам на свою лошадь. Лада обняла и поцеловала его, махнула рукой Али.

После этого она хлестнула лошадь и с криком: «Эх, пропадай, моя головушка», погнала лошадь вперед. Раймонд помчался за ней.

– Все будет хорошо, – крикнул вслед Ладе Али.

– Не сомневаюсь, – долетел обратно еле слышный ответ. – Прощайте, мои дорогие! Бог даст, еще свидимся.

– Все будет хорошо, – повторил Али, обращаясь к товарищу, – это судьба.

– Не сомневаюсь, – ответил Егорка.

После этого они пришпорили своих коней и поскакали к монастырю. За стенами обители они выждали, пока отряд госпитальеров промчится мимо, затем направили своих коней в сторону Сирии. Благодаря этому маневру они оторвались от преследования, поскольку госпитальеры просто потеряли их из виду. Они гнались теперь только за Раймондом и Ладой. Но очень скоро командор, руководивший погоней, разгадал маневр беглецов. Основной отряд числом до двадцати человек повернул лошадей. А сам командор, отделив десяток капелланов, погнался коней в сторону морского порта.

В порту

У причала стояло судно, готовящееся к отплытию. Раймонд спрыгнул с коня и помог спешиться Ладе.

– Куда идет эта галера? – спросил Раймонд у человека, руководившего погрузкой.

– Во Францию, сударь, – ответил прораб.

– Найдется на корабле два места для нас?

– Не знаю, сударь. Обратитесь к коменданту, он начальник порта.

– Где мне его найти? Черт возьми, у меня мало времени, – вскричал Раймонд.

– В том доме, сударь.

Человек показал на небольшое каменное строение, из которого как раз в этот момент вышел начальник порта.

– Сударь, вы распоряжаетесь этой галерой? – обратился к нему Раймонд. Комендант с любопытством посмотрел на рыцаря и его спутницу и ответил утвердительно. – Мне нужно два места до любого порта Франции.

– Места еще есть, – ответил комендант. – Чем изволите заплатить? Только имейте в виду, я не принимаю турецких монет.

- Почему? – на всякий случай спросил Раймонд.
- Потому что я христианин и патриот своей страны, – гордо сказал комендант.
- Похвально, – сказал Раймонд.

Рыцарь вдруг осознал, что у него нет денег. Он взглянул на Ладу. Молодая женщина ответила ему вопросительным взглядом. Раймонд улыбнулся ей, он не мог омрачить первые минуты совместного путешествия просьбой денег.

– Мы оставим вам своих лошадей в счет оплаты за проезд, – предложил он.

– Это будет слишком много, сэр, – ответил комендант, – их можно продать и выручить гораздо больше, чем нужно за проезд. Но, я вижу, вы торопитесь.

– В этом-то все и дело, – подтвердил Раймонд.

Комендант достал кошелек и отсчитал несколько монет.

– Это вам сдача.

Раймонд поблагодарил совестливого коменданта. В этот момент Лада схватила его за руку. Раймонд увидел нескольких всадников, несущихся к пристани.

– Сударь, являетесь ли вы слугой короля? – спросил рыцарь у коменданта.

– Безусловно, – ответил комендант.

– В таком случае я хочу предъявить вам свою охранную грамоту.

Комендант, увидев на бумаге королевскую печать, весь подобрался и сказал:

– Простите, сударь, я слишком дешево оценил ваших лошадей. Я сейчас пошлю кого-нибудь домой за деньгами. Просто с собой у меня больше нет.

– В этом нет необходимости, – возразил Раймонд, – я всего лишь прошу вас выполнить свой долг и оказать мне поддержку.

– Я к вашим услугам, – воскликнул комендант, обрадованный тем, что доплачивать за лошадей не придется. – Чем я могу быть вам полезен?

Ответить рыцарь уже не успел. Подъехавшие госпитальеры соскочили с коней и окружили их, отрезав путь на корабль.

– Рыцарь Раймонд, – торжествуя, сказал командор, – вы и ваша спутница арестованы.

Раймонд обратился к коменданту:

– Сэр, эти люди преследуют меня, мешая мне выполнить волю нашего короля.

– Кто вы такие? – спросил комендант у командора. – Извольте объясниться.

– Это не ваше дело, черт побери, – грубо сказал командор, – извольте не мешать нам.

– Вот как, – кротко ответил комендант, – в таком случае я буду вынужден арестовать вас всех до выяснения обстоятельств. Эй, охрана. Сюда, ко мне.

Около десятка вооруженных людей, рассредоточенных по причалу, сбегались на призыв своего начальника.

– Вы за это ответите, – угрожающе сказал командор, не ожидавший такого.

– Перед кем? – насмешливо спросил комендант. – Перед королем?

Командор понял, что он зарвался. На всей святой земле госпитальеры ни во что не ставили короля Фридриха. Но здесь командор столкнулся с должностным лицом, для которого власть королевская не была пустым звуком.

– Вы совершаете ошибку, – сказал командор начальнику порта. – Этот человек – изменник веры. Эта женщина – мусульманская шпионка. Они бежали сегодня ночью из-под ареста.

– Чем вы можете подтвердить свои слова? – спросил комендант.

– Чем я могу подтвердить свои слова? – в ярости повторил командор. – Вам

что, недостаточно моих слов? Вы обязаны содействовать их аресту. Я прошу вас.

– Вынужден отклонить вашу просьбу, – ответил великолепный комендант. – Этот господин выполняет королевское поручение. И я сделаю все для того, чтобы они беспрепятственно сели на корабль. А вас я попрошу удалиться.

– Вам это даром не пройдет, – скрежеща зубами, произнес командор.

Затем он обратился к Раймонду.

– Ну что же, рыцарь, уверен, что у ваших сообщников, которых, наверное, уже догнали и схватили мои люди, нет охранной грамоты. Однако хочу напомнить, что как человек, вызванный вами на дуэль, я вправе выбрать место поединка, время и оружие, согласно кодексу. Я предлагаю драться здесь.

– Как, неужели вы будете сами драться? – иронически спросил Раймонд. – И не попросите никого из ваших спутников заменить вас?

– Не увливайтесь от ответа.

Раймонд взглянул на Ладу.

– Не делайте этого, – попросила Лада. – Что будет со мной, если он вас убьет?

– Если я откажусь от дуэли, он обвинит меня в трусости.

– Я знаю, что вы не трус.

– Порой предрассудки сильнее здравого смысла, – сказал Раймонд.

– Сэр, – обратился к коменданту рыцарь, – могу я попросить вас об одолжении?

Если меня убьют, я не смогу выполнить королевскую волю. Вот приказ. Он касается этой женщины. Охранную грамоту вы видели. Обещайте мне, что не позволите ее увезти. Пусть она останется у вас, пока сама не захочет уйти.

– Сэр, вы на службе, вы можете отказаться от дуэли, – вполголоса посоветовал комендант.

– Увы, уже не могу, – ответил Раймонд.

Он обнажил меч со словами:

– К вашим услугам.

Командор напал стремительно, словно ждал этого. В яростной рубке они передвигались по пристани, пока не оказались на самом краю, где раненый неминуемо должен был упасть в море. Все на причале, побросав работу, наблюдали за происходящим. Диагональные и вертикальные удары (командор был довольно однообразен в нападении) рыцарь встречал до того, как они приобретали силу и скорость, восходящие с шагом вперед выпады Раймонд парировал мощными обрушивающими ударами. В какой-то момент рыцарю удалось сделать рикоссо – поймать крестовиной своей рукояти меч противника и повернуть кисть. Командор сумел удержать меч в руках, но открылся. Этим и воспользовался Раймонд, решивший более не искушать судьбу. Его меч вошел в самое сердце госпиталяера. Командор умер еще до того, как его тело упало в море.

В происходящее немедленно вмешался комендант. Он приказал достать тело погибшего, удалил оставшихся госпиталяеров с территории порта, опасаясь, что они нападут на рыцаря из мести за командора. Он лично провел рыцаря с его дамой на корабль, отвел им лучшие места и дал приказ об отплытии.

Тем временем Али и Егорка с девочкой, в страхе вцепившейся в его спину, пытались оторваться от погони. В бешеной скачке они уходили в сторону виднеющихся в стороне гор, где сам рельеф местности помог бы им скрыться либо уменьшить преимущество численного превосходства. О бое на ровном месте не могло быть и речи. Короткий отдых, данный лошадям, поначалу позволил им увеличить расстояние

между ними. Но госпитальеры были все же более опытными наездниками, нежели законовед и охотник, чья лошадь к тому же была отягощена лишним седоком.

– Нас догоняют, – обернувшись, крикнул Али.

Егорка крутил головой в поисках укрытия, но, кроме ближайшей горы, ничего не было. До их слуха уже долетали вопли госпитальеров, которых охватил азарт гончих псов.

– Если успеем доскакать до предгорий, то сможем уйти, – ответил Егорка.

– Не успеем, – сказал Али.

Тогда Егорка остановил своего коня, вынудив Али поступить так же.

– Зачем бежать, – сказал Егор, – умрем в бою, лицом к лицу, не хочу, чтобы меня убили ударом в спину. – Он ссадил с коня девочку, сказав: – Прости, Маша, ничего не вышло. Надо было тебе с Ладой ехать. Скажешь этим, что насильно тебя выкрали. – Прощай, брат, – сказал он Али. – Мне будет не хватать тебя.

Али не успел ничего ответить, как Егорка, вырвав меч из ножен, повернул коня, и, прищпорив, поскакал навстречу крестоносцам. Али улыбнулся девочке и, не колеблясь, последовал за ним. В последние минуты до сшибки он думал о том, что лучшего конца для себя не мог бы и пожелать. И был счастлив от осознания этого. С дикими воплями двое людей, не умеющих толком владеть мечом, мчались навстречу двум десяткам крестоносцев. И в этом акте бесшабашной и отчаянной смелости было величие духа и нечто, вызывающее слезы у немногочисленных свидетелей, в том числе и у автора. В последний миг Али подумал, что его хадж в некотором смысле можно считать состоявшимся, поскольку ему суждено погибнуть от рук крестоносцев, то есть стать шахидом – мучеником за веру, правда, в тот жизненный период, когда он ее утратил. В этом была насмешка судьбы, и Али оценил этот юмор.

Но двум сторонам не суждено было сойтись в схватке. Госпитальеры вдруг повернули коней и помчались в обратную сторону. Это было невероятно. Двое смельчаков заставили ретироваться отряд из двух десятков опытных вояк-крестоносцев. Недоумение наших героев сменилось восторгом. Издавая победный клич (лучше назвать эти звуки теми же дикими воплями, но сменившими тональность), наши герои гнались за госпитальерами. Однако ситуация очень быстро прояснилась, так как Егорка, услышав цокот копыт за спиной, обернулся и увидел вооруженный многочисленный отряд, от которого на самом деле обратились в бегство крестоносцы.

– Это хорезмийцы, – воскликнул Али. – Час от часу не легче.

– Это называется: из огня да в полымя, – отозвался Егорка.

Они остановили коней.

– Что будем делать? – спросил Егорка.

– Не знаю, но для начала вложи меч в ножны. Откуда они здесь взялись? Давай отъедем в сторону и подождем развития событий.

Развитие событий наступило очень быстро. Едва они отъехали в сторону, как мимо них промчались хорезмийцы, их было около 50-ти человек. От основного отряда отделились несколько человек и окружили их.

– Отдайте оружие, – потребовал висакчи-баши.

Друзья подчинились.

– Кто такие? – спросил хорезмиец.

– Паломники, – ответил Али.

– С мечами? – усмехнулся висакчи-баши. – Почему гнались за крестоносцами?

– Вообще-то они гнались за нами, – сказал Али, – но в какой-то момент мы по-

няли, что уйти нам не удастся, поэтому повернули обратно, чтобы встретить смерть лицом к лицу.

– Хорошо сказал, – одобрительно произнес хорезмиец. – А это кто? – он указывал на Егорку.

– Это мой брат, – ответил Али.

– Не очень-то вы похожи, – насмешливо сказал хорезмиец.

– У нас матери разные, – пояснил Али, затем, поглядев на Егорку, добавил, – и отцы, впрочем, тоже.

Висакчи-баши расхохотался, а за ним и остальные. Али улыбнулся, довольный тем, что смог расположить их к себе. Встречи с хорезмийцами никогда ранее не кончались добром.

– Поехали, – приказал висакчи-баши, – следуйте за нами.

– А они как же? – спросил Али, указывая на основной отряд, преследовавший крестоносцев.

– За них не беспокойся, – ухмыльнулся хорезмиец.

В этот момент появилась Мариам. Она подбежала и схватилась за стремя Егоркиной лошади.

– А это еще кто? – удивился висакчи-баши.

Али взглянул на Егорку. И тот, помедлив, ответил:

– Это моя жена.

Хорезмиец хмыкнул, но ничего не сказал.

Хорезмийцы

После гибели Джалал-ад-Дина главой хорезмийцев был избран эмир Кыр-хан. А командующим войсками стал Баракат-хан. Хорезмийцы перешли на службу к конийскому султану Ала-ад-дину Кей Кубаду. Однако тот вскоре умер, а его наследник Кей Хосров II обвинил Кыр-хана в заговоре и заточил в темницу, где тот подозрительно быстро умер. Хорезмийцы взбунтовались и вышли из подчинения. Они ушли из страны, разрушая и грабя все на своем пути.

После этого они некоторое время служили правителю Амида Малику Салиху, но уже на следующий год недовольные содержанием, ушли от него, захватив с собой казну. Воспользовавшись этим, на Амид напал правитель Мосула Бадр Лулу. Малик Салих вновь призвал хорезмийцев, посулив им богатое содержание и земли во владение. Хорезмийцы, разбив войска Мосула, получили во владение Харран и ар-Руху.

В настоящее время они находились в Сирии, выбирая, кому из мусульманских правителей подороже продать свои услуги. И время от времени совершали набеги на крестоносцев. В одной из таких экспедиций они, расположившись на отдых у подошвы горы, вдруг увидели отряд крестоносцев, преследовавших двух всадников, которые затем повернули обратно и атаковали своих преследователей. Дальнейшее читателю уже известно. К вечеру они были в ставке Баракат-хана, где Али допросил один из войсковых эмиров.

Допрос Али

– Назови свое имя, – сказал эмир.

Али назвал свое имя.

– Что ты здесь делаешь?

– Совершаю хадж.
– Один?
– Нас было трое.
– Ты, этот саклаб и его жена.
– Не совсем так, саклаб – мой побратим. Мы встретились в Иерусалиме случайно. А до этого я совершал хадж с его сестрой.
– С его сестрой? – ухмыльнулся эмир. – А неплохо ты устроился.
– Оставь свои грязные намеки, – сказал Али.
Эмир удивился дерзости задержанного, он приподнялся (до этого он сидел) и лениво ударил Али по лицу.
– Ты за это ответишь, – предупредил Али.
Эмир ударил его еще раз. Али сплюнул кровь, выступившую из разбитой губы.
– Какой неожиданный поворот, – сказал он.
– Иерусалим занят неверными, – заметил эмир. – Что ты там делал? Ты, может быть, туда совершал хадж?
– Нет, я совершал хадж в Мекку, как и подобает мусульманину. Но в пути нас задержали крестоносцы и привезли в Иерусалим.
– Почему?
– Они заподозрили нас в шпионаже.
– Понятно, а в Иерусалиме тебя поджидал твой побратим. Странное совпадение. Разве он знал, что тебя арестуют и привезут туда? Подозрительно все это выглядит. А?
– Все выглядит предельно ясно, – ответил Али, – когда я сам рассказываю, но когда я отвечаю на твои вопросы, выглядит все нелепо. Скажи прямо: в чем ты меня подозреваешь?
– В том, что ты христианский шпион, лазутчик. На тебе одежда крестоносцев, меч, лошади.
– Это маскировка, мы вынуждены были тайно бежать из Иерусалима. Вы же знаете, что они гнались за нами, и если бы не ваши люди, они бы схватили нас.
– Ну, я не знаю, за какие прегрешения они хотели схватить вас, но ты утверждаешь, что ты азербайджанец и совершаешь паломничество в Мекку.
– Это так, – подтвердил Али.
– Но сейчас не лучшее время для хаджа. Твоя страна лежит в руинах, стонет под проклятыми татарами, а ты отправляешься в хадж, как ни в чем не бывало. Разве это не подозрительно? Лучше бы ты дал денег людям, проливающим кровь в борьбе с татарами.
– У каждого свои личные обстоятельства. Я потерял жену, ребенка, мой дом разграблен. Я бежал, чтобы не покориться монголам.
– Вот, вот, – с упреком сказал эмир. – Бежал, вместо того, чтобы внести свою лепту в борьбу с монголами.
– А разве вы не сделали то же самое? – спросил Али.
Эмир вскочил и схватился за рукоять сабли.
– Я беседовал с вашим султаном, – продолжил Али, – когда он, брошенный вами, сидел под стенами Амида.
Ярость эмира сменилась мгновенным изумлением:
– Что? Ты говорил с Джалал-ад-Дином?
– Да, – подтвердил Али, – я говорил с Джалал-ад-Дином. Мы пили вино, под

утро я ушел спать, а на рассвете на лагерь напали татары. Скажи, кто сейчас глава хорезмийцев?

Эмир подвигал усами, ему не понравилось, что задержанный перехватил инициативу разговора и задает ему вопросы. Тем не менее, он ответил нехотя:

– Сейчас мы подчиняемся Баракат-хану.

– Баракат-хан – воспитанник атабека Узбека? – спросил Али.

– Он сын нашего Даулат-Малика, но я слышал, что он воспитывался у Узбека, – сказал эмир. – Только не говори, что ты и с ним пил вино.

– Ты можешь отвести меня к нему? – попросил Али. – Я хочу поговорить с ним.

– Его здесь нет, – ответил эмир.

– Тогда отвези меня к нему.

– Не указывай, что мне делать, – огрызнулся эмир. – На что тебе Баракат-хан? Все, что ты можешь сказать, ты уже сказал. Что изменится оттого, что ты все это перескажешь нашему хану?

– Я думаю, что не тебе решать судьбу человека, водившего знакомство с хорезмшахом.

– Твоя судьба в моих руках, – возразил заносчивый эмир. – Мне ничего не стоит приказать убить тебя за твою дерзость.

– Это так, – умерил свой пыл Али, – поступай, как знаешь. Только помни, что мы – твои единоверцы.

– И этот тоже? – спросил эмир, указывая на Егорку.

– Почти, – сказал Али, – жена его, во всяком случае, стопроцентная мусульманка. И сестра, кстати, тоже.

– Что ты мне тычешь своей верой? Разве мало мы погубили единоверцев во время войны в Азербайджане?

– Это же была междоусобная война. Сейчас же мы находимся на переднем крае борьбы с христианами. На чужбине единоведец, земляк – ближе родственника.

– Посмотрите, как он заливает, а? – обратился эмир к своему окружению, – красноречив, как соловей.

– Я умолкаю, – объявил Али. – Делай с нами, что хочешь.

– Отведите его к остальным, – распорядился эмир.

– Ну, что? – спросил Егорка, когда хорезмийцы оставили их. – Опять бежать?

– Я никогда не обольщался насчет хорезмийцев, – сказал Али, – с тех пор, как они осадили Тебриз. Я воевал с ними.

– Говори тише, – предупредил Егорка.

– Мне не раз приходилось уносить от них ноги. Но все равно, как-то обидно. Как говорится, кто старое помянет, тому глаз вон.

– А кто забудет, тому оба, – добавил Егорка.

– Да? – удивился Али. – А я и не знал продолжения этой поговорки.

– Для азербайджанца ты и так знаешь слишком много русских пословиц.

Али пожал плечами.

– Ну что, Маша, – сказал Егорка, обращаясь к Мариам, – не повезло тебе с мужем. Только объявился и сразу же попал в переделку.

– Чего она молчит? – спросил Егорка у Али.

– Стесняется, – ответил Али.

Мариам кивнула головой, с улыбкой подтверждая его слова.

– А ты в самом деле берешь ее в жены? – спросил Али.

– Ну, – сказал Егорка и взял долгую паузу, во время которой Мариам настороженно смотрела на него, – не сразу, конечно. Пусть подрастет. Что делать, слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Сестра ей обещала.

– Да и воробья-то особенно не поймаешь, – улыбаясь, заметил Али, – но мне кажется, что ты поступаешь правильно. Хорошо бы свадьбу устроить, да вот беда, позвать некого, ни родных, ни знакомых. Он берет тебя в жены, – пояснил Али девочке, – я свидетель. Потом не отвертится.

Мариам смущенно улыбнулась.

– А может, устроим здесь свадьбу? – предложил Али. – Пригласим вот этих быть гостями, свяжем им этим самым руки. Не будут же они убивать тех, кто их пригласил на свадьбу?

– Я не думал, что все так серьезно, – озабоченно произнес Егор.

– Все зависит от этого вздорного эмира. Я говорил с ним и опрометчиво разозлил его. Не знаю, как получилось. Забылся на радостях оттого, что мы спаслись, у своих оказались. Видишь, до чего можно довести человека. Хорезмийцев своими стал считать. Может, обойдется.

После короткого отдыха хорезмийцы выступили в путь и к вечеру были в небольшом населенном пункте близ Халеба. Рядом находилась крепость. Отряд расположился в ней. На ночь пленников заперли. А наутро Али предстал перед Баракат-ханом. Это был высокий хорезмиец, крепкого телосложения, лет тридцати, но уже начинающий лысеть. В лице его была уверенность человека, не раз встречавшегося со смертью, к тому же облеченного властью.

– Я слушаю тебя, – сказал он.

Али долго молчал, рискуя вызвать гнев хана. И когда тот удивленно глянул на него, признался:

– Даже не знаю, с чего начать.

– Все твои объяснения мне уже передали. Кроме того, сказали, что ты похвлялся дружбой с султаном Джалалом.

– Я не похвлялся, – устало возразил Али, – я просто сказал, что был знаком с ним. Провел с ним в дружеской беседе ночь, предшествующую его гибели.

– Ты можешь чем-либо доказать это? – спокойно спросил Баракат-хан.

За несколько лет, прошедших с момента гибели султана Джалал-ад-Дина, он видел много людей, утверждавших, что были знакомы с хорезмшахом, не считая тех сумасшедших, которые выдавали себя за султана. После гибели хорезмшаха ходило много слухов о том, что он не погиб и что на самом деле был убит его силахдар, оруженосец. А сам султан в тот день не одевал султанских одежд, а был в одежде суфия. В этом виде он стал бродить по областям страны. Время от времени возникал слух, что хорезмшаха видели в таком-то городе, в такой-то стране. Тафриши, вазир султана в Ираке, специально проверял все эти сведения. В Мазандаране поднял восстание человек, назвавший себя Джалал-ад-Дином.

– Да, могу, – спокойно ответил Али.

Но в этом уже не было необходимости, так как к хану подошел хаджиб и что-то шепнул ему.

– Что это за перстень на твоей руке? – спросил хан.

– Мне подарил его султан, – Али снял с пальца серебряный перстень и передал его Баракат-хану. – Кроме того, он пожаловал мне титул малика Байлакана, – зачем-то добавил Али, хотя это была лишняя информация.

– Байлакана больше нет, – заметил хан, разглядывая перстень. – Монголы разрушили.

– Я знаю, я был там до последнего дня, чудом остался в живых.

– Этот перстень – свидетельство того, что твои слова являются правдой. И если ты малик, твое место рядом со мной, – объявил Баракат-хан. – Принесите вина и закусок, – приказал он, – я хочу угостить дорогого гостя. Садись, досточтимый Али.

Слуги принесли кувшин с водой и таз для омовения. Али вымыл руки и лицо.

– Что это у тебя на лице? – спросил Баракат-хан.

– Это следы разговора с твоим эмиром, – ответил Али, дотрагиваясь до распухшей губы.

– Хочешь ответить ему тем же? – предложил хан.

– Нет, – ответил Али, – он ударил меня в гнев, а я сейчас не испытываю гнева. А просто ударить человека я не смогу. Я не воин. Я факих.

– Поэтому вы гнались за крестоносцами с мечами? – засмеялся хан.

– Ваши люди спасли нас от неминуемой гибели.

– Чем же вы так насолили безбожникам? – спросил хан.

– Мы выкрали сестру моего друга из крепости, – ответил Али, – им это не понравилось.

– А где же сестра?

– Мы разделились, – коротко ответил Али, не желая вдаваться в подробности.

– Расскажи мне о своей встрече с хорезмшахом, – попросил хан.

Али стал рассказывать, припоминая детали. Между тем принесли вино и закуски. Когда он закончил свой рассказ, Баракат-хан, тяжело вздохнув, сказал:

– В ту ночь я тоже был в лагере султана. Когда Джалал увидел, что татары преследуют нас, он приказал Ур-хану отделиться от него со своими войсками, чтобы татар пустить по его следу, а самому избежать преследования. Я как раз был в отряде Ур-хана. Но это была ошибка. Мы отделились от султана, к нам по дороге стали присоединяться разрозненные отряды. И когда мы достигли Ирбила, с нами было уже 4000 всадников. А султан, отделившись от Ур-хана, направился к Амиду. Городские жители заперли ворота перед ним. Султан потерял надежду войти в город и ушел в сторону с сотней всадников. Утур-хан посоветовал султану возвратиться назад, говоря, что самый безопасный путь – это тот, по которому уже прошли татары. И султан вернулся, согласившись с ним, так что причиной гибели султана был никто иной, как Утур-хан. Султан добрался до одного из селений Майафарикина и сошел с коня на току, пустив лошадей пастись. Ночью Утур-хан оставил его из-за своей трусости и малодушия. И случилось то, что случилось. – Помолчав немного, Баракат-хан добавил: – Я любил их обоих, Джалала и Узбека, а они оказались врагами. Мое сердце всегда разрывалось между ними. А теперь их нет, а я оплакиваю обоих.

– Теперь они уже не враги, – заметил Али.

Хан взглянул на него и усмехнулся.

– Ты прав, а мне почему-то это не приходило в голову.

– Можно задать тебе вопрос? – спросил Али.

– Конечно, – кивнул головой Баракат-хан.

– Малика-Хатун принимала участие в твоей судьбе?

– Нет, но она была добра ко мне. А почему ты спрашиваешь?

– А был ли ты знаком с канцлером Шихаб-ад-Дином Насави?

– Это уже второй вопрос, – улыбнулся Баракат-хан, – но я все равно отвечу. Ко-

нечно же, я знал Насави. Это был достойный человек.

– У меня поручение от них обоих, вернее, я выполняю просьбу Насави и поручение Малики-Хатун.

Али рассказал обо всех обстоятельствах своего появления в Дамаске.

– Малик Ашраф в Каире. Чтобы не терять времени, я решил совершить хадж, а на обратном пути передать ему письмо от Малики-Хатун.

– Он уже вернулся из Каира, – сказал хан, – так что ты можешь возвращаться в Дамаск. Что же касается Насави, то я всегда отличал его от других чиновников Джалал-ад-Дина. Как только он окажется на свободе, пусть найдет меня. Я дам ему должность в память о хорезмшахе.

– С его освобождением могут возникнуть сложности, – сказал Али. – Дело в том, что письма Малики-Хатун у меня нет, оно осталось у крестоносцев.

– Это ничего, – заметил хан, – я думаю, что такой умный и образованный человек, как ты, сумеет убедить Ашрафа в своей правоте. В крайнем случае, я замолвлю слово о Насави. По счастливому для него совпадению, я веду переговоры с Ашрафом, он предлагает нам поступить к нему на службу. Мы теперь наемники, – вздохнул хан, – продаем свою доблесть тем, кто платит за нее. Мусульманские правители используют нас, как дубинку в междоусобной борьбе.

– История повторяется, – заметил Али. – Вместо того, чтобы объединиться в борьбе против общего врага – монголов, они обескровят себя, потом придут татары и без труда одолеют их.

– В твоих словах беспощадная правда, – с грустью признал хан.

– Омар Хаям учил: перейди в мою веру, учись у меня, пей вино, но не пей эту горечь Вселенной, – заметил Али, – но все равно никто ничему не учится.

– Ну, раз речь зашла о вине, – усмехнулся Баракат-хан, – давай выпьем.

– Вообще-то я решил, что больше не буду пить вина, – сказал Али.

– Давно уже не пьешь? – поинтересовался хан.

– Вот уже сутки минули.

– Ну, отложи свой зарок еще на один день. Один день ничего не решает, – предложил хан. – Пойми, я не могу тебя отпустить без угощения.

– Что ж, делать нечего, – уступил Али, принимая чашу из рук хана.

– Жизнь хороша тем, что она переменчива, – сказал хан, – мой отец был дядей Гияс-ад-Дина, брата султана Джалала, и владел всем Мазандараном. Он погиб в сражении против татар на границе Занджана. Я был тогда еще ребенком. Он указал мне перед своей смертью путь на Тебриз, и я шел по нему, никуда не сворачивая, и Аллах вывел меня прямо к атабеку Узбеку. Я мог погибнуть, но не погиб, хотя положение мое было шатким. Я был бесправным ребенком. А теперь, посмотри, какие державы рухнули, а я занимаю место хорезмшаха, и соседние страны трепещут предо мной. А что будет дальше? Стоит ли об этом горевать?

Али вернулся в домик, в котором разместили пленных для постоя, нетвердой походкой. Его сопровождали двое воинов и давешний войсковой эмир, который теперь всячески заискивал и угождал ему. Он распорядился убрать охрану от дверей и объявил, что они свободны в поступках. Он оставил одного воина в их распоряжении и поспешил уйти. Видно, боялся, что бывший пленник, снискавший расположение Баракат-хана, передумает и даст ему по морде.

– Кажется, ты давеча грозился не пить больше, – заметил Егорка.

– Каюсь, – сказал Али, – но понимаешь, в чем дело? Когда сильные мира сего,

а особенно те, от которых ты в данный момент зависишь, предлагают тебе выпить, отказываться довольно рискованно. Но я не отказываюсь от своих слов. Просто я взял отсрочку на один день. А где девушка?

– Если ты имеешь в виду мою жену, то Маша спит, – ответил Егорка.

– Мне слышится ирония в твоём голосе, – заметил Али. – Почему?

– А что же, прикажешь мне серьезно к этому относиться?

Али пожал плечами, промолчал.

– А я думал, что ты сейчас напомнишь мне об учении кадаритов, – сказал Егор.

– Ты ведь их сторонник.

– Уже нет, все происходит в силу сложившихся обстоятельств. Элемент случайности и человеческих действий. Она тебе не нравится? Посмотри, как она ухаживает за тобой, и еще недурна собой. Чего же еще желать от жены?

– Любви, наверное, во всяком случае, я иначе представлял себе все это. К тому же я не готов к семейной жизни. Ты лучше скажи, как наши дела?

– Кажется, и на этот раз обошлось. Завтра мы возвращаемся в Дамаск, если, конечно, наши с тобой планы совпадают. Я должен увидеть Малика Ашрафа.

– Правителя Дамаска?

– Да.

– А как же твой хадж?

– Человек сидит в тюрьме и страдает от этого. В моих силах помочь ему. Если я вместо этого отправлюсь в Мекку, это будет не хадж, а лицемерие. Время для паломничества упущено. А сейчас, если ты не возражаешь, я хотел бы лечь спать, – сказал Али.

Он лег, не дождавшись, пока Егор выразит свое отношение к просьбе, и через минуту уже спал.

– Если ты не возражаешь, – повторил Егор, – а если я возражаю?

Он вздохнул, вышел в соседнюю комнату, где спала Мариам. Долго смотрел на ее лицо, поправил сползшее одеяло, покачал головой, задул горящую свечу и вышел.

Дамаск

Знакомый чиновник канцелярии встретил Али, как родного. Али опасался, что не узнает его, так как не помнил его лица. Собственно, так оно и произошло. Но катиб сам узнал его, стоило только Али появиться на пороге канцелярии. Он вскочил со своего места и бросился к нему навстречу. Теперь уже он называл Али «эфенди», усадил рядом с собой, послал слугу за чаем.

– Куда вы пропали, эфенди? – укоризненно говорил он. – Правитель уже давно вернулся, а вас все нет.

– Меня не было в городе. А наше соглашение в силе? – спросил Али.

Хотя об этом можно было и не спрашивать.

– В силе ли наше соглашение? – переспросил чиновник. – Да я все глаза проглядел, выжидая тебя. И начальник каждый день о тебе спрашивает. Ведь он каждый день включает тебя в список посетителей.

Али улыбнулся.

– Ты напрасно смеешься, – обиделся катиб, – ты думаешь, так просто попасть на прием к правителю Дамаска?

– Прости, – сказал Али, – я вовсе не смеюсь. Давай перейдем к делу. Когда?

– Деньги у тебя с собой? – понизив голос, спросил катиб.

Али извлек из складок одежды тяжелый мешочек, подвешенный к поясу, и вложил в руку секретаря.

– Сколько здесь? – изменившись в лице, спросил тот.

– Половина суммы.

– Почему только половина?

– Вторая половина перед аудиенцией.

– Начальнику это может не понравиться.

– Это мое условие, – твердо сказал Али.

– Значит, здесь двадцать пять золотых, – уточнил катиб.

– Именно так, можешь пересчитать.

– В этом нет необходимости, – сказал катиб, – вы благородный человек. Подождите немного, вот, кстати, и чай принесли. Я вас оставлю ненадолго.

Судя по тому, как быстро вернулся катиб, Али понял, что тот уходил пересчитывать деньги.

– Сегодня четверг, – сказал он. – Завтра выходной день. А в субботу прошу вас быть здесь с утра.

– Хорошо, – сказал Али.

У дверей дома сидел маклер, при виде Али он встал и почтительно приветствовал его.

– А я зашел, чтобы проверить, не забрался ли кто в отсутствие хозяина. И точно, смотрю, дым идет, – испугался, думаю, пожар, захожу, какой-то здоровенный урус готовит кебаб. Говорит, что он ваш друг, а вы ушли по делам. На всякий случай я решил подождать, чтобы убедиться, не обманул ли он меня.

– Все правильно, – подтвердил Али.

– Я рад вас видеть живым и здоровым, – продолжал маклер. – Давно ли вы вернулись?

– Мы приехали вчера вечером.

– А где та красивая женщина, ваша спутница?

– Она вышла замуж и уехала.

– Мне почему-то казалось, что она на вас имеет виды, – добродушно заметил маклер, – и такой неожиданный поворот.

– Заходите в дом, – предложил Али.

– Нет, спасибо, я побегу, и так много времени уже потерял. На базаре люди разное болтают, будто в окрестностях видели этих диких хорезмийцев. Словно они собираются напасть на нас. Вы ничего об этом не знаете? Вы не встречали их в пути?

– Не думаю, что они нападут. Я их встречал. У них другие планы.

– Вот спасибо. Успокоили вы меня. А какие у вас планы насчет аренды?

– У меня ведь оплачен этот год.

– Да, да, не беспокойтесь. Я помню, просто спросил.

– Раз уж зашел разговор, – сказал Али, – спросите у хозяйки, не согласится ли она продать этот дом? Если нет, то, может, вы подыщете мне что-нибудь?

– Конечно, я поговорю, – воскликнул маклер, – я буду рад услужить вам.

Маклер раскланялся и ушел. Али долго смотрел ему вслед, задумавшись о чем-то, затем вошел в дом. Во внутреннем дворике Мариам накрывала на стол. А Егорка возвышался над мангалом, крутя шампура с шипящими и стреляющими кусками мяса.

– Сколько раз я тебе говорил, что для кебаба куски надо резать мельче, – обратился Али к другу.

– Большому куску рот радуется, – невозмутимо ответил Егорка. – Привычка, брат. Никак не могу от нее избавиться, на охоте, понимаешь, в лесу, не до этих тонкостей. Чего возиться с кусочками. Отрезаешь от кабана шмат, насаживаешь на ветку, крутишь ее и срезаешь куски ножом. Да и сочнее так получается.

– Свинину мы не едим, – сказал Али.

– А кабан – это не свинья, извините, кабан – это зверь лесной.

– Не знаю, не пробовал, – ответил Али.

– Ну, бог даст, еще попробуешь.

– Садитесь, господин, – услышал он тонкий голос Мариам.

– Я тебе не господин, – сказал Али, – забудь уже об этом. Ты член нашей семьи. Мне сестра, а ему... жена, возможно, когда-нибудь. Называй меня по имени.

– Хорошо, Али. Все равно садись.

Али сел за стол и посмотрел в лицо девочки. Она улыбалась.

– Маша, принеси вина, – попросил ее Егор.

– Он меня все время Машей называет, – шутливо пожаловалась девочка. – Я же не Маша, у меня имя есть.

– Ну, здесь я тебе не помощник, – сказал Али, – привыкай. К тому же его можно понять. Человек живет на чужбине, у него ностальгия, называя свою жену русским именем, создает себе иллюзию родины.

– Спасибо, друг, – отозвался Егорка.

Мариам хмыкнула и убежала.

На столе было много маленьких глиняных тарелочек с разнообразными закусками. В одной лежал тонко нарезанный белоснежный овечий сыр и сочился слезой; в другой – горка красной редиски с зелеными, аккуратно обрезанными хвостами, в третьей плавали в масле оливки вперемешку с маслинами; в четвертой было овощное рагу; в пятой покрылся желтоватой пленкой катык; в шестой лиловели фаршированные тушеные баклажаны с кусочками чеснока.

– Это откуда такое великолепие? – спросил Али.

– На рынок ходил я, – ответил Егор, – а готовила Маша.

– Видишь, – сказал Али, – эта девушка просто клад, а ты привередничаешь.

– Пить будешь? – спросил Егорка, пропустив последние слова мимо ушей.

Пока Али раздумывал над ответом, вернулась Мариам и водрузила в центр стола пузатый глиняный кувшин.

Али тяжело вздохнул.

Егорка собрал все шампура и принялся снизывать куски шипящего мяса на большое железное блюдо, стоящее в центре стола. Когда кебаб перекочевал на блюдо, он достал из маленькой мисочки нарубленный лук вперемешку с зеленью, барбарисом и зернами граната, и засыпал этой смесью мясо.

– Ну вот, – довольно сказал он, – теперь порядок.

Он наполнил вином чаши.

– Это антигуманно, – сказал Али, – ведь я решил больше не пить.

– А тебя никто и не заставляет, – сказал Егорка.

Али, повернув голову, долго смотрел на гору и наконец сказал:

– А знаешь ли ты, что там, наверху, находится пещера, в которой Каин убил Авеля?

– Не знаю, – ответил Егор, – мне до еврейских разборок дела нету.

– Я думал, тебе будет интересно, – удивился Али. – Между прочим, точно так

же ответила твоя сестра.

Егорка пожал плечами.

– Ешь, – сказал он, – кебаб стынет.

– Да, спасибо, – поблагодарил Али, принимаясь за еду.

– Мария, ты тоже садись.

– Спасибо, я потом поем, – ответил Мариам. – Приятного аппетита.

И, обращаясь к Али, добавила:

– Вы слышали, он назвал меня Марией. – И скрылась в доме.

Али улыбнулся.

– Мясо бесподобное, – заметил он, – не думал я, что ты так готовишь.

– Надо бы выпить за благополучное возвращение, – сказал Егорка.

– Вообще-то я не пью, – ответил Али.

– Если бы ты не употребил слово вообще-то, я бы не настаивал, – заметил

Егорка. – А теперь предлагаю взять отсрочку еще на один день.

Али испустил тяжелый вздох и взял поднесенный ему кубок.

– Недолго же тебя пришлось уговаривать, – улыбнулся Егорка.

– Тост больно хороший, грешно не выпить.

– Да, а вино подстать тосту. Самое дорогое, какое только можно купить на рынке.

– Соришь деньгами.

– Не особо, одежды всякой Маше купил, а то на оборванца похожа была, еды, да вот вина десяток кувшинов.

– Сколько? – испугался Али.

– Десять, да они маленькие, вот такие, как этот.

– Я надеюсь, что мы не все их сегодня прикончим? – спросил Али.

– Нет, конечно, парочку надо на утро оставить, на опохмелку. Шучу. А у тебя завтра дела есть?

– Завтра нет. Послезавтра.

– Тогда можешь пить смело.

– Спасибо, без тебя я бы не это не решился.

– Кстати, коли об этом зашла речь, где ты свои деньги хранишь, если не секрет?

– От тебя у меня нет секретов. Я закопал их во дворе. Ты сидишь как раз над ними. Так что имей в виду, если я не вернусь послезавтра из дворца правителя, можешь ими распорядиться.

– Понятно, а я большую часть в лесу зарыл. А остальные при мне.

Егор приподнял рубаху и показал широкий кожаный пояс.

– То-то я смотрю, ты стал тяжел на подъем, – смеясь, заметил Али.

Когда кувшин наполовину опустел, Егор сказал:

– А стоит ли тебе ходить во дворец, если нет уверенности в том, что ты вернешься? Может быть, ограничиться перепиской. Сдай прошение в канцелярию.

– О чем ты говоришь? Канцелярия – это болото. То, что туда попадает, гибнет.

К тому же у меня нет письма Малики-Хатун. Оно осталось у магистра. Я должен сам пойти.

– Ладно, авось, пронесет. А какие планы на жизнь? Что собираешься делать?

– Я хочу купить этот дом, – сказал Али, – мне здесь нравится. На обратном пути я зашел в медресе. Предложил прочесть здесь курс лекций по мусульманскому праву.

Они приняли меня с распростертыми объятиями. Поэтому я, пожалуй, останусь здесь.

– Это хорошо, – сказал Егор. – А мне что прикажешь делать?

– Купи дом рядом со мной. Будем соседями.

– Вообще-то у меня уже есть дом. Когда я ехал к тебе, появился Фома, так получилось, что я стал сопровождать его в Иерусалим, и я подумал, что у меня слишком много с собой денег для такого долгого путешествия и по дороге купил дом.

– Вот как, – удивился Али, – и как же называется этот город?

– Баку, – ответил Егорка, – это порт, гавань. Корабли стоят там целый день. Я пошел гулять, там крепость на холме. Мне понравился один дом. Там было написано, что он продается. Я зашел из любопытства. С балкона второго этажа там открывается красивый вид на морскую бухту. Я купил его. Это недалеко от Дворца ширваншаха.

– Ну что же, я рад за тебя. Давай за это выпьем.

– Но если ты купишь здесь дом, – сказал Егор, – то я тоже куплю.

– Это правильно, – ответил Али. – Главная ценность в этой жизни – недвижимость. Хороший дом, красивая жена – что еще нужно мужчине?

– Хотя не по мне такая жизнь, – возразил Егорка. – Что за радость сидеть сиднем в этом городе. Когда мы уезжали от хорезмийцев, их эмир предложил мне должность висакчи-баши, десятника. Я сказал, что подумаю.

Ал-Малик ал-Ашраф

В субботу утром Али был в канцелярии. Катиб долго вел его по переходам и крытым галереям, пока не остановился перед закрытой дверью.

– Жди здесь, – сказал он, – тебя позовут.

– А ты уходишь? – забеспокоился Али.

– Дальше мне нельзя. Тебя дальше проводит хаджиб внутренних покоев.

Али остался один в коридоре. Время шло, и он терял уверенность в правильности своих действий. Но дверь все же открылась, из нее выглянул человек, знаком предложивший следовать за собой. Он привел Али к большим распашным дверям и напутствовал словами:

– Когда войдешь, не забудь поклониться. После этого стой и жди, пока к тебе не обратятся, тогда излагай свою просьбу. Будь краток и постарайся сразу перейти к сути. Правитель нетерпелив к просителям. Ты запомнил?

– Да, – коротко ответил Али.

Он чувствовал раздражение. Хаджиб коротко стукнул, двери открылись, и Али вошел в зал. Он сделал все, как ему говорили.

Малик Ашраф сидел на троне, рядом стоял хаджиб, в стороне сидели писцы, записывающие каждое слово.

– Тебя слушают, – вполголоса произнес хаджиб.

– Я здесь по поручению Малики-Хатун, – сказал Али, – она просит за Шихаб-ад-Дина Насави, бывшего начальника канцелярии хорезмшаха. Он находился на службе у вашего брата малика Музаффара и по недоразумению оказался под арестом...

Али продолжал говорить, но по тому безразличию, с которым его слушал правитель, уже чувствовал, что все напрасно. Он понимал, что слишком многословен.

По знаку правителя хаджиб прервал его, подняв руку. Малик Ашраф сказал:

– В твоём представлении сказано, что ты привез письмо от Малики-Хатун, дочери султана Тогрула III. Почему ты пересказываешь нам его содержание, разве ты посмел прочесть письмо, адресованное мне, и где само письмо?

«Осел», – сказал себе Али.

В первоначальной беседе с катибом он действительно упомянул о письме. Тот так и записал. Надо было предупредить, что письма уже нет.

– Что вы, я не читал письмо, – сказал Али. – Но оно было написано по просьбе Насави. Я предполагаю, что в нем может быть написано. Просто я оказался в плену у крестоносцев. Мне удалось бежать, но письмо я не сберег.

– Почему мы должны верить твоим словам, ведь предположение не есть знание? – сказал правитель.

– Вы абсолютно правы, и это не тот случай, когда писец должен ехать к адресату, поскольку никто не может разобрать его почерк.

Али рискнул пошутить, ведь терять было уже нечего. Правитель едва заметно улыбнулся, не так, как писцы, сразу оценившие суть шутки.

– Продолжай.

– Я не знаю содержания письма, я не читал его, – повторил Али. – Но я знаю обстоятельства этого дела. Насави попал в немилость, дав ход прошению Малики-Хатун об увеличении ее содержания. Она находится в стесненном положении.

– Но какое это имеет отношение ко мне? – спросил правитель. – И почему она считает, что я буду вмешиваться в действия своего брата? Наверное, у него были основания так поступить.

Али подумал, что еще не поздно уйти, не искушая судьбу. Дальнейшие доводы могли бы вызвать гнев султана, но чувство долга перед Насави, сидевшим в тюрьме, и Маликой не позволили сделать этого.

– Малика-Хатун доверилась Хусам-ад-Дину Али, вашему хаджибу в Хилате. Попросила у него защиты против притеснений со стороны Шараф-ал-Мулка, бесчестного и алчного вазира хорезмшаха. Она отдала ему на хранение свою казну. По вашему приказу хаджиб Али был казнен, а казна исчезла. Поэтому она сочла возможным попросить вас об этой милости.

– Ее казна находилась в Хилате, – сказал Малик Ашраф, – ровно до тех пор, пока город не разграбили войска ее мужа – хорезмшаха.

К счастью, возразить Али было нечего, и он молчал. Теперь его совесть была чиста перед Маликой. Он сказал больше, чем могло быть в ее письме. Тем не менее, он зачем-то сказал, больше из отчаяния, чем из лести.

– К вам она обратилась, потому что всем известно, что тот, кто правит Дамаском, считается главой дома Айюбидов.

Неизвестно, что подействовало, но правитель сказал хаджибу:

– Подготовьте фирман о выделении икта бывшей правительнице Азербайджана. Как бы то ни было, я в ответе за действия своих слуг. Что же касается Насави, то мы не будем вмешиваться в дела нашего брата Музаффара. Если у тебя все, ты можешь идти.

Али поклонился и пошел к выходу, проклиная все на свете. Но в это время хаджиб протянул правителю еще одну бумагу и что-то тихо произнес.

– Остановись, – сказал Малик Ашраф, – за твоего Насави просит также глава хорезмийцев Баракат-хан. Какое странное совпадение! Если два разных человека просят за третьего, значит, он действительно невиновен. Быть по сему. Мы напишем правителю Майафарикина и попросим отпустить Насави.

Али поклонился еще раз и, сопровождаемый хаджибом, вышел из зала.

На обратном пути он зашел в медресе, чтобы уточнить расписание занятий.

Шихаб-ад Дин-Насави

Насави стоял перед Маликой-Хатун, опустив глаза долу, стараясь не смотреть ей в лицо. Сельджукская принцесса, напротив, не считала нужным закрываться перед мужчиной, без стеснения с любопытством разглядывала бывшего секретаря своего бывшего мужа.

Когда твердолобый привратник, войдя, сказал: «Хатун, там какой-то Насави просит принять его», первым желанием принцессы было чем-нибудь запустить в тугодума, который никак не мог взять в толк, что к ней следует обращаться, как к царице. Но под рукой ничего не оказалось. Подавив гнев, Малика вспомнила, кто такой Насави и приказала привести его. Она никогда не встречалась с ним, но много слышала. Кто-то из ее окружения советовал обратиться к канцлеру хорезмшаха со своим делом. Советчик говорил, что китаб-ал-мунши – человек справедливый, и к его доводам Джалал прислушивается. Но Малика из гордости не последовала совету, начав переписку с Шараф-ал-Мулком.

– Малика, простите мне мою дерзость, – заговорил Насави, – но я не мог не прийти и не выразить вам свою благодарность за то, что вы для меня сделали.

– О чем ты? – удивилась Малика, но в следующую секунду вспомнила того выскочку, который пришел к ней с нелепой просьбой. Кажется, его звали Али. Непростительная рассеянность. Она совсем забыла о своем письме к Малику Ашрафу, поскольку никаких особых надежд на это не возлагала. Если Насави на свободе, значит, этому проныре удалось добиться аудиенции правителя Сирии.

– Я слышала, что ты пострадал, пытаюсь помочь тебе, – сделал над собой усилие, сказала Малика-Хатун. Это ее замечание можно было расценить как косвенную благодарность.

– Это так, ваше высочество, – Насави не стал отрицать, – но я не жалею, ибо считаю, что произошедшее с вами есть великая несправедливость.

– Одному Аллаху известно, почему так произошло, за что я была наказана столь жестоко, – согласилась Малика.

Короткое замужество с Джалалом оставило в ее сердце невысказанную обиду.

Насави развел руками и незаметно принюхался. Сразу же после освобождения он отправился в баню. Денег у него не было, поэтому он, назвав себя, попросил, пока он будет мыться, выстирать и высушить одежду в долг, обещав заплатить в ближайшее время. Одежду выстирали и выгладили, но ему все равно казалось, что тюремный запах из нее не выветрился.

При освобождении ему вручили письмо от Баракат-хана, из которого следовало, что последний приглашает его на службу, на должность вазира. Насави преисполнился воодушевления. Поэтому прямо из бани он отправился высказать благодарность Малике-Хатун, ибо Насави числил неблагодарность одним из худших человеческих пороков.

– Что ты думаешь по этому поводу? – спросила Малика.

– Главное то, что думаете вы, – осторожно заметил Насави, – истина субъективна, и у каждого своя правда.

– Прекрасный ответ, – сказала Малика, – достойный царедворца. А теперь скажи мне, что я сделала неправильно? Тебе сейчас нет никакого резона лгать мне.

– Лучшее – враг хорошего, – помедлил, заявил Насави.

– Продолжай, пока мне непонятно.

– Нас часто губят лишние движения, – продолжил Насави. – Когда вы капитулировали, выговорив себе в качестве отступного Хой, Салмас и Урмию, – это было разумно и достаточно, ибо в тот момент Джалалу нельзя было противостоять. Да от вас этого никто и не ждал. Был атабек Узбек, который нес ответственность за все происходящее в стране. В результате соглашения вы сохранили определенную независимость и свое богатство. Но когда вы вступили в брак с хорезмшахом, то, обретя новый, казалось бы, более значимый и почетный статус, вы разом все утратили, став собственностью своего мужа. И богатство, и самое главное – независимость. Именно ваш новый статус развязал руки Шараф-ал-Мулку, потворствовал его алчности.

– Почему ты послал ко мне этого человека? – после долгой паузы спросила Малика. – С чего ты взял, что я буду просить за тебя?

– Я попал в немилость, хлопоча за вас.

– Не надо лукавить. Я не просила тебя об этом, опытный царедворец, ты должен был знать, что благодарность к слугам не входит в список добродетелей владык. Неужели ты рассчитывал на это?

– Я рассчитывал на то, что вы не откажетесь от возможности косвенно, сохранив достоинство, напомнить о себе.

– Ты умен, Насави, – с горечью признала Малика, – а я глупа. Ты все правильно рассчитал и добился своего, а я – нет. Как видишь, я продолжаю пребывать в довольно жалком положении – нищенский пенсион, дом, который я не в силах содержать, и несколько слуг, которые втайне посмеиваются надо мной.

– Айюбидам ничего не стоило помочь мне, – ответил на этот скрытый упрек Насави, – всего лишь выпустить меня из тюрьмы. Гораздо сложнее восстановить справедливость в отношении вас. Когда вы обратились за помощью к хаджибу Али...

– Я знаю, что не должна была этого делать, – прервала его Малика, – если ты об этом.

– Вовсе нет, дело не в этом. Вы доверили свою казну хаджибу Али. Последний был казнен в Хилате. Но казна не досталась Малику Ашрафу, она оставалась в осажденном городе и была разграблена при его взятии.

– Какое мне до этого дело? Али был наместником Ашрафа. Ашраф в ответе за поступки своего человека.

– Формально это так, – согласился Насави, поняв, что Малика не сможет внять его доводам. – Но была война, это положение освобождает стороны от выполнения договоренностей. Поймите меня правильно. Я лишь хочу сказать, что в данном случае со стороны Ашрафа потребуются благородство и щедрость. Это редкие качества. Ими обладал мой господин. Я чувствую некоторую вину перед вами. Я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы вернуть вам былое положение.

– Ты вернешь мне потерянную страну? – усмехнулась Малика.

– Нет, но я постараюсь вернуть вам достаток. Я уверен, что малик Ашраф понял, что стояло за вашим письмом. Кроме того, вы помните Баракат-хана? Воспитанника атабека Узбека? Его выбрали главой хорезмийцев. Я получил от него приглашение занять должность вазира. Я напомню ему о вас. В данный момент Малик Ашраф сильно нуждается в хорезмийцах.

– Не стоит с этим обращаться к Баракат-хану. Не думаю, что он поможет мне после того, как я поступила с его воспитателем. Хотя какое-то время он жил у меня во дворце. И всякий раз, когда Узбек убегал от кого-нибудь, он оставлял мальчика на мое попечение.

– Думаю, что я найду правильные слова, чтобы достучаться до его сердца, – сказал Насави.

– Чем угостить тебя? – спросила она. – Скажи, чего ты хочешь из еды и питья?

– Благодарю вас, ваше высочество, – отказался Насави, – я пойду, если вы позволите.

– Ты заговорил о достоинствах своего господина, – неожиданно сказала Малика. – Так странно, что, будучи женой, я совсем не знала его. Каким он был?

Насави удивленно взглянул на Малику. Помедлив, он сказал глухим голосом:

– Это был лев среди львов. Самый отважный человек своего времени. В минуты, когда его спутникам грозила неминуемая гибель, он проявлял отчаянную храбрость. И спасал тем самым жизни. В то же время он был кроток, никогда не повышал голоса, никогда не смеялся, лишь улыбался, был серьезен, не бранился, был немногословен. Он был справедлив, но времена смуты возобладали над ним. Он любил облегчать жизнь своих подданных, но правил во время упадка и потому прибегал к насилию. Да упокоит Аллах его душу и освятит его могилу.

– Аминь, – сказала Малика.

– Если бы вы, ваше высочество, дождались его возвращения, все было бы иначе.

– Я давно это поняла, – сказала принцесса. – Только что сейчас об этом говорить... спасибо, что зашел. Я рада, что познакомилась с тобой. Мне надо было поговорить с кем-то из его ближнего круга. Невысказанные слова тяготили меня.

Насави поклонился и ушел.

После его ухода Малика-Хатун вдруг почувствовала приступ такого острого одиночества, что едва удержалась от слез. «Не надо было принимать его, – с досадой сказала она себе. – И вообще ввязываться в это дело. Только унизилась лишний раз». Всякое напоминание о прошлом лишь напрасно бередило зажившие раны. Она была совершенно одна, без мужа, без детей, без денег и, что самое страшное, без надежды. Определенно, впереди ее ждали только нужда и неумолимая старость.

Вошел привратник и неуклюже поклонился.

– Ну, что тебе еще нужно от меня? – спросила принцесса.

– Хатун, там еще один посетитель, – сказал привратник.

– Еще один посетитель? – недоверчиво спросила Малика-Хатун. – Кто?

– Сказал, что его зовут Али.

– Зови его сюда, – нетерпеливо сказала принцесса.

Привратник ввел гостя и по мановению руки хозяйки удалился.

Али приветствовал Малику.

– Перед тобой у меня был счастливый положением своих дел человек, – сказала принцесса. – На сегодня с меня довольно. Так что если тебе нечем меня удивить, лучше сразу уходи. Я не умею радоваться счастьем других людей.

Ни слова не говоря, Али извлек из рукава свиток бумаги и с поклоном протянул его Малике.

– Что это?

– Фирман султана Ашрафа о выделении вам икта.

Али трудно было удержаться от радостной улыбки. Лицо Малики, напротив, было непроницаемым.

– Ты что же, позволил себе прочесть адресованный мне маншур? – холодно осведомилась она.

– Почему-то все подозревают меня в том, что я читаю чужие письма, – обиделся Али. – Нет, что вы. Посмотрите, печать нетронута. Я просто знаю, что в нем, султан сказал об этом на аудиенции. Я вызвался доставить его вам.

– Зачем, тебе что, нечем больше заняться?

– Я приехал сказать Насави об освобождении и передать ему ваш фирман, чтобы он принес его вам, но в тюрьме его не оказалось. И тогда я сам пришел сюда. Но я даже был этому рад. Мне хотелось увидеть вас еще раз.

Малика удивленно взглянула на него.

– А ты дерзок.

– Простите, я неточно выразился, я хотел сказать, лично доставить радостную весть. Но я вижу, что на вас она не произвела впечатления.

– Икта, – горько усмехнулась принцесса, – раньше мне принадлежало государство, и я сама раздавала икта таким, как Малик Ашраф.

– Вы правы, я как-то не сообразил, – согласился Али. – Мне не пришло это в голову.

– Насави только что был здесь с изъявлениями благодарности.

– Значит, я с ним разминуся.

– Обещал похлопотать за меня, – ее губы тронула едва заметная улыбка. – Но ты его опередил.

После этого наступила долгая и тягостная пауза, во время которой Али спрашивал себя, за каким чертом он сюда притащился, или, как выразился бы Егорка, какого рожна ему здесь было надо. Али хотелось сделать для забытой всеми государыни Азербайджана что-то хорошее, потому что, несмотря ни на что, он жалел ее. Она была искренней и честной в своих поступках, какими бы вызывающими и неординарными они ни были. Ее осуждали все, но никто не мог с уверенностью сказать, что стояло за ее поступком, когда она предложила себя в жены хорезмшаху: чувство или рассудок. Однако в итоге она потеряла все, и это не могло не вызывать сочувствия. Али казалось, что она будет рада хорошей вести, но он, наивный человек, забыл, с кем имеет дело. Царицу в изгнании он думал обрадовать скромной рентой. Этим можно было осчастливить безродного бека, но не ее.

– Позвольте мне уйти, – сказал Али.

– Как мне отблагодарить тебя? – вдруг спросила Малика-Хатун.

– Ваши слова уже награда для меня.

На этот раз принцесса не стала сдерживать улыбку.

– Хорошо, – сказала она, – тем более, что мне особенно нечем тебя одарить, но мои слова, прими их в знак благодарности. Где ты остановился?

– Караван-сарай у ворот Баб-эль-Сагир.

– Я буду знать, где тебя найти. Чем ты думаешь заняться дальше?

– Я буду преподавать основы фикха в медресе Дамаска.

– Ах, да, я и забыла, ты ведь отправлялся в хадж. Надеюсь, твое паломничество в Мекку было благополучным, и тебя можно теперь называть хаджи?

– Увы, я не доехал до Аравии. В пути мы попали в плен крестоносцам на одном из постоянных дворов. При мне обнаружили ваше письмо, адресованное Малику Ашрафу. Они решили, что я шпион, арестовали меня, отвезли в Иерусалим. Но судьба была благосклонна ко мне, я обрел свободу и выполнил ваше поручение.

– У тебя были серьезные испытания из-за меня. Я стала преградой на пути твоего хаджа.

Али развел руками.

– Мне нечего возразить. Но я не жалею ни о чем.

– А знаешь ли, благородный Али, хотя ты, как хафиз, должен это знать: есть добрые дела, которые приравниваются к хаджу, а иногда даже перевешивают его.

Али улыбнулся и произнес:

– «Не равняются сидящие из верующих, не испытывающие вреда, и усердствующие на пути Аллаха своим имуществом и своими душами».

– Именно так, – подтвердила Малика, – ты спас Насави от тюрьмы, ты облегчил мое положение. Ты сделал больше, чем просто хадж. Ты помог людям. Ведь религия Мохаммеда – это религия любви к людям. Разве можно сравнивать поездку в Мекку и реальную помощь живым людям, так что в каком-то смысле твой хадж состоялся. Они ведь разные – дороги хаджа.

– Спасибо, – сказал тронутый Али, – я подозревал, но нужно было, чтобы кто-то другой сказал мне об этом.

Вместо эпилога

«Дорогой Али!

Я пишу эти строки, даже не зная, прочтешь ли ты их. Но я очень надеюсь на это, потому что мне не хватает общения с тобой. Когда галера отчалила от пристани, на меня накатила такая тоска и страх перед неизвестностью, что я едва удержалась, чтобы не броситься в воду и не поплыть обратно. Потом были долгое плавание и еще более долгая дорога. И все это время я кляла себя последними словами за то, что променяла жизнь с вами на это сомнительное замужество. Но не переживай за меня, к счастью, все обернулось лучшим образом. Вообрази себе, что я теперь живу в самом настоящем рыцарском замке. То есть я, будучи женой сеньора Раймонда, являюсь хозяйкой этого замка. Это очень красивое место. Сам замок находится на холме, а внизу поля, лес и река, там же и деревня. И все это принадлежит Раймонду. В замке есть большой зал с камином, вечерами мы сидим там. Раймонд играет на гитаре и поет для меня песни, которые сам сочиняет. В камине пылает огонь. Я смотрю на него и вспоминаю нашу прошлую жизнь. И, наконец, самое главное – у меня родился сын, и меня переполняет счастье, я должна им поделиться, поэтому я пишу это письмо. И еще я тебе очень благодарна. Не буду объяснять, за что. Думаю, что ты сам поймешь, потому что ты умный. Обними моего брата, я по нему тоже очень скучаю. Как у него сложилось с этой девочкой Машей? Теперь-то я понимаю, что в очередной раз поступила как эгоистка, но мне кажется, что она должна ему понравиться. Мне бы очень хотелось увидеть вас, чтобы вы приехали ко мне в гости. Вряд ли это возможно. Но я не теряю надежды.

Ваша Лада.

P.S.

Мне пришлось принять католичество. Надеюсь, что ты не осудишь меня. Ты же сам говорил, что Бог один. А конфессия не имеет никакого значения».

НАЗИР РУСТАМ

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

Любовные письма

Мы любовные письма не пишем давно,
Поутих пыл страстей у влюбленных в сердцах.
Кто напишет последнее в мире письмо –
И отложит перо, не дойдя до конца?..

Что ни день, то меняет кумиров наш мир.
Кто возьмется любовные письма читать?
Не согреет дыханье тех строчек немых,
Не склонится над ними кудрявая прядь...

Мы любовные письма не пишем – а зря.
Строчки-птицы уже не парят в небесах.
После ночи бессонной встревоженный взгляд
Не летит за порог в ожиданьи письма.

Этим письмам открыт был великий секрет:
Как угасших надежд вновь огонь оживить
Или ласковым словом обиду стереть,
Тех, кто в ссоре, одною строкой примирить...

Эти письма... Безмолвных признаний букет,
Нежной ночи дыханье, любовный напев.
Этих чувств горячей и возвышенной нет,
Это лучшее – слышишь? – во мне и в тебе.

Их страницы забыли касанье пера,
А возьмешься небрежно о прошлом судить –
Разрыдаются горько, рассыплются в прах
Эти письма, обиженные людьми...

* * *

Иногда хочу человеком – быть.
Иногда хочу человеком – слыть.
Иногда как живется, так и живу:
загораюсь любовью,
печали жую,
ошибаюсь,
сбиваюсь с пути,
исправляюсь,
по тебе скучаю...
Живу, как живу.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

Ворона на веревочке

Рассказ

В один из последних дней августа, когда они уже потихоньку начинали собираться в город – до начала занятий в школе оставалась всего неделя (тогда еще занятия начинались 1-го сентября) – в раскрытое окно их дачи залетела большая крикливая черная птица.

– Не к добру, – сказала няня.

– Ерунда, – усмехнулась Ма.

– Ой, какая... – запищали девочки. – Ма, а пусть она будет жить у нас!

Ворона облетела комнату, натываясь на стены, и, усевшись на столе, стала склевывать с тарелки Мары недоеденную гречку.

– Смотри, ест! – пропищала Аля и пододвинула вороне свою тарелку. Та отдала должное и ее угощению, после чего перешла к тарелке с колбасой, которой так увлеклась, что даже позволила Але погладить себя по глянцевому крылу, что привело девочек в полный восторг, и они принялись уговаривать Ма оставить ворону жить у них на даче.

– Ну, хорошо, – согласилась, наконец, Ма (так девочки звали свою мать). – Но в доме она жить не может.

– Почему?! – в один голос закричали девочки.

– Ну, хотя бы потому, что вороны не различают, где стол, а где – унитаз, – ответила Ма, указав на пятно, которым ворона украсила скатерть.

– А где же она будет жить? – спросила Мара.

– Она будет жить во дворе. А чтобы не улетела, привяжем ее.

Так и сделали. Ма нашла в кладовке старую, но все еще прочную бельевую веревку, один ее конец привязала к металлическому штырю в стене у окна, а другой – к вороньей лапе. Вербка была довольно длинной, метров пять, и ворона могла летать по саду, долетая до беседки, где она могла укрыться в случае дождя. Каждое утро девочки выставляли для нее на подоконник щедрое угощение, которое ворона охотно поглощала – правда, только первые несколько дней. Потом ворона загрустила, стала рваться с привязи, перестала есть, а однажды утром, отлетев от дома на всю длину веревки, разогналась и с налету врезалась в стену дома. И – упала за-мертво...

Мара и Аля долго плакали, а потом похоронили ворону в коробке из-под обуви под старым тутовым деревом...

...Аля торопилась закончить все домашние дела – скоро должна была прийти Мара, которую она, наконец, уговорила сходить к врачу. Мару пугало слово «психотерапевт», она считала, что, согласившись на визит к нему, она как бы сама признает себя сумасшедшей. Аля объясняла ей, что это совсем не так, но убедить в этом

сестру не смогла, и когда та в конце концов сдалась и согласилась на этот визит, вид у нее был такой, будто она хотела сказать: ну, что ж, наверное, я и вправду сумасшедшая, ведите меня, куда хотите, делайте, что хотите, только помогите, потому что мне очень плохо.

Ей и впрямь было плохо и ее нужно было спасать – в этом Аля была убеждена: что-то сдвинулось у нее в голове, и теперь она видела все происходящее с ней и вообще все вокруг под каким-то странным, неправильным углом – так считала Аля...

Мара же считала по-другому, и если она согласилась пойти к психотерапевту, то только потому, что вспомнила, что в прежние времена пациентов таких специалистов называли душевнобольными. А это слово очень точно характеризовало нынешнее ее состояние: душа ее болела, ныла, страдала, рвалась на части, стремясь вырваться из тела, чтобы обрести свободу и покой, которых она не знала уже давно. Но тело мешало ей – тело диктовало свои правила и условия, придерживаться которых Маре становилось все труднее. И согласиться пойти к найденному Алей врачу («Это хороший врач, он многим помог, к нему очень трудно попасть, но мне удалось через знакомых договориться», – с гордостью заявляла Аля) Мару тоже заставило тело, которое опасалось за свое существование...

Рассуждая так, Мара брела по почти пустому бульвару – был рабочий день, рабочее время, стоял холодный, ветреный ноябрьский день, и охотников до прогулок у моря, с которого дул пронизывающий ветер, не было. Маре же все это было на руку – и ветер, который остужал ее больную от переполнявших мыслей голову, и то, что вокруг почти никого не было, и никто и ничто не отвлекало ее от этих самых бившихся в мозгу мыслей, в которых Мара пыталась, но никак не могла разобраться ...

Она подошла к краю металлического парапета, тянувшегося вдоль моря и, облокотившись на него, стала смотреть на колышущиеся внизу серые тяжелые волны. Шальная мысль вновь пришла ей в голову...

Ей представилось, как она погружается в эти серые, тяжелые волны, и они смыкаются над ней... душа – она была «за», но тело все еще было против...

...Аля взглянула на часы – до прихода Мары оставалось еще полчаса. Вымыть голову она уже не успеет, но быстренько ополоснуться в душе времени хватит. Потом – Мара, врач, уютный ресторанчик, где она собиралась посидеть с Марой после визита к психотерапевту, чтобы отвлечь ее от дурных мыслей, которые в последнее время лезли ей в голову. А потом – домой, к Вагуле – он к этому времени уже придет с работы...

Аля любила свой дом, своего мужа – все, что даровал ей Господь, и за что она была благодарна судьбе. У Мары тоже все это было: дом, муж и даже дети – то, чего не было у Али, и чего она очень ждала и желала. Но даже и так, без детей – а они у нее со временем непременно появятся, она в это твердо верила – Аля была счастлива, а Мара, имея все это – несчастна...

Это, конечно же, было ненормально, и помочь в этом Маре мог только врач, потому что Аля исчерпала все свои доводы, пытаясь убедить Мару, что все ее мысли и подозрения, вся ее хандра – беспочвенны...

...Мара оторвала взгляд от завораживающего и притягивающего движения

серых волн и, подняв голову, посмотрела вверх, в небо – такое же тяжелое и серое, как и тяжелые водяные валы внизу. Все серое, серое – как и вся ее жизнь...

Когда-то ей снились цветные сны. Она просыпалась и долго лежала, не открывая глаз, перебирая в памяти увиденные во сне яркие картинки... Теперь, просыпаясь, она старалась поскорее забыть то, что ей снилось. Но и явь была не лучше. Да и могло ли быть иначе? «Сны – причудливое отражение действительности»... Кто это сказал? Наверное, знал, что говорит...

Мара вспомнила свой последний сон. И с чего ей приснилась эта ворона – выплыла из глубин памяти...

Сон был, как и все ее сны в последнее время, даже не черно-белый, а – серый: серое низкое небо, голая серая степь и на ней – небольшое черное пятно. Маре все виделось как бы с высоты птичьего полета, и она не могла разобрать, что это за пятно, но почему-то знала, что это она, ворона – та самая, с их дачи, из детства...

Дача, детство... Это были одни из лучших ее воспоминаний, да и вообще все воспоминания, кроме воспоминаний последних лет, были цветными, счастливыми... Дача в Мардакянах, небольшая, но уютная. Ее построил для них дядя Фаик – «бой френд» Ма, с которой они вместе работали на обувной фабрике, он – замдиректора по хозяйству, она – главбухом. Они были нужны друг другу – вместе обделывали какие-то дела и вместе спали. Ма была разведена, а у дяди Фаика была семья – жена и двое детей. Семью он не оставлял, и Ма этого не хотела, ей так было удобнее. Да и какая он ей пара? Она – высокая, статная, зеленоглазая, с копной шелковистых темных волос. Он – маленький, лысый, носатый... Ну, а так... «Он меня устраивает, – говорила Ма, – во всем».

Девочек он тоже устраивал. Вернее, нет, не так – они были привязаны к нему, по-своему любили, отвечая на его (они это чувствовали!) привязанность и любовь к ним. Фактически они тоже были его семьей – второй, для которой он делал все, что должен делать для своей семьи настоящий мужчина: устраивал девочек в школу, а потом – в институт, находил им врачей, если это было нужно... Он же устроил и их свадьбы, когда пришло время выходить девочкам замуж. В чем-то он даже был им ближе, чем Ма – теплее, что ли...

Маре вспомнилось, как однажды летом во двор их дачи пришла женщина – невзрачная, маленькая. Был выходной, Ма сидела с девочками во дворе за самоваром... Женщина с порога начала ругаться, выкрикивая что-то оскорбительное в адрес Ма. Из ее бессвязной речи Мара поняла, что это – жена дяди Фаика, и что она требует, чтобы Ма оставила ее мужа в покое.

– Верни его мне, он не твой! – кричала она в слезах.

При этих словах Ма встала из-за стола и, с высоты своего величавого роста взглянув на маленькую растрепанную женщину, сказала с холодным презрением:

– Я твоего мужа не держу. Забирай... если сможешь.

Женщина, сжавшись, став еще меньше, сгорбившись, вышла за ворота... Забрать у Ма дядю Фаика она не смогла – судя по тому, что дядя Фаик из их дома не исчез, и все продолжало идти по-прежнему...

Мара тогда особо не заморачивалась по поводу всех этих вещей – она просто жила, радовалась морю, солнцу, чаепитиям у самовара теплыми летними вечерами на даче и вечернему кофе с тортом «Абшерон» в их городской квартире в холодное время года. Хотя пить кофе на ночь и вредно, они пили зимними вечерами именно кофе, и ничего – спали все прекрасно...

В школе Мара особенно ни с кем не дружила. Они очень дружны были с сестрой Алей, с которой были погодками – Аля всего на год младше. И подружки Маре были не нужны – ей хватало сестренки, с которой они учились в одном классе: Ма решила отдать Мару в школу на год позже положенного, чтобы она дождалась Али, и они учились вместе. А вот институты сестры выбрали разные: Мара пошла по стопам Ма – поступила в *нархоз*, учиться на бухгалтера, а Аля выбрала *инъяз*. И тогда у каждой появились свои друзья, свои новые интересы, хотя они по-прежнему были близки друг другу...

В институте Мара встретила Эмина. Оба были молоды, красивы, их тянуло друг к другу...

У Мары и до этого были парни, в нее трудно было не влюбиться – она унаследовала яркую красоту Ма и веселый нрав отца. Отца Мара помнила плохо, он ушел от них и уехал из города, когда ей было всего восемь лет. Но то, что с ним всегда было весело – это помнила хорошо.

С Эмином тоже было весело, этим он, наверное, ее и подкупил. Они сыграли свадьбу, когда оба были на третьем курсе. Ма была не против, жених ее устраивал: красив, здоров и родни почти не имеет – отец умер, мать с новым мужем живет в другом городе, родных братьев и сестер у жениха нет. А то, что за душой ни гроша – так это дело наживное.

Когда Мара и Эмин закончили институт, Ма взяла зятя к себе на работу. Фабрику к тому времени закрыли, и Ма на пару с дядей Фаиком открыли ресторан. Вот туда-то Ма и устроила мужа своей старшей дочери. Она бы и второго зятя взяла к себе – Аля вышла замуж через два года после Мары, но тот был военным и вообще человеком самостоятельным и твердым. Он резко отверг настоятельное предложение тещи жить с женой в ее доме – «Будем все как одна большая семья», – говорила мать. Они к тому времени сменили свою квартиру в девятиэтажке на собственный двухэтажный дом, который Ма умудрилась выстроить почти в центре города.

– У нас просторный дом, новый, что вам уютиться в твоей «двушке», – твердила Ма зятю, однако Вагиф вежливо, но твердо отказался.

Вообще они с Ма недолюбливали друг друга, хотя этого и не афишировали. Зато в первом своем зяте Ма души не чаяла, они с ним просто спелась, как говорила Аля. Ма купила ему машину, и теперь ее отвозил на работу не дядя Фаик, а Эмин. Дядя Фаик же как-то незаметно исчез из их дома – стал появляться все реже, с Ма они вели себя так, что было ясно: между ними черная кошка пробежала, а потом и вовсе пропал.

Мара звонила ему какое-то время, чувствовала – он всегда рад ее звонкам. Первые несколько раз спрашивал, не мать ли попросила Мару позвонить, узнав, что не она, как-то сникал, это чувствовалось по голосу. Мара однажды спросила Ма, почему дядя Фаик исчез из их дома. Ма ответила резко – дескать, кто такой дядя Фаик и почему он должен к ним ходить. Мара удивленно взглянула на нее:

– Ты спрашиваешь, кто такой дядя Фаик? Сама не помнишь, надо объяснять?

– Ну, и кто же он? Объясни, – криво усмехнулась Ма.

– Он наш друг, ты забыла, сколько он для нас сделал?

– Он – мой любовник, – жестко возразила Ма и уточнила: – Был им. А все, что он для нас сделал – не беспокойся, мы в расчете. – И пояснила: – Думаешь, приятно было с таким красавцем?..

Мара не верила своим ушам.

– Так ты что, продавалась ему? – дерзко спросила она. Маре не был безразличен этот человек, и ей было обидно за него. Ма резко бросила ей в лицо:

– Дурра! – и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

Вот тогда в голове у Мары, такой прежде легкой, беззаботной, впервые зашевелились эти серые червяки – мысли, которые мучили ее, не давая покоя. Вечером, когда Ма вернулась с работы, Мара боялась посмотреть ей в лицо, стыдясь утреннего разговора – стыдясь за мать и за то, что она сказала. Но Ма сама подошла к ней, взяла за подбородок и, глядя ей в глаза, сказала:

– Не сердись на меня, девочка, я понимаю, ты вправе на меня сердиться за то, что я сказала. Но ты же не думаешь, что это правда. Я сказала так сгоряча, не ожидала от тебя таких вопросов. Я понимаю, ты привязана к дяде Фаику, он и вправду многое сделал для нас, он хороший человек, и я очень ему благодарна за все. Но я вынуждена была прекратить с ним отношения из-за тебя, твоей семьи, не нужно, чтобы сейчас дядя Фаик бывал в нашем доме, это породило бы у Эмина лишние вопросы и ко мне, и к тебе, ведь о дочери судят по матери... Прости меня, девочка... А с дядей Фаиком у нас все нормально, он все понял и не держит на меня обиды. Скучает, быть может, немного, но это пройдет. Иди ко мне, маленькая, давай обнимемся, – и она прижала Мару к себе.

И Мара поверила ей. Тогда поверила...

За оставшиеся до прихода Мары полчаса Аля не только успела ополоснуться в душе, но и сбежать в магазин «Бон аппетит» неподалеку от их дома и купить там любимых пирожных Мары. Она попросила Мару прийти за два часа до визита к врачу – Але хотелось поболтать с Марой, как болтали они всегда прежде почти каждый день, а в последнее время – все реже. После их разговора, когда Мара рассказала ей о своих проблемах, а Аля, как посчитала Мара, не смогла ее понять, сестра как-то закрылась от нее, ушла в себя, почужела, что ли...

Але очень не хватало их былого общения, но в последний раз, когда Мара пришла к ней и сама сказала, что согласна на психиатра, Але показалось, что то, что стояло между ними, рассеялось, и у них снова все по-прежнему...

Аля разложила пирожные на блюде, поставила блюдо на стеклянный столик, придвинутый к дивану, нарезала лимон, заварила свежий чай... «Ну вот, все успела», – подумала довольно. Но Мара запаздывала. «Ну, впрочем, как всегда», – подумала Аля. – Ничего, скоро будет», – и села на диван с новым журналом в руках...

...Да, тогда Мара поверила матери, приняла ее объяснение, даже почувствовала к ней благодарность – это ведь ради нее, Мары. И все пошло по-прежнему: мать с Эмином с утра уезжали, Мара оставалась дома с близняшками, которые родились у них с Эмином вскоре после свадьбы.

У нее была прислуга – нянька и помощница по хозяйству, так что Мара могла, если надо, отлучаться из дому. Но – ненадолго: Эмин и Ма требовали, чтобы она находилась дома и контролировала там ситуацию, а к вечеру отправляла прислугу домой – чтобы к их приходу в доме не было посторонних людей. Ужин мужу и матери Мара должна была подавать сама – так хотел Эмин. Мара понимала: они с Ма приходили с работы уставшие, им хотелось отдохнуть, да ей это было вовсе не трудно

– и она накрывала на стол, подавала им тарелки с едой, хлеб, нарезала салат... Но в последнее время Эмин как будто стал забывать, что разговаривает с женой, а не с прислугой. Впрочем, сама Мара не позволила бы себе разговаривать так даже с их домработницей.

– А соль где?! Как хлеб накромяла – по себе, что ли? – намекая на то, что Мара после родов заметно поправилась, грубо говорил он. – Что за скатерть, полы ты ею мыла?..

Он был груб, а главное – несправедлив. Мара вообще не привыкла к подобному обращению, а тем более – со стороны мужа, который прежде был на редкость ласков, внимателен и предупредителен. У нее было ощущение, что он разлюбил ее, что она его просто раздражает. А главное – она перестала интересоваться им как женщина. Да и вообще перестала интересоваться...

Увидев слезы у нее на глазах, он говорил:

– Ну вот, опять разнюнилась! Что я тебе такого сказал? Истеричка!

Похоже было, он считал, что такое поведение в порядке вещей... А как-то раз, едва сев за стол, он швырнул на пол вилку, заявив, что она недостаточно чистая... Мара выскочила из дому в чем была, слезы душили ее ...

...Аля перевернула страницу журнала и взглянула на часы – Мара действительно серьезно запаздывала. «Неужели все же передумала? Да нет, Мара была всегда человеком слова: раз обещала, значит – придет. А врач ей необходим, она стала слишком нервной, взвинченной, обидчивой, истерит на пустом месте... Понятно, дети, дом, который она должна вести... Но это ведь все приятные хлопоты, а Мара обижена на весь мир, будто это не у нее дом – полная чаша, муж красавец, чудесные малыши. Мара же всем недовольна. Вспомнить хоть тот случай, когда Мара поздно вечером позвонила к ним в дверь, потребовала, чтобы Аля расплатилась с оставшимся у подъезда таксистом и, рыдая, заявила, что домой больше не вернется – никогда, ни за что! А дело-то было всего-навсего в вилке, которую Эмин в сердцах бросил на пол. Ну, разве это повод для развода? Разве Мара адекватна? С ней явно что-то происходит, и чем ей помочь, Аля не знает. Тут, видимо, все же нужен специалист...

...Мара тогда на ночь глядя прибежала к Але, а наутро приехали Ма с Эмином и уговорили ее вернуться – Эмин извинялся, просил прощения, мать умоляла не делать глупостей, ведь ничего серьезного, в сущности, не случилось... Мара, скрепя сердце, вернулась, но обида осталась. И желание что-то изменить в своей жизни – тоже. Тем более, что после ее возвращения ничего не изменилось – Эмин был холоден с ней, утром они с Ма завтракали вместе, вместе же уезжали на работу, вечером вместе возвращались и, поужинав, вместе смотрели телевизор, пока Мара убирала со стола, мыла посуду, укладывала детей...

Вот с Ма Эмин был нежен. Иногда Маре казалось – слишком нежен. Да и Ма была с ним ласкова – то по волосам проведет, то руку на колено положит... Сначала Мару это не тревожило. Но со временем стало настораживать. Однажды, уложив детей, она вышла в гостиную. Телевизор работал, но ни Ма, ни Эмина не было. Она пошла их разыскивать, обошла весь дом и, наконец, обнаружила Эмина на втором этаже выходящим из спальни матери. Он показался Маре возбужденным – легкая

улыбка, блеск в глазах... Давно Мара не видела его таким. Внезапно в голове у нее проскользнуло смутное подозрение. «Что ты там делал?» – спросила она резко. Ей показалось, что Эмин на минуту смутился, но потом ответил вызывающе: «Сидел с твоей матерью. Ей стало плохо, поднялось давление». «Почему не позвал меня?» «Зачем? Ты укладывала детей, я был свободен»... И, давая понять, что разговор окончен, насвистывая, стал спускаться по лестнице. Когда Мара вошла в их спальню, он уже похрапывал – как ей показалось, демонстративно, – отвернувшись лицом к стене...

...Аля уже начала тревожиться: Мары не было слишком долго. Она набрала номер ее мобильного. «Извини, задерживаюсь», – ответила Мара сразу. «Мара, отнесись к этому серьезно, – попросила Аля. – Ты же понимаешь, что тебе нужно сходить к врачу, и он нас ждет». «Я понимаю, – ответила Мара, – я буду через полчаса». Аля облегченно вздохнула – хорошо, что Мара сама все понимает. А врач ей просто необходим – нелепые мысли, которые в последнее время у нее появляются, не могут рождаться в голове здорового человека. Мысли не то, чтобы даже нелепые – они просто дикие! Чего стоит это вообще невероятное заявление Мары, что Эмин будто бы завел шашни с их матерью! Аля, услышав это, была просто в шоке. «Как тебе только могло прийти такое в голову?!» Мара пыталась ей что-то доказать, приводила какие-то факты, доводы, но Аля не видела в них доказательств того страшного обвинения, которое выдвинула Мара против собственных матери и мужа. «Ты все неверно интерпретируешь, ты видишь что-то там, где этого нет и не может быть!» – взволнованно твердила Аля.

«Никто не верит и никто не понимает», – горько сказала тогда Мара, и Але стало нестерпимо жаль ее. «Бедная сестричка, почему все это должно было с ней случиться?» – думала она...

... А Мара тогда всю ночь не могла уснуть. Утром она напрямик спросила у матери:

– Ты хочешь отнять у меня Эмина?

Ма обернулась, холодно взглянула на нее через плечо... Мара уже видела этот взгляд – так Ма смотрела на жену дяди Фаика, когда та пришла просить оставить ей ее мужа. Маре показалось, что мать сейчас скажет, как и в тот раз: «Он мне не нужен, забери его – если сможешь!»

Наверное, мать что-то поняла по лицу Мары – выражение ее глаз мгновенно изменилось.

– О чем ты, Мара? – спросила она изумленно.

– Ты знаешь, о чем, – ответила Мара.

– Не знаю, – ответила мать, – и даже не подозреваю, о чем может идти речь.

И тогда Мара спросила напрямик:

– Ты спишь с ним?

Ма изменилась в лице. Маре показалось, что сейчас она ударит ее. Но потом в ее глазах она увидела растерянность – Ма медлила с ответом, будто соображала, что нужно сказать. Наконец она сказала:

– Бедная моя девочка, тебе совсем плохо... Ты переутомилась и несешь всякую

чушь!

– Ты не ответила на мой вопрос, – упрямо заявила Мара.

– Да? А мне показалось, что ответила, – холодно сказала мать и вышла из комнаты.

...Они с Эмином уехали, не позавтракав. А когда вернулись, Мары дома не нашли. Не пришла она ни ночью, ни на следующий день. На этот раз Мара не пошла к Але – знала, что ее будут искать в первую очередь там. Лишь позвонила сестре, сказав, что с ней все в порядке и чтобы о ней не беспокоились и не искали. Деньги у нее были – прихватила из дому, решив, что потом обязательно отдаст. Заработает – и отдаст. О детях она не беспокоилась – о них было кому позаботиться. Скучала, конечно, но сейчас ей важно было успокоиться, обрести внутреннее равновесие, что-то понять и, наверное, пересмотреть в своей жизни. Несколько дней она наслаждалась одиночеством и покоем. Потом стала обзванивать знакомых в надежде на то, что они помогут ей с работой. На ее просьбу откликнулись сразу несколько старых друзей, так что она могла даже выбирать. Да и профессия у нее была востребованная во все времена – бухгалтера и экономисты нужны всегда и везде.

Ей нужно было стать независимой от матери и Эмина – в материальном плане в первую очередь. Жилье у нее уже было, а детей она потом заберет и будет жить с ними и для них... И сможет уважать себя, не чувствовать постоянно растоптанной и униженной. Да, именно так ей и нужно жить – жить так, как прежде, она уже больше е сможет...

Друзья, которым она звонила – Мара предусмотрительно никому не давала свой новый телефонный номер, она обзавелась им в первый же день после своего бегства – говорили, что мать разыскивает ее, спрашивает, где она может быть, твердит, что Мара больна и ей опасно находиться вне семьи, одной. Мара просила их не говорить матери о ней ничего. И все же Ма разыскала ее – уж как ей это удалось, Мара не ведала. Впрочем, город у них хоть и большой, а все же – тесный, и новости в нем разносятся быстро. Как бы там ни было, но однажды, когда Мара вернулась с собеседования, у подъезда дома, в котором она теперь жила, ее встретила Ма. Мара быстро прошла мимо, никак не реагируя на ее бурную речь, но Ма пошла за ней и вслед за ней вошла в квартиру. Она и негодовала, и стыдила, и уговаривала, и грозила – Мара ни на что не реагировала. Но когда Ма, рыдая, опустилась перед ней на колени, прося прощения за все обиды, которые она, быть может, невольно – не специально, нет! – нанесла ей, Мара не выдержала. Она заставила Ма подняться и сказала, что прощает ей все, пусть только она больше не плачет. Ма обняла ее, и они плакали вместе.

Ма говорила, что все теперь будет так, как захочет Мара, пусть только она ее не оставляет, пусть вернется, потому что без нее дом пустой, и жизнь пустая... Наконец Мара не выдержала этой пытки материнским страданием и сказала, что вернется, но к ней, Ма, а не к Эмину – с ним она разведется, она уже приняла решение и ни за что его не изменит. Ее условием было то, что когда она вернется домой, Эмина там не будет. Ма согласилась на все. Они договорились, что Мара вернется через несколько дней. А на следующий день ей сообщили, что собеседование она прошла на «отлично», и ее берут на работу в престижную компанию, с хорошей зарплатой. В этот же день позвонила Ма и сказала, что она может вернуться домой –

Эмин там больше не живет. Когда Мара вернулась, она увидела, что ни Эмина, ни его вещей в доме действительно нет. И она почувствовала, что жизнь возвращается к ней...

Но она плохо знала свою мать, хоть и прожила с ней всю свою жизнь. Через пару дней объявился Эмин. Пришел с букетом цветов, благоухающий ее любимым парфюмом. Ма была на работе, дверь ему открыла нянька, которая как раз собиралась с детьми на прогулку. Эмин подошел к Маре, покаянно опустив голову, заговорил тихим, проникновенным голосом:

– Мара, дорогая, я знаю, что виноват перед тобой... Я бывал груб, не уделял тебе должного внимания. Заработался, закрутился... думал, главное – чтобы в семье был достаток... Но ты – тонкая женщина, тебе нужны нежность, восхищение, и ты их вполне заслуживаешь... Прости меня, прошу тебя, давай попробуем начать все сначала! Я все понял, клянусь тебе, я изменюсь. Все будет, как прежде, когда мы только начинали, когда все было хорошо. Мара, у нас дети, им нужна семья. А мне нужна ты! Прощу тебя, Мара...

Он взял ее руку, принялся целовать, поднимаясь все выше... В какой-то момент она почувствовала, что сдается, но взяла себя в руки – вспомнила его лицо, когда он выходил из спальни матери, его грубое «а соль где?!», его руку, швырнувшую к ее ногам вилку...

– Пусти меня, – сказала она, – я уже все решила. Прощу тебя, оставь меня в покое! К детям можешь приходить, а обо мне забудь.

– Я не могу забыть тебя, Мара, ты это знаешь, так что не проси об этом. Умоляю тебя, не отказывайся сразу, подумай, помни, я люблю тебя, и всегда любил, и буду любить...

Нежно поцеловав ее в висок, он ушел,

Вечером Ма украдкой поглядывала на Мару, будто пытаясь понять, что у той на уме. Мара поняла – она знает, что приходил Эмин, знает об их разговоре, но заговорить на эту тему не решается. Мара заговорила сама:

– Приходил Эмин, – сказала она.

Мать выжидающе смотрела на нее.

– Он хочет, чтобы мы снова были вместе. Я не хочу.

– Что думаешь делать? – спросила Ма.

– Через неделю выйду на работу, подам на развод.

Ма промолчала, а Мара вдруг почувствовала, что хотела бы, чтобы она снова начала ее уговаривать сойтись с Эмином. Ее испугала эта мысль: она поняла, что готова отступить с завоеванных с таким трудом позиций.

Вечером она долго не могла уснуть. Ей снова и снова вспоминались нежный голос Эмина, ласковые слова, прикосновения его губ...

Назавтра он пришел снова. Мара была одна, и когда он начал целовать ее, она не смогла ему противиться...

Вечером мать сказала:

– Мара, мне предложили с большой скидкой путевку во Францию, на двоих. Я сейчас не могу оставить работу. Может, ты съездишь, ты ведь хотела увидеть Париж. Да и отдохнуть, развеяться тебе необходимо... Можешь поехать одна, а хочешь... – Ма испытующе посмотрела на Мару, – хочешь, возьми с собой Эмина... вдруг у вас все же получится начать все заново.

– Не знаю, – неуверенно сказала Мара, – мне ведь скоро на работу. Если я не

выйду, как договаривались, вряд ли они станут меня ждать.

– Ну, с этим мы что-нибудь придумаем, – улыбнулась мать, – да и мало ли еще таких работ? Ты хороший специалист... в общем, подумай. Но путевка горящая, ответ нужен максимум через два дня...

...Во Франции все было прекрасно – Лувр, Эйфелева башня, Монмартр, уютные парижские кафе, ночные ресторанчики. Город любви... Это были две недели счастья. Дни с романтичными прогулками в обнимку по парижским улочкам, жаркие ночи... Эмин был таким, как когда-то, каким она полюбила его: ироничным и романтичным, нежным и страстным, и – влюбленным. Она вернулась домой окрыленная, уверенная, что все плохое – позади, а впереди их ждет все только хорошее.

Ей не хотелось возвращаться к жизни в четырех стенах, среди домашних забот и хлопот, которые никем не замечаются и не ценятся. Она заговорила с матерью о работе, которую та обещала ей найти. Мать сказала – что-нибудь подыщет. Но тут Мара узнала, что беременна. Вопрос с устройством на работу на время как-то отпал – так думала Мара. Но на какое время?.. Беременность, роды, малыш, которого нельзя было оставить – она кормила его грудью...

Так прошло два года. И в какой-то момент Мара поняла, что все, от чего она хотела уйти, вырваться, опять окружает ее...

Эмин снова был груб с ней, ни о каких нежных словах, знаках внимания или просто о внимании с его стороны не было и речи. Она вновь по вечерам подавала им с матерью ужин, и Эмин обращался с нею, как со служанкой. Они с Ма снова переглядывались и перемигивались за столом, по утрам вновь вместе уезжали на работу и вместе же возвращались, иногда за полночь, объясняя это делами. Но Мара думала – просто они с Ма стали осторожнее...

Аля, с которой она делилась своими печальями, вновь не верила в то, что ее позрения небеспочвенны.

Мара вновь впала в депрессию. Она почти физически ощущала, что порочный круг, очерченный вокруг нее матерью – теперь она лишь ее винила во всем – замкнулся, Мара оказалась в каменном мешке, из которого ей уже никогда не вырваться. Близкие ее не слышат, не понимают, не доверяют ей, не воспринимают всерьез ни то, что она говорит, ни ее саму. Сделать еще одну попытку – попытаться вырваться из всего этого? Мара понимала, что у нее не хватит на это сил. Она чувствовала себя бесконечно одинокой – никто даже не попытался понять ее и помочь, даже Аля. И потом – она была матерью, теперь уже троих детей, бросить их она не сможет, тянуть самой троих ей не по силам. Да ей и не дадут... Значит – жить так, такой вот жизнью? Не жить – существовать – униженной, оскорбленной, преданной...

... Аля вновь взглянула на часы. Ну, это уже слишком! Они не только не успеют поболтать и почаяевичать с Марой, как собиралась Аля, они опоздают к врачу, к которому она записала сестру с таким трудом. Аля нервно набрала номер Мары на мобильнике – и тут в дверь позвонили. Аля бросилась к входной двери, нетерпеливо распахнула ее. Увидев сестру, воскликнула:

– Ну, наконец-то!

Обняла Мару, помогла ей снять шубку, повесила ее в шкаф в прихожей, подала ее красные, шитые бисером бархатные домашние тапочки. Мара сама однажды принесла их к Але в дом, сказала:

– Пусть будут мои, никому не давай надевать.

Аля знала, что Мара не любит делить свои вещи с кем-то – надевать чьи-то платья и обувь и давать кому-то надевать свои – и к Мариным красным «черевичкам», как она их называла, никто не прикасался...

– Ты еще успеешь выпить стакан чаю с пирожными, я купила твои любимые, думала, посидим, поболтаем. Ну, ладно, в другой раз..

Проводив Мару в гостиную и усадив на диван, принесла ей чай – тоже в «ее» чашке, пододвинула блюдо с пирожными, сказала:

– Я сейчас, только переоденусь. Я – быстро.

– А может, ну его, этого доктора? – вдруг спросила Мара. – Может, лучше все же поболтаем, мы так давно не говорили с тобой – ну, так, как ты называешь «по душам»...

– Ну что ты, Мара, надо пойти, обязательно! А потом поговорим по душам... Я быстро, – повторила она и убежала в спальню.

Надела новые джинсы, свитер, недавно подаренный ей Марой, подвела глаза, подкрасила губы... Несколько взмахов расчески – и она была готова. Выйдя в гостиную, сказала:

– Ну что, я готова, пошли...

Ей никто не ответил – комната была пуста.

– Мара, ты где? – крикнула Аля.

Она заглянула в ванную, в туалет... Мары нигде не было.

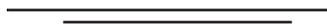
«Удрала все-таки! – возмущенно подумала Аля. – Струсил! И даже не предупредила. И что я теперь скажу знакомым, которые по большому благу записали меня к этому знаменитому психиатру без очереди?.. Ушла, да как тихо...»

Аля вышла в прихожую. Входная дверь была заперта – значит, Мара не ушла, она где-то в квартире. Аля распахнула одежный шкаф – так и есть, вот шубка Мары, висит там, где Аля ее повесила. И кокетливые сапожки Мары стояли у двери...

– Где же она? – пробормотала Аля. – В прятки, что ли, решила со мной поиграть?

Вернувшись в гостиную, она направилась к балконной двери. На балконе никого не было... Только алые бархатные черевички Мары стояли у края балкона, сиротливо прижавшись друг к другу.

Похолодев, Аля шагнула к перилам и, сдерживая крик, посмотрела вниз, все еще не веря, но уже зная, что она там увидит.

АЛЕКСАНДР ГЛАДКОВ (Россия)

Александр Евгеньевич Гладков – профессиональный дипломат, на протяжении нескольких последних лет старший советник Посольства России в Азербайджане. Поэт, переводчик, автор двух поэтических книг. Стихи публиковались в различных сборниках и журналах в России и за рубежом. Несколько раз выступал на страницах «Литературного Азербайджана» с обширными поэтическими подборками (а также стихами и сказками для детей), успевая при этом внимательно следить за жизнью журнала, представленной в публикациях наших авторов. Нынешним летом подошел к концу срок его пребывания в Азербайджане – сегодня мы представляем читателям «прощальную» подборку нашего российского коллеги.

ПРОЩАЙ, БАКУ ...

Памяти Поэта

(к 200-летию М.Ю.Лермонтова)

**Поэт, гусар и забияка,
Себя не смог он уберечь.
Его изысканная речь
Мерцает в знаках Зодиака.**

**Печальный, горестный пророк,
Взошел неповторимый гений
Созвучьем дивных откровений,
Глаголом жег. Но кончен срок.**

**Да, слишком рано вышел срок.
И год рождения и смерти
Кровавым метит лихолетьем
Через столетье грозный Рок.**

**Поэта жизнь – как грань кинжала:
Остра, нелепо коротка.
И горным эхом прозвучала
Его последняя строка.**

**Волшебный слог. Живет и дышит
Поэзии высокий пир.
Но сколь он много не напишет,
Покинув юным этот мир.**

**Пегас умчал, унес пиита.
Звучат иные имена.
В пыли веков не позабыты,
Его нетленны письмена.**

Функционер. Автобиографическое

(Перевод с немецкого)

Везде побывал,
Все посмотрел.
Всех обогнал,
Всюду успел.

Всех восхищал,
Вышел в начальство.
Всех побеждал
И слишком часто.

Всех просвещал,
(Это зачтется).
Счастливым не стал.
И ничто не начнется.

Макраме

Что творчество? Клубочек ниток взять,
Переплести спокойно и неброско.
Чтоб красоту понять, не надо знать,
А нужно чувствовать. Все в жизни очень просто.

Одна к одной, как зерна в борозде –
Кармашек, узелок, виньетка,
Как слезы на лице и как птенцы в гнезде...
И ожила сухая ветка.

На юбилей

Полада Бюль-Бюль оглу

Певец любви, рассвета и заката,
Ты променял блистательный сей путь
На трудную карьеру дипломата.
И, может быть, грустишь о том чуть-чуть.

Поклонницы пропали, как мираж,
И на эстраде новых звезд не счесть...
Но ты – в борьбе, опять поймал кураж.
И на кону страна, судьба и честь.

Над Абшероном пепельный восход,
Над Лериком в горах дожди шумят.
А на семи холмах в Москве посол
С обычным русским именем –

ПОЛАД!

Прощай, Баку!

Посвящается Мазаиру Садыхову

Прощай Баку, синь тюркская, прощай!..

Сергей Есенин

**Прощай, мой знойный, солнечный Баку,
Огнем благословенный южный край.
Окончен срок, и просится в строку
Лишь тихое, печальное «прощай»!**

**Здесь годы пролетели, словно дни.
Гранатовый колышется закат,
И плеском потревоженной волны
Мне Каспий шлет привет, как брату брат.**

**Другая, но не чуждая страна.
Не рвется связь времен, прочна их нить.
Черешневая буйная весна,
Прохлада горных рек... Как вас забыть!**

**В последний раз я друга обниму.
Кавказа гор растает грозный кряж.
Но позвоню, приеду. Никому
Не разлучить нас.**

Не грусти, гардаш!..

*** * ***

**При свете фонарей не видно блеска звезд.
И Гончий пес крадется виновато
По Млечному пути,
поджав свой звездный хвост.
Бушует где-то атом,**

**Галактики скрипят, вонзаясь в пустоту,
Взрываются светила в полном мраке...
А мы клянем привычно суету,
Правительство, налоги, буераки.**

**Когда поток искрящихся комет
Омоет лик Земли шипящими струями,
И содрогнется мир в конце времен и лет,
И свод небес покроет злое пламя,**

**Увянут краски дня на темени зари,
И, тихо догорев, погаснут фонари.**

*** * ***

**Солнца шар источает свою благодать.
Жить хочу, удивляться, любить и страдать.
Счастье – это ромашка на летнем лугу,
Это слова росток на губах у младенца— «агу»,**

**Это всполох улыбки случайной в метро наугад,
Это чей-то встревоженный, преданный взгляд,
Это капельки пота, натруженность праведных рук
И веселое форте свиданий, аллегро разлук,**

**Это тихая нежность заката и шепот впотьмах,
Обветшалая прелесть в старинных любовных стихах,
Это сутолока клятв, обещаний, присяги чернил,
Свежесть ветра, упругость натянутых жил...**

**Нет несчастья, покуда не скажут:
Он умер, он был...**

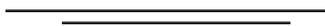
*** * ***

**Как просто восходят и гаснут звезды,
Как просто в апреле звенит капель.
Ракетно нацелены в небо сосны,
И судеб вращается карусель.**

**Неважно, ты робок или отважен,
Песчинка огромного бытия.
Над бездной кораблик завис бумажный
С нахальным и дерзким названием «Я».**

**В лазури скрывается семя бури,
Штормит и раскачивает корму.
Случайно или по собственной дури
Однажды ты все же пойдешь ко дну.**

**Как просто душа улетает в космос
На выдохе краткого бытия.
Но снова ударят по нервам весны,
И юнга продолжит курс корабля.**

В журнале «Литературный Азербайджан» (№ 4, 2015) был опубликован материал Елизаветы Касумовой «Дон Кихот? А кто это?» (полемические заметки), в котором затрагивалась проблема падения читательского интереса к произведениям художественной литературы. Как оказалось, тема эта волнует многих. В публикуемом в этом омере материале автор предлагает свой взгляд на данную проблему.

ГЕННАДИЙ САЛАЕВ

ПОГОВОРИМ О ЛИТЕРАТУРЕ

Известно, что в последнее время, к великому сожалению, люди стали меньше читать. В не столь далекие советские времена мы стояли в больших очередях, чтобы сдать макулатуру с целью приобрести недоступную в те годы книгу. Сейчас же эти самые книги пылятся на полках магазинов, оставаясь невостребованными. Почему? По моему мнению, тут несколько причин. Это и нехватка свободного времени, и легкость доступа во всемирную паутину – интернет, где можно и что-то новое узнать, и поиграть, и познакомиться. Всё это реалии нашего времени, и от этого никуда не денешься. Но не это главное. Просто читатель потерял вкус к художественному слову, причем наши современные писатели сами отбили желание читать не только их творения, но и книги вообще, особенно у молодого поколения. Ведь автор литературного произведения – это мастер слова, он должен учить читателя думать, размышлять, грамотно писать и излагать свои мысли, помнить свой язык, культуру языка и общения между людьми, не засорять свой язык жаргонизмами... Но что мы зачастую наблюдаем в настоящее время?

Обратимся к прозе. При всем уважении к труду современных писателей, порою кажется, что они пишут для самих себя, не думая о читателе, любят себя самими собой, стараются быть оригинальными, умничают на пустом месте. В современных произведениях, порой совсем нехвата, полным-полно иностранных слов, цитат, научных терминов и так далее. Конечно, это все обогащает содержание повествования. Но, согласитесь, во всем нужна мера! В противном случае читатель постоянно отвлекается от сюжета произведения, теряет нить изложения. Иной писатель любит причастия и деепричастия до такой степени, что каждое предложение растягивается чуть ли не на всю страницу. Такое произведение далеко не всякому читателю понравится. Иные же так сумбурно излагают свои мысли, что читателю приходится разгадывать суть прочитанного, словно ребус. Но особенно «хороши» авторы произведений, в которых они привлекают к себе внимание читателя откровенными сценами и россыпью нецензурных выражений. Видимо, они считают себя раскрепощёнными, оригинальными, заслуживающими место среди классиков и памятников себе еще при жизни.

Возникает вопрос: для кого написаны такого рода произведения? Ответ очевиден: для самих себя, любимых! Но читатель не хочет любить авторов таких сочинений, он хочет получить эстетическое, моральное удовольствие от чтения литературных произведений, чему-нибудь научиться, что-то понять. А от таких «шедевров» он вынужден отвернуться.

Писатель, как творец своих произведений, естественно, хочет, чтобы их читали. Ведь он стремится передать читателям свои чувства, своё настроение, свои думы, свою жизненную позицию. Но для этого он должен писать так, чтобы его слово доходило до читателя, чтобы он, читатель, читал и перечитывал эти произведения, цитировал автора, рекомендовал прочесть эти книги своим друзьям.

Но, к сожалению, читатель зачастую его не слышит, он ему неинтересен. Иногда кажется, что наши писатели сами очень мало читают. У них одна цель – написать. А как и для кого, – не имеет значения. Нарушается цепочка: писатель – его произведение – читатель. Мостик между писателем и читателем – это его произведение. Но в последнее время этот мостик стал таким шатким, что читатель боится по нему ходить. Сейчас стать так называемым «писателем» проще простого: что-то там накропать, отнести в типографию, немного поторговаться о тираже, о цене и вперед, – книга вышла, он уже «писатель». Его не интересует, что он создал. В лучшем случае это – популярное в последнее время чтиво, книжка-однодневка. Зато он

уже «литератор!»». А это звучит гордо, престижно. А там – и член формальных или неформальных литературных объединений, литературных союзов. И вместо того, чтобы оставить свой след в искусстве, такой «творец» способен там лишь наследить!..

Немного о современной поэзии. Она, как часть художественной литературы, сегодня также потеряла свою привлекательность. Являясь, на мой взгляд, венцом художественного слова, она должна быть (и была прежде) образной, эмоциональной, искренней.

Ведь что такое «стихотворение»? Это творение стиха! Это творчество, это труд над словом! Поэзия – это музыка слова, а поэт – композитор слова. В отличие от прозы, стихи – особая форма литературы. Поэт разговаривает с читателем, слушателем на своем языке, здесь очень важна звуковая сторона произведения, т.е. связь между звуками, ритмом, рифмой.

Вольтер писал: «Поэзия – есть музыка души». И эту музыку души автора хочет слышать читатель. Но не только это. В стихах должны присутствовать мысли, думы автора, его отношение к жизненным явлениям. Лев Ландау говорил: «Слово не рисует природу, жизнь, оно его творит, созидает». Перед тем, как взяться за перо, автору надо подумать, будет ли кому-то интересно то, что он сотворит. Но, к сожалению, часто он просто любит себя самим собою. И потому все, что он напишет, вызывает, в лучшем случае, скуку и зевоту. Хотя все и написано грамотно и звучит напевно, но о чем автор хотел сказать людям? В душе читателя такие стихи не оставляют следа, никаких эмоций не вызывают. Тогда почему бы не составить программу для компьютера, и он напишет массу таких «произведений» на любую тему. Рифма и размер – это два крыла, позволяющие лететь стихотворению, как птица, а мысль – сердце этой птицы. И если ее нет, если сердце не бьется, стихотворение мертво.

Иногда автор стихотворения так закрутит свою мысль, что приходится несколько раз перечитывать, чтобы докопаться до смысла этого «шедевра», разгадать зашифрованный в строках ребус. Другой же пишет свои опусы просто неряшливо – кстати или некстати с ямба переходит на хорей, вспоминает про анапест, позволяет себе половину стиха рифмовать, другую нет, ломать размер. И всю эту неряшливость называет свободным, белым стихом... А ведь у белого стиха тоже есть свои законы.

И такие авторы выпускают книгу за книгой, преподнося свои вирши как современную поэзию! Мне это напоминает певца на сцене, который во время пения вдруг начинает кашлять, чихать, заявляя, что это новое веяние в вокале. Подобный подход к стихосложению такие авторы объясняют просто: мол, сейчас двадцать первый век, нужны новые формы стиха, ритмики, образов... Все правильно, новые времена требуют других подходов к искусству поэзии. Но существуют же определенные незыблемые каноны, которые поэзию отличают от прозы. Или пора отказаться от этого жанра, который существует веками – от поэзии, как таковой.

Посмотрите на великие творения зодчих слова Востока и Запада разных эпох – какое там разнообразие мыслей, чувств, – и нежных, и дерзких, какое множество способов исполнения... Но при этом общим у них остается одно: прочный «фундамент», крепость и строгость «стен» и «колонн», хотя строительный материал Творений Низами и Шекспира, Насими и Пушкина и целой плеяды замечательных Поэтов – самый разный. И по истечению веков человечество не перестает восхищаться этими шедеврами! Потому что эту истинную Поэзию рождали Творцы слова.

И еще. Слабость современных стихотворцев, по моему мнению, заключается еще и в их излишней амбициозности. Если автор опубликовал книгу своих стихов (а тем более, если несколько), он считает себя поэтом, ему уже можно не совершенствоваться, не читать классиков, можно поучать других. Он не понимает, что такого рода самомнение, возвеличивание самого себя, своей персоны отнюдь не возвышает его.

Писателем, поэтом называется не тот человек, который сам себя так величает, или его друзья, родственники, соседи, а тот, кого называют люди, знакомые с ним по его произведениям. И то, спустя годы...

ВАХИД ГАЗИ

*Родился в 1968 году в Агдаме. Окончил факультет журналистики Бакинского Государственного Университета. Был редактором журналов «III Sektor», «Свободная воля», «Toplum». Автор книг «Город духов», «Следы памяти: заметки о демократии», «Чамайра. Кубинская тетрадь». Повесть «Степная Крепость» в настоящее время находится в процессе издания. Тексты переводились на украинский, латышский, польский, русский, английский, шведский, турецкий языки. Живет в Швеции. Член Союза Писателей Азербайджана и Союза Писателей Швеции.
Представляем читателям документальные рассказы В.Гази.*

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Елена

(Из цикла «Следы памяти»)

В прошлое воскресенье меня разбудила игра на пианино. Новое произведение, которое разучивала моя дочь после экзамена, я узнал с первых же нот. Поначалу я не мог припомнить, где слышал эту композицию, но в том, что музыка мне знакома и близка, никаких сомнений не было. Я обрадовался, словно спустя много лет встретил нечаянно родного человека. Я не стал заходить в другую комнату, чтобы не прерывать игру, но, затаив дыхание, слушал у приоткрытой двери. В то утро дочь осветила мои щемящие воспоминания...

Когда в снежную морозную декабрьскую ночь 1995-го года известная правозащитница из Украины Наталья Белитцер встретила меня прямо в аэропорту и по пути познакомила с программой визита, ей и в голову не могло прийти, что событием, запечатлевшим Киев в самых сокровенных уголках моей памяти, окажется не какое-либо из мероприятий в озвученном ею перечне, а не отмеченная в дневнике встреча.

Когда мы доехали до снятой квартиры в одном из старинных зданий в самом центре Киева, ресницы моих глаз, истосковавшихся по сну, висели как ивовые ветки. Я забрался в постель, думая, что засну в мгновении ока, но по мере того, как доносящиеся из соседней комнаты два женских голоса слово за словом втекали в мой слух, сонный мрак рассеивался, разглаживались морщины в мозгу, а следом раскрылись веки. О том, что в соседней комнате жизнь бьет ключом, говорил свет, просочившийся внутрь через ту часть двери, которую отделяло от пола всего несколько сантиметров, и ласковый женский голос, доносящийся из той же комнаты. Мягкий свет и подрагивающий голос походили на утренний шепот ночи, влюбленной в восходящее солнце.

В первую ночь на новом месте я всегда сплю плохо, вот и снова не спалось. К тому же полная интереса жизнь по ту сторону двери тоже делала свое дело, вонзившись кинжалом в грудь ночного сна.

...Мне не удалось уверить их в том, что моя бессонница вызвана не их беседой. Одна из женщин произнесла: «Уже поздно» и ушла. Хозяйка квартиры проводила гостью и вернулась. «Раз нам не спится, тогда продолжим», – сказала она и, не дожидаясь ответа, достала из древнего шкафа, напоминающего комод моей бабушки (привезенный в качестве приданого), маленькие рюмки, тарелки и ложки. Она открыла коробку шоколада, лежащую на столе. Затем прошла на кухню заварить кофе и пожарить каштаны.

Большая комната, напоминающая комнаты в домах интеллигенции николаевского периода, занимала точно середину квартиры. Отсюда открывались три двери: одна в мою комнату, вторая в коридор и кухню на его конце, а третья, по всей вероятности, в спальню самой хозяйки.

Между двумя последними дверями стоял выдавший виды черный рояль. Хотя часы с большим маятником, покоящиеся в углу, держались чинно, словно царские генералы в эмиграции, старающиеся сохранить достоинство, было заметно, что они постарели, поблекли, облупились. Длинный светильник за креслом в другом углу помещения с одной отлепившейся лентой абажура придавал особый фон полумраку комнаты.

Но больше всего внимание притягивали усеявшие четыре стены бесчисленные старые фотографии во всевозможных рамках. Я сидел за тяжеленным столом из орехового дерева, разместившимся в центре комнаты, лицом к стене с часами и видел фотографии на этой стене. На одной только стене мне удалось насчитать около пятидесяти изображений, потом сбился со счета – запах жареных каштанов настиг меня прежде, чем я их увидел, затем воспоследовал аромат кофе, а дополнил букет крепкий дух коньяка.

Распахнулось сердце моей хозяйки и накрылся стол передо мной. Это вовсе не было представлением, разыгранным одинокой женщиной перед новым знакомым, которого она собиралась очаровать, это было гостеприимством 70-летней женщины, даже не собирающейся думать о том, «ради чего я жила?», женщины, ничего больше не требующей от жизни, наоборот, взошедшей на пик этой жизни, но при этом всё еще сохранившей страсть и гордость молодости, аристократические манеры былых времен.

Елена Ибрагимова. Худое тело, стройный стан, длинная шея, чуточку остроколючий нос, ниспадающие на плечи волосы, разделенные сбоку пробором – всё это симметрично было нанизано друг на друга. Ее тихие, спокойные движения, не по возрасту легкая походка – порханье бабочки, полуробкая-полуозорная улыбка, как у покуда нецелованных девушек, находились в гармонии с наполнившим комнату бодрящим ароматом кофе и приглушенным светом лампы. Голос ее походил на голос монахини, вернувшейся с утренней службы – в тембре с обертонами сострадательности слышалась также легкая хрипотца.

Она положила в розетку клубничного варенья для меня, цвет иссиня-красных вен, вздувшихся под морщинами ее руки, напоминал облако, готовое пролиться дож-

дем. Сила и уверенность длинных пальцев ощущалась и на расстоянии, без всякого к ним прикосновения. Это чувствовалось и без прикосновения, достаточно было изумленного взгляда. А серебряное кольцо с двойной бирюзовой оправой на ее пальце напоминало пояс, обвивший нежный стан любимой.

«От бабушки». Похожее на смущение чувство так быстро пронзило меня, что я немного растерялся. Она заметила, что я смотрю на ее пальцы. Заметить-то заметила, но уловила ли как, с каким чувством я на них смотрю?

Когда она прошла на кухню, чтобы принести еще кофе, я понял, что меня изумляет не только этот человек, эти руки, эти пальцы, но и пара глаз среди черно-белых, пожелтевших фотографий, смотрящих из всевозможных рамок: мужчины, женщины, дети, старики, на коне, в поле, фотостудии, стоя, сидя, лежа, серьезно, весело, в одиночку, вместе... Ангелолика девушка с робким взглядом...

Эта фотография, снятая, может, пятьдесят лет тому назад была похожа на ретро-снимки ранних голливудских актрис. Помните изумительное лицо Ингрид Бергман в «Касабланке»? Вот то же самое. Это было отражением радости, расцветшей на лице невинной девушки, радости от переживаний первой бессонной ночи после того, как она услышала признание любимого молодого человека. О Боже, что ты задумал, сотворив такую красоту?

В ту ночь наша беседа зашла далеко за полночь. Когда стрелки часов приблизились к 4 часам утра, она забеспокоилась тем, что «не дает мне спать», предположила, что мне рано вставать и пожелала спокойной ночи. У меня же не было никаких дел до самого полдня. Тем не менее, я уснул, заблудившись в лабиринте грез.

... Меня разбудила игра на рояле. Кто-то играл один и тот же отрывок по несколько раз... играл, играл, ошибался, останавливался и снова продолжал с того же места. Хотя вещь часто прерывалась, игра между паузами говорила о том, что это произведение великолепно. Затем наступила полная тишина. Но она продлилась недолго, однако на этот раз рояль зазвучал совершенно иначе.

Волшебные созвучия моментально привели меня в вертикальное положение. Я слегка приоткрыл дверь. Играла она. Видимо, ее длинные пальцы хорошо ладили с клавишами рояля, они покорили его лаской возлюбленной. Искра, рожденная от этого прикосновения, могла бы осветить самый потаенный уголок человеческой души. Нежданная прозрачность охватывала дрожью струны одного сердца, протянутые к другому. Как этот старый, потрепанный рояль, почерневший будто бы от груза скорби всех этих лет, но в мгновении ока воспламенившийся юношеской страстью и похожий на старика, рвущегося к новой любви в надежде на новое рождение, как этот рояль издавал тот звук, как он приходил в тот трепет?! Неужели от 70-летней женщины, смотрящейся так же гордо, как и ее рояль? Казалось, она не играла на рояле, казалось, она с ним любила...

Я смотрел на нее сбоку. Ее корпус кокетливо подрагивал, словно она оседлала коня. Волосы растрепались, не были уже такими уложенными, как вечером. Лицо вытянулось, шея ушла в плечи, будто желая скрыть морщины. Люди, изображенные на бесчисленных фотографиях, висящих в рамках на стенах комнаты, казались зрителями большого концертного зала. Они изумленно застыли от звуков божественной музыки. «Ингрид Бергман» тоже окаменела, превратился в статую и молодой чело-

век, поглядывающий из-за приотворенной двери то на нее, то на ту, которая исполнила это чудное произведение. Двигалась лишь она одна.

«Женское тело похоже на скрипку, надо быть превосходным исполнителем, чтобы оно зазвучало!». Эти твои слова, Джером Селинджер, сказаны точно в точку, но на сей раз сам рояль заставлял звучать женское тело!..

Завершив игру, она обратилась к сидящей рядом девчужке. Бедненькая была заморожена разыгравшимся перед ее глазами представлением. Я раскрыл дверь и вошел в волшебную комнату. «Извините, мы вас разбудили, у меня ученики каждый день в 12.00», – обернулась она. Я взглянул на часы, был почти час дня.

...Следующая ночь была будто бы продолжением предыдущей. Я получал неизъяснимое наслаждение от того, что находился с нею рядом, слушал ее речи. Особый оттенок моему настроению придавал и третий обитатель комнаты – «Ингрид Бергман» на стене. Она уловила, что я частенько поглядываю на одну из фотографий, висящих на стене. Кажется, даже поняла, на какую именно фотографию я смотрю. Может, именно поэтому, знакомя меня со снимками, она пропустила мою «Ингрид Бергман»: «Это – отец, он был врачом. Это бабушка в молодости – та самая, которая подарила мне это кольцо. А это я – в трехлетнем возрасте. А эти – семья деда, видите, сколько их? Теперь уже таких семейных снимков никто не делает. Это – Параджанов. Был в меня влюблен. Вы его знаете? Ваш земляк. Из Кавказа вышли не только безжалостные большевики, но и мастера мирового уровня. Я люблю кавказцев. Вы очень свободолюбивы. Много потеряли, но смогли сохранить свой дух. Мы с Параджановым вели здесь, в этой комнате, долгие беседы. В 60-х он многого потерпелся. 139 интеллектуалов отправили Брежневу письмо протеста с требованием прекратить преследования по политическим мотивам. Его подпись стояла первой. И поэтому ему много досталось, даже арестовали. Интересным был человеком. Гений. Вы видели его фильмы?».

– Видел «Ашик-Кериба», – ответил я.

Мы подняли рюмки с коньяком, взяли по шоколаду из коробки «Киев вечерний», она кивнула головой и мы выпили без всякого тоста.

Не было никаких сомнений: она пила за Сергея Параджанова. А меня охватили смутные чувства. Я не знал, что делать, что сказать. «Он – армянин, – не удержался я, – армяне наши враги». И я пустился в длинное повествование. Рассказал чуть ли не всю историю. Поведал о своем разоренном городе, своем разрушенном доме. Поведал о горе, выпавшем на нашу долю. Она слушала, затаив дыхание. Лишь закончив свою речь, я понял, что она терпеливо меня выслушивала не ради интереса, а из вежливости. «Параджанов бы так не поступил», – сказала она и встала, намекая на то, что уже пора спать.

...На следующий вечер я пришел с полными руками; накупил немало сладостей, сухофруктов. Был и коньяк, той же марки – «Крым». Снова ее мягкая улыбка, теплый взгляд, родственная забота, ласковая аура... снова привлекательное лицо «Ингрид Бергман»...

В тот вечер она читала стихи из Есенина, к тому же меланхоличным голосом. Она с таким восторгом слушала стихи Рамиза Ровшана, которые я ей прочел, что стороннему наблюдателю и в голову бы не пришло, что азербайджанского языка она не знает. Поэзия – как музыка, у нее один на всех язык: язык, понятный каждому. Затем она села за рояль. Играла пламенно. За всю свою жизнь я никогда не был столь близок к такому виртуозному исполнению, ни до, ни после того вечера. Это не было заурядной физической близостью, нет, это было погружением в стихию Вивальди, Бетховена, Шопена и других неизвестных мне имен.

Я слушал ее и рассматривал фотографии на стене. Время здесь давно замерло, остановилось на ней – все снимки были сделаны до нее. Она дважды была замужем, но детей не имела. Из наших ночных бесед я, как мне казалось, узнал весь ее жизненный путь. Она рассказала многое: от семьи, сменившей фамилию Абрамовых на Ибрагимовых, дабы спастись от еврейских погромов и до необходимости вести полудиссидентский образ жизни – плата за отказ бросать друзей. Остальное она говорила через музыку, озвучивая ноту за нотой жизнь длиною в 70 лет.

Звуки рояля подхватывали вихрь, вызванный в сознании коньяком, и уносили его куда-то далеко – в прошлое ли, будущее... Разве будущее не то же прошлое, что мы жаждем увидеть?!

...Мы условились: в воскресенье отправимся увидеть Киев ее глазами, то есть прогуляться вместе. Так как это был мой последний день пребывания в городе, я ни с кем больше не намечал встреч, мы собирались быть вместе до самого ночного рейса. В то утро мне пришлось немало подождать ее выхода. Наконец, открылась дверь... Брошь с крупным камнем на вороте темнокоричневого длиннополого мехового пальто, сшитого в стиле пятидесятых годов, сверкала даже в слабом свете. Нежная шерстяная шаль на голове была повязана будто бы для того, чтобы подчеркнуть все очарование лица.

Царящая на улице тишина, казалось, была призвана для того, чтобы внимать звуку падения снежинок. Каждый, если б с ним под руку шла такая женщина, мог бы расслышать звук снежинок, сающихся на плечо.

Мы проходили мимо старинного здания. «Отсюда всегда доносились крики, от которых шли мурашки по коже. Здесь располагался НКВД, а после – фашистское гестапо. А теперь – это один из отделов КГБ», – сказала она, указав на маленькие подвальные окна, похожие на форточки. Она рассказывала об исторических зданиях, расположенных на улицах, по которым мы гуляли пешком, о минувших событиях, своих воспоминаниях.

Там, где было особенно скользко, она еще крепче держала меня под руку, уверенная, что упасть ей я не дам. Эта ее уверенность доставляла мне наслаждение. Встречные прохожие смотрели на нас с интересом, и это лилось как бальзам мне на душу. Ее неповторимая аура, жасминовый аромат, элегантность превратили меня в кружащуюся снежинку, я летел вместе с ними.

– Это «Андреевский спуск». Здесь расположен Дом-музей Булгакова, в доме № 13. Хотела привести вас туда, но вижу, что улицу не расчистили, очень скользко. Могу упасть. Давайте вернемся. Как-нибудь в следующий раз. Вы читали «Мастера и Маргариту?».

– Я люблю «Бег», – сказал я. Она как-то странно обернулась на меня и посмотрела прямо в глаза.

Мы вернулись домой вместе с сумерками. Скоро за мной должен был заехать друг. Мы в последний раз сели за чай. Я смотрел на нее как на давнюю знакомую. Когда еще увидимся? Увидимся ли?

Прежде, тем как выйти я остановился перед снимком на стене, внимательно его рассмотрел, я прощался с «Ингрид Бергман». Заметив это, она подошла ко мне. «Смотрите уже столько дней, но так и не спросили, кто это?». «Кто это?». «Я, в 18 лет. Снимок сделан, когда я поступила в консерваторию». Мне не удавалось сдерживать изумления. «Кажется, влюбились, да? Так и есть! Влюбились! Не знаю, что такого нашли во мне эти кавказцы!». Ее нежная, добрая улыбка источала свет. Мы попрощались.

«Бог тебе в помощь!», – она смотрела точь-в-точь как мать.

В последних словах она впервые обратилась ко мне на «ты». По пути мне казалось, что я что-то там оставил, забыл, я перепроверил карманы, еще раз открыл чемодан, все было на месте.

В аэропорте от друга, как-то странно на меня поглядывающего, я узнал, что Елена не взяла квартплату. Немного спустя пара глаз, смотрящих из иллюминатора, станут блистать как звезды в бескрайнем мраке ночи.

После того, как дочь завершила игру, я подошел взглянуть на ноты: Мендельсон, «Песня венецианского гондольера». Произведение, которое Елена играла 15 лет назад. Моя 12-летняя дочь радовалась, приняв мое изумление за высокую оценку своего прекрасного исполнения.

...Да и я радовался.

Берег «Лебединого озера» *(Из цикла «Следы памяти»)*

Одна из активисток регионального отделения шведской социал-демократической партии Ирада Алиева приобрела билет на балет Чайковского «Лебединое озеро» еще пару месяцев назад, в тот день, когда было объявлено, что знаменитый Мариинский театр Санкт-Петербурга совершит гастрольный выезд в Жёнкёпинг.

По пути я рассказал детям об истинной причине своего поступка, побудившего меня немало заплатить за билет и проехать несколько сот километров. Я не впервые делился с детьми своими приятными детскими воспоминаниями, порой я им что-нибудь о себе рассказывал, особенно в долгие зимние ночи на чужбине в северной стране.

Рассказав детям краткую историю того очарования, что побудило меня отправиться на это представление, я добавил в шутку: вы посмотрите спектакль, а я отправлюсь в дальнейшее путешествие. Так всё и вышло. Балет с первых же секунд увел мои мысли и грезы в родную пору детства.

Мое знакомство с балетом началось именно с «Лебединого озера». Тогда мне было лет девять-десять, я был уже большим мальчиком. Отец уже отправлял меня с некоторыми поручениями. Порой он посылал меня к своему дяде, чей дом находился за два угла от нашего дома в Агдаме, ныне превращенном армянской армией в руины, и говорил: «Иди к Беку, скажи, чтоб дал что-нибудь хорошее почитать».

Отец и родственники называли дядю Исмаила «Беком». Поговаривали, что его так прозвали в пору его пребывания в Тбилиси за аристократические манеры.

У дяди Исмаила книг было больше, чем у нас. Отец прочел всю библиотеку и теперь перешел к его библиотеке. Вот я и шел к дяде Исмаилу за книгами, которые он выбирал по вкусу отца...

Однажды летом к нашим соседям за изгородью приехали гости из Баку. Мальчики были со мной ровесниками, а вот их сестра – намного старше. Ее изумительные глаза и переливающиеся шелком волосы всё еще у меня перед глазами. Облокотившись на стоящий в тени вишневого дерева стол, покрытый белоснежной скатертью и увенчанный самоваром, она целыми днями читала книги. Хотя я и играл с ее братьями, всё мое внимание было приковано к ней. В моих глазах она походила на Мальвину из недавно вышедшего на экраны фильма «Приключения Буратино». Мне нравились ее мягкие медленные движения, то, как она изредка бросает с улыбкой взгляд на братьев, или, захлопнув книгу, мечтательно смотрит в какую-то недосигаемую точку на небе. Листва было столь густа, что небо сквозь нее проглядывалось с трудом. Интересно, что она высматривала в этом просвете размером с ладонь?!

Играть с городскими ребятами было особенно увлекательно, их говор, смех, повадки – всё казалось мне необычным. Я уже не говорю о тех игрушках, что они с собой привезли. Порой, забывшись, я так удивленно смотрел на них, будто они инопланетяне. А с их игрушками я мог бы играть годами и так бы не наигрался вдоволь. Это было мое первое знакомство с чувством зависти – одним из естественнейших человеческих чувств. Но я сдерживался перед искушением и не подходил к игрушкам. Я и не пытался выглядеть нежадным, всем обеспеченным и довольным, мне просто хотелось выглядеть взрослым в глазах их сестры. А она меня «не замечала».

Девушки-подростки не замечают тех чувств, которые к ним испытывают мальчики помладше, но они с нетерпением ждут любви взрослых парней. Лишь годы спустя я понял ту мечтательность, любовное настроение соседской девушки, чувства, которые она испытывала тем летом – я понял это, читая книгу, читанную ею тем летом. В те дни я искал малейшего повода, чтобы перекинуться с ней словечком: однажды подошел к ней якобы узнать, что это она читает. «Новеллы Стефана Цвейга», – ответила она...

Однажды во время одной из таких увлекательных игр, меня подозвал отец и снова отправил к дяде за книгой. Возразить я не мог, я собирался бегом туда и обратно за книжкой, а потом продолжить веселиться с ребятами из Баку. Но всё вышло иначе.

Дом дяди Исмаила находился по дороге в Шушу, напротив ресторана на бульваре. Мне нравилось проводить время у них дома и, в особенности, в амбаре позади

дома. В амбаре находились всевозможные бытовые приборы, древние вещи, но больше всего меня привлекали огромные дубовые бочки с соленьями. Когда я был совсем мал, то дотянуться до отверстия бочки не мог, я клал себе под ноги ведро или ящик. Я находил какое-то особое наслаждение в том, чтобы достать соленья из «капустной бочки» и съесть, не сходя с места...

Большая книжная полка находилась в коридоре, ведущем в дом. Застекленную гостевую украшали антикварные сувениры. На стенах висели изготовленные из жестяных плиток «чеканки» сына дяди Исмаила Вагифа, портрет сына Видади, написанный в армии масляными красками и фотографии дяди Исмаила с супругой тетей Вазифе, снятые в Агдаме и Тбилиси, откуда была родом тетя Вазифе. На черном пианино стояли всевозможные фигурки и статуэтки. Во время празднеств, когда дети хотели сыграть на пианино, они осторожно переставляли эти фигурки на комод и открывали крышку ради громкости звучания. Каждый раз, когда приезжала из Баку бабушка, дядя Исмаил устраивал в ее честь большое торжество. Смех и веселье, пиршество, музыка и танцы длились часами. Его дети – Вагиф, Видади, Эльмира и Расим – были особенными: один играл на кларнете, другой на пианино, а третий выстукивал ритм на стуле, будто на нагаре...

В тот день, когда я прибежал за книгой, дядя Исмаил сидел «конем» на стуле, скрестив руки на спинке, упершись подбородком в ладонь, и смотрел телевизор. Его собранность и внимание говорили о том, что дядя наслаждается зрелищем. Заметив меня, он подозвал к себе, и дал знак сесть на стоящий рядом стул.

Группа девушек в белом на экране телевизора танцевала под странную музыку. Хотя мне и было неинтересно, пришлось сесть. Немало времени спустя, когда его супруга принесла чай, я осмелел и сказал, что отец отправил меня за книгой. Дядя никакого внимания на это не обратил. Он сказал: то, что мы смотрим – это балет «Лебединое озеро». Затем он встал, вернул стул в обычное положение и подсел ближе к столу. Подвинул к себе стакан с чаем. Приступил к пространному рассказу о балете. Злой колдун превратил возлюбленную молодого принца в лебедя. Изнывающий от тоски принц в конце концов одерживает победу в сражении с колдуном, рушит его чары и спасает свою возлюбленную. Я не мог уловить в тот момент связи между рассказом дяди и танцами на экране, но всё же досидел до финала.

Дядя Исмаил говорил со мной, как с взрослым, как с ровесником, будто я уже повидал сотни балетов, прослушал столько же опер. Но, помню, оперы ему не нравились. За исключением оперы «Лейли и Меджнун», которую он часто смотрел в молодости в Тбилиси. Зарубежные оперы нисколько его не интересовали: «Кричат что есть мочи, да и слов не разобрать».

А балет ему нравился. Я не понимал, почему. Его объяснения ни о чем мне не говорили. Помню лишь то, что он сравнивал танцовщиц с бабочками: «Не ходят, а порхают, порхают».

Не помню, сколько продлился балет, во всяком случае, мне это показалось с целую вечность. Терпение мое было на пределе. Все мои мысли вертелись вокруг ребят из Баку, и в особенности «Мальвины». Как бы красиво ни танцевали очаровательные девушки на экране, они не интересовали меня так же сильно, как гости из Баку.

Наконец, когда я вышел от дяди Исмаила, я целиком находился в лившемся с экрана настроении. В голове звучала музыка Чайковского, а губы ее насвистывали. А на название книги, взятой у дяди, я обратил внимание только, когда передал ее

отцу – «Отец Горио» Бальзака.

В холодную шведскую ночь «Лебединое озеро» погрузило меня в теплые воспоминания родины. Погружение в приятные воспоминания почти равны проживанию и переживанию их заново. В детстве воображаешь свое будущее, а став взрослым, тоскуешь по детству, и всё это, как бы ни было странно, сопровождается приятными чувствами. Оказывается, тоска может быть и сладкой.

Мечтатели не покорны возрасту. Танец артистов русского балета, пленительная музыка Чайковского делают человека чище, чистым как ребенок десяти лет. Может, именно потому я погрузился в ту ночь в грезы, на которые способен лишь ребенок – словно я был принцем Зигфридом, а светловолосая девушка из Баку Одеттой. Но как бы я ни старался, не смог уподобить дядю Исмаила колдуну Ротбарту, ставшему камнем преткновения между двумя возлюбленными.

Ибо дядя Исмаил был светлым человеком. Светлым человеком в маленьком провинциальном городе, человеком с большой библиотекой, пианино, звучащим каждый божий день и телевизором, показывавшим балеты. Человеком, познакомившим меня с «Лебединым озером», под чьи чары я подпал впоследствии.

В тот жаркий летний день дядя Исмаил не мог бы даже представить, что балет, который он заставил меня смотреть, спустя сорок лет откликнется во мне ностальгией по родине вперемешку с воспоминаниями о первой детской чувственности, прокатит по «Лебединому озеру» и вынесет на теплое побережье детства.

Время лечит все беды

Выстроившиеся в ряд холмы отливали разными цветами. Солнце одним своим утренним росчерком превзошло всё мастерство осветителя, способного создать настроение переливающимся на сцене разноцветьем.

Даже когда солнце не выходило из-за туч, каждый из холмов окрашивался в прелестный цвет.

Выпал снег. Но холмы по-прежнему были окрашены непохоже, каждый окрашен в один из оттенков белого.

Долины – изнанка холмов. Одни – точно наводящая ужас ночь, другие – словно яркое утро.

...Вот уже который день я наблюдал из окна один и тот же пейзаж в разное время суток и в разных тонах.

Днем несложно представить весну и лето в этих краях. Холмы скрывали свой весенний облик в чреве долин, но я мог видеть эти краски. Мог! Даже еще не вспыхнувшая заря, вечерние сумерки, спрятанная в долинах тьма – не могли скрыть от глаз затаившиеся в холмах весенние краски.

Холмы, рожденные одной и той же горой, напоминали детей одной и той же матери – не походили друг на друга.

Собравшиеся вокруг стола люди тоже не были детьми одной матери. Но все

они ходили под Богом.

Москвичу Андрею Ивановичу было далеко за семьдесят. Его статья, басовитый голос напоминали русских генералов, виденных в армии. Лишь после я узнал, что он бывший военный в звании полковника. Говорил он в основном о санаториях, в которых довелось побывать. Прошлую осень он провел в Карловых Варах за 19 километров отсюда. Он рассказывал, что лечебные воды пошли ему на пользу, рези в желудке уменьшились.

Карелу из Праги было максимум пятьдесят пять. По-русски он говорил хорошо, выучил еще в школе в период коммунизма. Работал он в сфере машиностроения и даже пописывал статьи для технических журналов. О чешских санаториях он говорил с гордостью. Говорил, что здешние радоновые ванны не имеют себе равных во всей Европе, а минеральные воды – во всем мире. Его слова не отдавались бесследно на моих патриотических чувствах: я поведал о нафталановых ваннах и порекомендовал ему съездить в Азербайджан.

Ханне, проживающей в окрестностях Дрездена, никак не получалось дать во семьдесят пять лет, выглядела она молодо. Каждый раз она садилась за стол, приклонив трость к стулу, здоровалась с каждым по отдельности. Едой особо не увлекалась, а вот побеседовать любила. У нее ладилось с Андреем, они частенько продолжали душевную беседу в фойе или в баре. Она говорила по-русски не очень, но всё при желании можно было понять. Те немецкие словечки, что она иногда вставляла в свою речь, совсем не походили на слова того «ужасного» языка, который мне довелось слышать в детстве в советских фильмах о войне. В ее произношении жесткий немецкий язык звучал певуче и гармонично.

Мы встречались три раза за день. Я заметил, что и Карел прислушивается к ним с особым интересом. Я получал удовольствие от наблюдения за двумя этими стариками, оставляющими позади осеннюю пору своей жизни, как и от созерцания лесистых холмов за окном с деревьями, сбросившими всю свою листву. О чем бы они ни говорили, речь в итоге заходила о превратностях старости. Они давали друг другу советы. Общались так ласково и сочувственно, будто были знакомы целую вечность.

Старикам есть чем поделиться, особенно больным старикам. Вот и они беседовали о своих детях и внуках, болячках, планах посещения других санаториев, одним словом, о своем настоящем и будущем. Прожившие большую часть своей жизни в коммунистических режимах, прошедшие детство в жесточайших политических режимах за всю историю человечества, повидавшие много чего на своем веку, два престарелых представителя народов, ведших друг с другом безжалостную войну, не говорили ни слова о прошлом.

Однажды во время ужина они так распались, что мы превратились в заинтригованных зрителей. Они не на шутку прикипели друг к другу. Глядя на них, мы с моим чешским собеседником говорили о том, что вечной вражды не существует, что злейшие враги, в конце концов, садятся за дружеский стол, и что история богата на такие примеры.

В ходе беседы я поинтересовался у него, видел ли он фильм, повествующий о массовом изнасиловании советскими солдатами немецких женщин. Фильма он не видел. В тот же вечер я пригласил его посмотреть картину вместе.

Ровно в восемь в дверь постучался Карел с четырьмя бутылками чешского пива в руке. Я уже отыскал в интернете фильм режиссера Макса Фэрбербёка «Безымянная – одна женщина в Берлине». Мы сели смотреть.

Фильм повествует о зверствах советских солдат, массовых изнасилованиях немецких женщин. История не знала второй такой армии, подвергшей массовому изнасилованию женщин побежденного народа. Два миллиона немецких женщин стало жертвой этого массового изнасилования. К тому же не единожды или дважды, а по несколько десятков раз. Безбожная советская армия не дала пощады даже монашескам из монастыря. Тысячи женщин умерли во время аборт. Наложивших на себя руки тоже тысячи и тысячи. В целом, в результате изнасилований умерло 240 тысяч немецких женщин.

В ту ночь мы побеседовали с Карелом и о других преступлениях советской армии. Он завел речь о гнете коммунизма, репрессиях после советской оккупации, лагерях для политзаключенных, привлеченных к рабскому труду в урановых рудниках, кровавой пражской весне 1968-го года.

Мне тоже было о чем рассказать. Он выслушал с интересом. Я не удивился, что он доселе ничего не слышал о бойне 20-го января. Мы пока не научились и все еще учимся доносить миру свою правду, свою боль, свои трагедии...

Наутро я принялся с еще большим вниманием наблюдать за престарелой парочкой. Робкое выражение лица Ханны напоминало лицо женщины из фильма, которую насиловали каждый день. А Андрей казался мне разъяренным русским солдатом, нападавшим на женщин с животной страстью. Ханна мило беседовала с офицером армии, изнасиловавшей ее мать, родственников-женщин, весь народ, а может и ее саму. Будто ничего и в помине не было. Неужели всё забыла? Ведь говорят, женщина до конца своих дней не может позабыть стресс и ужас изнасилования!

Видимо, верно сказано: «Время лечит все раны».

Как бы саркастично ни звучало, можно сказать, что море крови, пролитой в Европе из-за незыблемости границ, в итоге привело к образованию безграничных государств.

Наша война с армянами – одна из тысяч войн за всю историю человечества. Я несколько не сомневаюсь, настанет время и через много-много лет азербайджанец сможет также задушевно беседовать с армянином в Гарабахе – в одном из таких же чарующих уголков, как этот городок Чехии. Наверное, эти неизвестные нам люди, пережившие ходжалинскую бойню, сумгаитский погром, в котором нас несправедливо обвинили, тоже не станут поминать прошлое. Они тоже будут беседовать о своем настоящем и будущем.

Слова Иисуса Христа: «Попал в беду, приди ко мне, я возьму тебя за руку, пронесу через это страдание, но при одном условии – не оглядывайся назад».

Всё, что я сейчас написал, кажется странным. Знаю, мои слова похожи на сказку в то время, когда никакого мира на горизонте не видно, а надежда на перемирие в глубоком колодце отчаяния. Но я знаю, что когда-нибудь – пусть хоть через лет пятьдесят – всё получится!

...Вдобавок хочу быть уверенным: во время тех будущих встреч с армянами в Гарабахе гостями будем не мы, мы сами будем принимать гостей!

Обезьянья диктатура

В копенгагенском зоопарке наибольшее мое внимание привлекли павианы. Тигры, превратившиеся в клетке в кошек, жеманные и медлительные жирафы, тос-

кующие по джунглям слоны, безразличные ко всему толстокожие носороги, верблюды, чья шкура на спине от отсутствия наездников стала нежной, словно у джейранов, не были столь интересны, как эти обезьяны. Я битый час не мог отвести глаз от их лицедейства.

В огромной клетке находилось несколько десятков обезьян от мала до велика. Жизнь в этом вольере будто бы регулировалась особыми законами. Общество управлялось на основе четко заведенного механизма. Большая семья подчинялась воле отца-павиана. Не представлялось возможным, что от его контроля может ускользнуть хоть малейшая деталь. Он обладал правом вознаградить или наказать любую другую особь.

Во время моего посещения общество павианов вело свою привычную повседневную жизнь: самки кормили малышей, дети резвились и играли. Один взбирался на скалы, другой свисал с ветки, третий почесывал бок, ловкач отбирал от тихони снедь, а затем, будто злорадствуя, показывал оскаленные зубы, обиженный забивался в угол и смотрел куда-то вдаль печальным взглядом, обжора, расчищая руками яйцо от скорлупы, крепко зажимал ногами банан – одним словом, все обезьянничали.

Матери, держа новорожденных за хвост, не давали им отбиться. И когда куда-нибудь направлялись, то либо закидывали детенышей за спину, либо таскали, ухватившись за хвост. Словно оберегали своих детенышей от других самок... А что страшного могло произойти в огражденном вольере?! Может, давал о себе знать генетический страх, оставшийся со времен жизни в дикой природе. Но порой ужасные происшествия в огражденном пространстве не имеют себе равных по сравнению с тысячами опасностей, подстерегающих в лесах и джунглях.

Здесь как и в человеческом обществе шла тайная и явная борьба. Если приглядеться, начинаешь это ощущать. Вот бы разобраться во всех тонкостях! – тогда мне удалось бы написать интереснейший на свете репортаж.

Отец семейства восседает на самом высоком месте в вольере, на скалах и от туда контролирует всю семью. Когда поднимается шумиха и обезьяны принимаются дебоширить, хватает одного окрика Отца-павиана, чтоб воцарилась полная тишина. Непокорные самки, нарушающие «правила», подвергались суровому наказанию. Они подвергались половому насилию Отца-павиана. Всего лишь за час мне пришлось стать свидетелем ровно трех таких наказаний. Во время этого процесса самка смиренно подчинялась Отцу-павиану, покоряясь его желаниям. После «процесса наказания» самка становилась такой тихой, так боязливо забивалась в угол, что ни за что нельзя было бы предположить: именно она поставила вольер на уши своим дебошем (Но это декадентство особо не затягивалось, вскорости самка снова возвращалась к привычному настроению и действиям). А Отец-павиан рычал, бил себя в грудь и возвращался на свой трон в возвышении.

Другим методом наказания была ссылка в заднюю клетку. В зоопарке для павианьей семьи были выделены две большие клетки. Одна на открытом воздухе, во круг которой собрались мы, а другая клетка располагалась в закрытом помещении. Обезьяны переходили из клетки в клетку через несколько маленьких отверстий-дверей. Павиан, вызвавший гнев доминантного самца-Отца, в качестве места отбывания наказания перебирался в закрытую клетку, где из-за жары почти не имелось зрителей.

В диктатурах справедливости нет, будь это общество, созданное животными либо людьми. Борьба обезьян за еду, принесенную работником зоопарка, была со-

вершенно далека от принципа справедливости. Сильный отбирал еду у слабого. Справедливое разделение пищи не волновало и абсолютного лидера – самца-Отца. Его уже всем обеспечили, еды у него было навалом.

Семья павианов напомнила мне Чарльза Дарвина, в особенности его книгу «О выражении эмоций у человека и животных». Эта книга, попавшаяся мне у бакинских букинистов в 80-х, отложилась в моей памяти по большей части своими иллюстрациями. Наблюдая обезьян в загоне, еще раз убеждаешься: человеческое общество переняло свое устройство от природных законов. Порой мы заходим столь далеко, что забываем: мы частичка природы, одно из порожденных ею существ. Именно это напомнили мне обезьяны – мы тоже одни из живых организмов природы.

Как схожа мимика страдающего человека и обезьяны, подвергшейся насилию... Довольная улыбка самки, кормящей грудью детеныша и при этом не отводящей от него взгляда, точь-в-точь как улыбка матери на картине Леонардо да Винчи «Мадонна Литта», матери, кормящей молоком своего малыша. Чувства изгнанной из стаи обезьяны написаны у нее на лице, словно тень страданий, охватившая горемычного человека. А радость особей, перепрыгивающих с ветки на ветку со счастливым смехом, ничем не отличается от блаженной человеческой радости. Эмоции же самца-Отца, наслаждающегося процессом наказания, так походят на садистские ощущения человека, который тиранит и мучает слабых и бесправных.

Жизнь в клетке напоминала режим, созданный людьми, властвующими над себе подобными. От новорожденного малыша до главаря все подчинялись жесткой системе, работающей с точностью механизма. Будто главарь рожден править, а все остальные подчиняться.

Все общества, созданные людьми на заре цивилизации, построены на основе принятых у животных и зверей моделей общежития. Эта схожесть берет свое начало в одной воле, руководящей всем живым – «желание сильного править над слабым». Это главный принцип модели общежития, интуитивно созданной живыми существами.

Это чувство присуще всему живому. В особенности, человеку. Ни один зверь не сравнится с человеком в жестокости по отношению к себе подобным.

Впоследствии некоторые людские сообщества, прошедшие через тысячи исторических испытаний, смогли создать «общество равных возможностей» на основе иных моделей.

А некоторые все еще живут в обществах, похожих на обезьянью диктатуру, которую мне довелось увидеть в копенгагенском зоопарке.

Клятва Мустафы Джемилова

Я посмотрел интервью лидера крымских татар Мустафы Джемилова телеканалу «Дождь» после того, как тот провел телефонную беседу с Владимиром Путиным в Москве. Интервью напомнило мне его последнее слово, сказанное на одном из очередных судебных процессов в Ташкенте 30 лет тому назад. Это последнее слово, которое я помнил чуть ли не наизусть, мы в свое время перевели на азербайджанский и опубликовали в журнале III Sektor.

Ничего не изменилось, во время беседы с Путиным Мустафа-ага противопоставил насилию и жестокости свои принципы, убеждения, честь и достоинство.

Нет, я не в том возрасте, чтобы становиться чьим-либо фанатиком, в особен-

ности фанатиком политика. Думаю так по меньшей мере потому, что за последние 25 лет становился свидетелем, а порой и участником многих исторических событий в Азербайджане и за его пределами, имел возможность наблюдать вблизи многих известных политиков. Так что, смело признаюсь, второго такого человека, верного своим жизненным принципам, политической чести, национальным, и в то же время общечеловеческим ценностям, среди знакомых до сих пор политиков я не встречал.

В то время, когда один из наших политических лидеров говорил о том как во-друзил в Китае флаг, а мы при этом теряли Гарабах, другой – говорил о спасении народа, а сам, по сути, превратил народ в бесправную массу, Мустафа Джемилов занимался более реальными делами: он искал пути возвращения своего народа на историческую родину. Убедил людей в том, что надо вернуться на родину, вел переговоры с руководителями Узбекистана и Украины по поводу помощи переселению семей, без устали уговаривал руководство Крыма, чтобы те хотя бы не мешали строить лачуги да хибары, озвучил проблемы народа в ООН и других международных организациях.

Сложно представить не правовую сторону переселения тысяч семей из одной страны в другую, но материальную и физическую тяжесть преодоления пути, тянущегося тысячи и тысячи километров. К тому же на родине их никто не встречал с распростертыми объятиями. Лачуги, с таким трудом возведенные крымскими татарами за одну ночь, сметали начисто бульдозерами, но наутро местная власть обнаруживала на руинах новые постройки. В ту пору органы спецслужб записали тайно на пленку рукопашные драки крымских татар с теми, кто разрушал их дома, сожжение тракторов, акции протеста. Впоследствии активисты из числа крымских татар каким-то образом заполучили те самые записи. Каждый, кто видел эти записи, изумлялся их отваге и мужеству.

Вот таким образом народ строил себе дома, закладывал деревни и поселки на исторической родине. Они хотели лишь одного: не помощи правительства, а его невмешательства. Благодаря этой нестигаемой воле численность крымских татар на полуострове поднялась от 0 до 12 процентов, они стали с общественно-политической точки зрения самой организованной общиной на территории бывшего СССР.

Впервые с Мустафа-агой я встретился в летом 1994-го года на съезде тюркской молодежи мира, состоявшемся в Бахчисарае. Тогда принимающей стороной были крымские татары, часть которых вернулась на родину недавно. Простота, заботливость, теплый юмор в скором времени сделали Мустафу Джемилова всеобщим любимцем. Когда спустя несколько лет я участвовал в качестве гостя на съезде Меджлиса крымских татар и слышал ответы Джемилова как председателя Меджлиса на критику, упреки, претензии членов общины, то был очарован демократической атмосферой, атмосферой свободы мнений, созданной этим политическим деятелем, национальным лидером, отсидевшим 15 лет в советских лагерях, а также его широким мировоззрением, интеллектом и в то же время искренностью.

Впоследствии мы встречались с ним и в Крыму, и в Киеве. В 2003-м году мы пригласили его на встречу Международной сети центров плюрализма, состоявшуюся в Баку. Баку он видел впервые и приехал с большим воодушевлением, будто к себе на родину.

Более-менее интересующиеся политической историей знакомы с историческим отношением России к крымским татарам. Многовековая политика России по отношению к Крымскому ханству подытожилась 18 мая 1944-го года ссылкой выжившего после всех уронов местного населения. В ту страшную ночь последние 200 тысяч крымских татар были высланы из родных краев, где некогда их проживало 7 миллионов, в Узбекистан и другие места. Тогда Мустафе-аге шел всего лишь год.

Его сестра Дилара Сеитвалиева гостила у нас в Баку. Когда она рассказала об ужасах, приключившихся с ее семьей, моя мать, вкусившая горечь изгнания, горечь жизни беженцев, произнесла со слезами на глазах: «Ваши страдания ужаснее наших!».

Я обошел Крым, можно сказать, вершок за вершком, глядел глазами своих друзей – крымских татар – на следы их былой жизни, стертые поначалу царизмом, а затем советской властью. Я гостил во многих здешних семьях и интересовался обычаями, оказавшимися мне близкими и родными. Я слушал рассказы о годах изгнания, слушал песни, и эти слова казались мне одним из диалектов азербайджанского языка.

Одна пожилая женщина, продавшая свой дом в бакинском поселке Хырдалан и вернувшаяся в Бахчисарай, рассказывала: «Нас затолкали в товарные составы, многие были в ночных пижамах, даже одеться по-человечески не дали. Поезд всё шел и шел, многие дни. Моя младшая сестра изнывала от жажды. Мать перерезала себе вену и поднесла к губам сестры, а малышка пила эту кровь вместо воды. Бедняжка умерла прямо в вагоне. На каждой станции военные проверяли эшелон, выволакивали из вагонов умерших. Так же поступили и с телом моей сестры. Она долгие годы снилась мне каждую ночь».

Было очень трогательно видеть рвение народа, особенно в первые годы возвращения на родину, народа, который принялся возводить себе стены на пустом месте, старался восстановить пропавшие материально-культурные ценности. Одна молодая девушка так радовалась находке фрагмента ковра величиною с ладонь, что, казалось, будто она отыскала сокровище. Да этот фрагмент ковра и был сокровищем. Девушка-ткачиха говорила, что у нее теперь есть представление о национальном ковре, и по крохотному фрагменту удастся восстановить целый ковер.

Фольклорные образцы, созданные крымскими татарами в изгнании, отражают горькую судьбу и историю народа. Баяты, песни... В интернете легко найти такие песни, как «Вахшасарау аралıkları», «Guzel Krim». Послушайте, и вы почувствуете, что я хочу сказать.

В 1956-ом году крымских татар реабилитировали, как и других народов, подвергшихся сталинским репрессиям, но за ними не признали права возвращения на родину. Ради признания этого права Национальное движение крымских татар долгие годы вело борьбу, многие внесли лепту в эту борьбу ценой своей жизни. Как и Муса Мамут, обвиненный в 1978-ом году в Крыму в нарушении паспортного режима. Муса Мамут сжег себя, чтобы не сдаваться милиции, приехавшей его арестовать. А впоследствии об этом была написана поэма «Факел над Крымом».

Хотя на протяжении истории в Москве сменялись политические режимы, их отношение к крымским татарам оставалось неизменным. Неизменным по сей день. Приведу один пример. В 2012-ом году со всех сайтов «пропала» полная версия фильма Ахтема Сеитаблаева «Хайтарма», повествующего о последней депортации крымских

татар. Остался лишь трейлер на несколько минут. Случайность? Кто способен удалить с сотен сайтов неудобный и неугодный фильм?!

Сегодня в Крыму, фактически оккупированному Россией, проводится референдум о статусе полуострова. Волна сепаратизма охватила и восточные районы Украины. Европа столкнулась с самым большим конфликтом за последние десятилетия. Надвигается угроза войны. Происходящее по своему масштабу можно сравнить с Карибским кризисом начала 1960-х.

Беседа Путина с Мустафой Джемиловым в такое время наводит на мысль о том, что Путин попытался втянуть известного советского диссидента в неуместный торг. Во время беседы Мустафа-ага настаивал на сохранении суверенитета Украины, а Путин признался: он не сомневался, что эта достойная личность, прошедшая такой сложный жизненный путь, будет стоять именно на такой позиции, и потому выразил ему свое уважение. Видимо и Путин понимает, что Мустафа Джемилов – незаурядный политический деятель, носитель исторической миссии, как Махатма Ганди, Нельсон Мандела...

Сейчас крымские татары перед новым испытанием. Они стали поневоле региональными игроками международного конфликта и в то же время заложниками в этом конфликте. В решении кризиса все нуждаются в Мустафе Джемилове – и Украина, и Европейский Союз, НАТО, ООН, и даже сам Путин. Посвятивший всю свою жизнь борьбе за мир, дважды номинированный на Нобелевскую премию Мира Мустафа-ага и сегодня возглавляет свою миротворческую миссию. Я верю, что он справится и с этим тяжелым положением, и на сей раз выведет свой народ невредимым из испытаний.

Во вступлении я вспоминал последнее слово Мустафа-аги, сказанное им 30 лет тому назад на советском суде 15 февраля 1984-го года. Оно завершалось следующими фразами: «В конце похожего шестидневного процесса, проведенного четырнадцать лет тому назад в Ташкентском городском суде, я, когда мне дали последнее слово, поклялся, что никто, никогда и ни при каких условиях не заставит меня отказаться от своего долга и обязательств, обусловленных моим национальным достоинством, совестью и честью. Сегодня я могу повторить эту клятву и надеюсь, что мне хватит моральных сил оставаться верным этому принципу до конца своей жизни».

Я посмотрел интервью по каналу «Дождь» и понял, что во время беседы с Путиным Мустафа Джемилов напомнил полковнику КГБ свою клятву...

ГОСТЬ

ИРИНА НАДИРОВА

(Россия)

«Живу в городе Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области, воспитываю трех прекрасных детей, пишу стихи, публикуюсь в местных альманахах. Детство до восьми лет провела в Азербайджане (дедушка жил в Баку) – эти годы до сих пор аукаются в моем творчестве...»

(Из письма в редакцию)

* * *

Маятник вновь по кругу –
Значит, опять вернется...
Где же оно, родное,
В небе палящее солнце?..
Крылья давно сложила –
Не полететь без песен.
Рана давно зажила,
Но без тебя мир тесен.
Я влюблена в просторы –
Вот бы назад мне, в детство!..
Я Кельбаджара го́рам
И рекам его невеста.

* * *

Дубовый листопад, как магия в лесу.
Мой старый дуб шаманит тихо кроной.
И горный лепет речки Исти-су...
Мне не забыть пещер глубоких стоны.

Мой старый дуб, листочки-лоскуты...
Подпитываюсь я священной силой –
Здесь, в этой точке, столько красоты,
Что красоту планеты всей вместила.

Мой старый дуб, изогнутые ветки...
О, как люблю отцовский дом – Баку!..
В горах я слышу эхом голос предков,
И эту память в сердце берегу.

* * *

Я добавлю вина в свой вечерний рассказ...
(И камин обязательно, с пледом).
Я сегодня хочу рассказать про Кавказ –
Мир, который для многих неведом.

Где бордовый закат обнимался с зарей,
Горных песен в душе отголоски...
Но сравняли дома наших близких с землей,
И остались лишь пыль да известка.

Мне пришлось воевать со своей же душой,
Чтоб забыть ту беду в Кельбаджаре.
Мне семь лет, а казалась такой я большой –
Слезы капали и замерзали.

Нас, как стадо в ночи, загружали в «КАМАЗ»,
И такое забыть мне едва ли.
Но чужим и спокойным мой странен рассказ,
Как с корнями дедов выдирали.

Зреют груши, и кто-то читает намаз,
Небосвод отразился в просторе...
И душа навещает во сне мой Кавказ.
Но я рот запечатаю горю.

Я в потоке людей и в быту растворюсь.
Что ж, повсюду случаются войны...
На вояк и правительства реже я злюсь –
Но в горах я волчицею вою.
